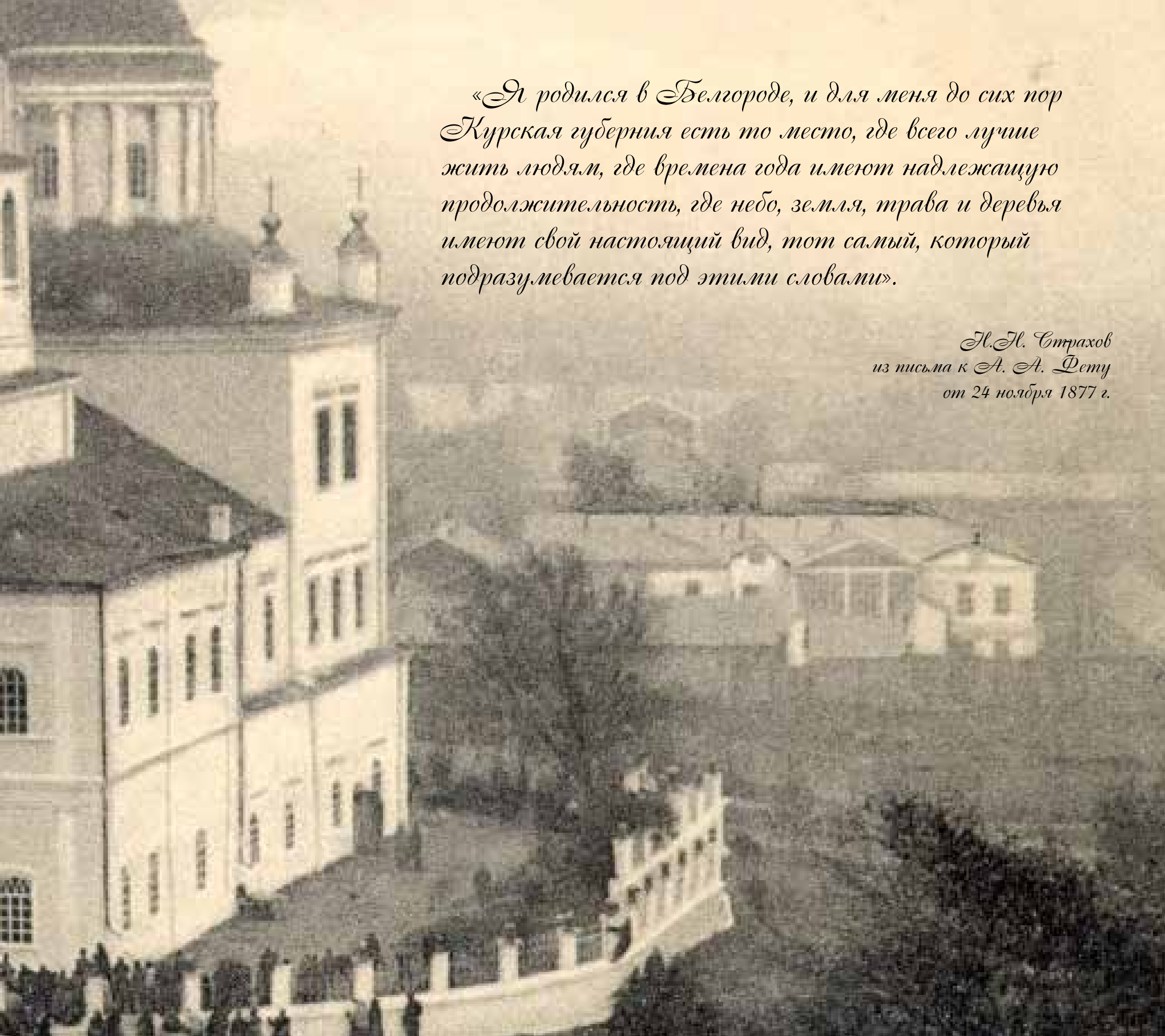
A detailed oil painting of Nikolai Nikolaevich Strakhov, an elderly man with a long, full white beard and mustache. He is wearing a dark, heavy coat over a light-colored shirt and a patterned vest. He is seated and looking slightly to the right of the viewer with a thoughtful expression. The background is a dark, textured brown.

**НИКОЛАЙ
НИКОЛАЕВИЧ
СТРАХОВ**

**ЖИЗНЕННЫЙ
ПУТЬ: НАЧАЛО**

АЛЬБОМ-БИОГРАФИЯ
К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

«Я родился в Белгороде, и для меня до сих пор Курская губерния есть то место, где всего лучше жить людям, где времена года имеют надлежащую продолжительность, где небо, земля, трава и деревья имеют свой настоящий вид, тот самый, который подразумевается под этими словами».

*И.И. Страхов
из письма к А. А. Пету
от 24 ноября 1877 г.*

УДК
ББК

Международный научно-исследовательский центр «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования» Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»)

**К 190-летию со дня рождения
Николая Николаевича Страхова**

Полухин О.Н., Щербакова М.И., Ольхов П.А., Мотовникова Е.Н., Сорокина Д.Д., Масалов А.Г. Николай Николаевич Страхов. Жизненный путь: Начало (альбом-биография). Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2018. 120 с.

Интерес к личности Н.Н. Страхова (1828–1896), русского «всепонимающего философа» интенсивно возрастает как в отечественном, так и зарубежном исследовательских сообществах. Наименее известны годы становления мыслителя — его семейная история, годы интеллектуального и профессионального самоопределения, которые охватывают чуть более тридцати лет (конец 20-х — 50-е гг. XIX в.). Уточнить канву внешних событий и истории внутренней жизни мыслителя в то время призвано настоящее издание, выполненное в жанре семейного альбома. Основная часть архивных документов и фотографий в альбоме-биографии публикуются впервые.

Книга подготовлена исследовательской группой, в состав которой вошли ведущие ученые России — специалисты в области интеллектуального наследия Н.Н. Страхова, и является первой частью биографического проекта Белгородского государственного национального университета, призванного представить личность и мышление мыслителя преимущественно в документах и оригинальных исследовательских материалах.

УДК
ББК

ISBN

Оглавление

I	Белгородские родники	20
	<i>Генеалогическое древо семьи Страховых-Савченко</i>	25
II	Семинария	30
III	Университет	40
IV	На педагогическом поприще	50
	Н.Н. СТРАХОВ — АРХИМАНДРИТ ИОАНН (СКИВСКИЙ) Переписка 1844–1849	60
	Избранная библиография	100

РУССКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

**СЛОВО О Н.Н. СТРАХОВЕ РЕКТОРА
НИУ «БелГУ», ДОКТОРА ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА О.Н. ПОЛУХИНА**

Имя Николая Николаевича Страхова (1828–1896) относится к числу тех значительных русских мыслителей, которым пришлось провести немало лет в забвении. Из общественной памяти ушли не только многие его труды — была забыта и во многом мифологизирована жизнь и сама незаурядная личность этого человека. Математик, зоолог, сдержанный метафизик и философ науки, мысливший цельно, оригинальный литературный критик, открывший миру смысловые глубины «Войны и мира» Л.Н. Толстого, переводчик — вся продуктивная разносторонность Страхова мало-помалу открывается современным исследователям интеллектуальной истории России. Интерес к наследию Н.Н. Страхова проявляется в различных научных сообществах — от США и Канады до Китая; в России страхововедческие исследования ведутся учеными Санкт-Петербурга, Москвы, Белгорода, Уфы, Перми и др. Однако до сих пор мы не располагаем биографией, в которой существенным образом было бы восстановлено личностное единство страховского мышления.

В современной биографической литературе немало различных концептуальных образов Н.Н. Страхова. Он предстает то монахом в миру (почти буквально понимаются литературно-публицистические заметки о нем, сделанные Б.В. Никольским и Д.И. Стахеевым), то мстительным и мнимым другом Ф.М. Достоевского (так истолковывается образом одно из писем Страхова к Толстому), то узким литературным критиком или расчетливым апологетом Л.Н. Толстого, то мыслителем, как будто не преодолевшим свою семинарскую

ограниченность, а то и скептиком и скрытым материалистом. Впрочем, чем больше публикуется биографических исследований и материалов о Н.Н. Страхове, никогда не становившимся, по его собственному слову, ни под какие «знамена», тем яснее, что его следует прежде всего мерить той мерой, которую он назначал себе сам — мерой нравственного роста и самосбережения.

Издание, которое Вы держите в руках, подготовлено накануне 190-летия Н.Н. Страхова. По своей жанровой форме — это своего рода семейный альбом, посвященный наименее известным годам жизни Н.Н. Страхова, времени его детства, юношества и первому десятилетию самостоятельной жизни. Мы стремились показать нравственные особенности жизни и личности Страхова с максимально короткой исследовательской дистанции — представить их по преимуществу документально. Как и во всяком альбоме, в книге содержатся фотоснимки разных лет, газетные вырезки, архивные выписки и т. д. Многие из представленных здесь документов прежде не публиковались или публиковались частично. Наиболее крупная документальная часть издания — переписка студента Санкт-Петербургского университета Н.Н. Страхова со своим прежним семинарским наставником архимандритом Иоанном (Скивским), которую мы впервые публикуем полностью. Этот уникальный документ с трудной судьбой, подготовленный к изданию И.П. Матченко, мужем племянницы Н.Н. Страхова, еще в 1905–1906 гг., свидетельствует о повседневных нравственных испытаниях, которые преодолевал Страхов-студент, духовно укрепляясь в переписке со своим наставником с драгоценной для всех исследователей отечественной интеллектуальной истории конкретностью. Русский XIX век знает немало мыслителей — выходцев из духовного звания, к числу которых принадлежал и Страхов. Но этот документ диалогической связи со своим прошлым, которое не покидает становящуюся личность университетского ученого, а сознательно им переживается и укореняется в нем, — случай,

пожалуй, единственный. В юбилейном издании нет места академической пространности, но, соблюдая приоритет уникальных документов, мы сочли разумным оставить в нем основные маркеры, при помощи которых документы можно идентифицировать в дальнейших исследованиях: указываются архивные данные, с точностью до страницы приводятся цитаты на уже опубликованные тексты и т. д.

Публикуемый альбом-биография — часть большого многолетнего комплексного научно-образовательного проекта, посвященного Н.Н. Страхову в Белгородском государственном национальном исследовательском университете. В рамках этого проекта именем Н.Н. Страхова — русского мыслителя и потомственного белгородца, выходца из семьи белгородской церковной интеллигенции, — названа фундаментальная научная библиотека университета. Создана библиотека-музей Н.Н. Страхова, в которой реконструирован интерьер последней петербургской квартиры, собираются прижизненные издания трудов мыслителя; электронная коллекция библиотеки-музея в большей своей части имеет открытый доступ и по своей полноте не имеет аналогов в библиотеках, архивах и музеях России и зарубежья. Памятный барельеф украшает старинное здание социально-теологического факультета нашего университета; одна из улиц Белгорода — улица Николая Страхова... Проект продолжается, и мы надеемся, что его интегрирующее значение в современном университетском образовании и всем деле российского национального просвещения будет возрастать.

Глубокомыслие и все более очевидная нравственная щепетильность Н.Н. Страхова — залог того, что это мыслитель не уходящий, всем опытом своей жизни свидетельствующий об основаниях, рисках и свободных началах добротного мышления, которые осваивают наши студенты и переоцениваем все мы — ради наилучшего будущего нашего Отечества и каждого из нас.

БЛАГОДАРНОСТИ

Книга, которую вы держите в руках, не могла бы состояться без искреннего участия в ее судьбе наших коллег – сотрудников Института мировой литературы им. А. М. Горького и Института русской литературы (Пушкинского дома) Российской Академии наук, Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Государственного музея Л.Н. Толстого, Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское», отечественных и зарубежных архивов, библиотек, музеев, университетов, государственных, религиозных и общественных организаций, которым мы приносим искреннюю благодарность.

Неизменно поддерживали нас во всех наших исследовательских начинаниях, поисках и дискуссиях руководство и сотрудники Государственного музея Л.Н. Толстого Людмила Викторовна Калужная, Юрий Владимирович Прокопчук, Илья Игоревич Бендерский и др.

Нашими постоянными сотрудниками и друзьями в музее-усадьбе Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» стали заведующая мемориальным домом Л.Н. Толстого Надежда Валерьевна Переверзева, хранитель личной библиотеки Л.Н. Толстого Ольга Викторовна Гладун, старшие научные сотрудники Людмила Васильевна Милякова и Елена Георгиевна Карнаухова, заслуженный работник культуры РФ Татьяна Васильевна Комарова, заведующая научной библиотекой Галина Николаевна Панчева, заведующая научно-исследовательским отделом Галина Васильевна Алексеева и другие.

Бесценной была для нас высокопрофессиональная и обстоятельная познавательная поддержка отдела истории библиотечного дела Российской Национальной библиотеки – Андрея Николаевича Антоненко, Галины Васильевны Михеевой, Ирины Германовны Матвеевой, Сергея Владимировича Белова и др., обративших наше внимание на автографы мыслителя, особенности личного дела Н.Н. Страхова и терпеливо содействовавших разрешению труднейших информационно-библиологических и организационных вопросов.

Мы весьма признательны заведующему отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского университета Алексею Александровичу Савельеву и Николаю Ивановичу Николаеву, главному библиотекарю отдела редких книг и рукописей, – исследователям, которые всемерно способствовали организации работы с документами домашней библиотеки Н.Н. Страхова.

Глубоко профессиональное и дружеское участие в наших поисках Ирины Анатольевны Едошиной, доктора культурологии и профессора Костромского государственного университета, создало уникальные возможности для понимания особенностей костромских контекстов жизни Н.Н. Страхова.

Обстоятельным и продуктивным было сотрудничество с белгородским журналистом-историком Сергеем Александровичем Рудешко, исследовавшим документы о жизни Николая Петровича Страхова, отца Николая Николаевича.

Отдельную сердечную благодарность мы хотели бы выразить митрополиту Ферапонту, главе Костромской митрополии, управляющему Костромской епархией, и ректору Костромской духовной семинарии священнику Георгию Владимировичу Андрианову, благорасположенным к возобновлению истории семинарии, ее наставников и учащихся, среди которых был архиепископ Нафанаил (Савченко), дядя Н.Н. Страхова, и он сам.

БЕЛГОРОДСКИЕ РОДНИКИ

Николай Николаевич Страхов родился 16/28 октября 1828 г. в Белгороде, в семье потомственных священнослужителей Православной Российской Церкви — «духовных», как тогда было принято говорить. Никто не был особенно родовит; напротив, в семье царилла восприимчивость к различным социальным влияниям. О своем происхождении сам Н.Н. Страхов в юношеском автобиографическом опыте «По праздникам» писал: «Я родился от русской крови. Мой отец — духовного звания, а духовные наши — коренные русские. Но мать моего отца была гречанка; но я родился от малороссиянки, которой дед был родовой казак, а мать — из польского семейства. Сколько разнообразности влияний!» (ИР НБУ (Киев). Ф. I. Ед. хр. 5277. Л. 15). Здесь дорожили хорошим образованием (ближайшие родственники были весьма успешными выпускниками Киевской духовной академии) и самодисциплиной — тем,

что проявлялось на поприщах церковной, государственной или научно-педагогической деятельности.

Его отец, Николай Петрович Страхов (1794–1834), ко времени рождения сына стал профессором словесности и секретарем правления Курской духовной семинарии, которая располагалась тогда в Белгороде. В год рождения Николая правящим епископом он был удостоен «особенного одобрения за службу» и вскоре — в течение 1831–1833 гг. — последовательно рукоположен во диакона (в Преображенской церкви), священника и старшего священника (протоиерея) в Белгородском Смоленском соборе. Дед Николая по отцу, священник Петр Страхов, служил во Владимирском храме. Мать — Мария Ивановна, урожденная Савченко, — дочь протоиерея Иоанна Трофимовича Савченко, служившего в Свято-Троицком кафедральном соборе Белгорода и бывшего профессором и ректором Курской духовной семинарии.

Бѣлгородъ.—Belgorod. № 7.
Общій видъ города.

Иван Иванович Хемницер (1745–1784), поэт и переводчик, член Российской академии, автор басни «Собака и мухи», которую читал перед гостями мальчик Николай Страхов

Гравюра П.Ф. Бореля (с рисунка неизвестного художника).

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852) автор «сладкозвучных стихов» баллады «Людмила»

П. Соколов. Портрет В. А. Жуковского. 1820-е. Бумага, акварель.

У Николая было двое братьев, Петр (старший), Павел и сестра Антонина. Всем детям прививалась любовь к учению. В памяти Н.Н. Страхова крепко запечатлелась отцовская похвала его ученическому усердию: «Помню, он (отец — авт.) хотел учить меня писать. Я сидел у него на коленях; он собрал несколько оторванных от хрих неисписанных четвертушек и сшил их in octavo шелковой ниткой. Тетрадь эта очень меня обрадовала, хотя листы ее были разной бумаги с кружками [от чайного стакана — Авт.], о которых я говорил. Но верю, я ничего бы не помнил об этом, если бы при этом не было польщено мое самолюбие. Отец вышел со мною на крыльцо и стал упрекать брата за то, что тот все бегаёт: хвалил меня, назвав умницей, и сказал, что у брата не будет такой тетрадки. Вот что первое я пом-

ню!» (ИР НБУ (Киев). Ф. I. Ед. хр. 5277. Л. 16).

Сохранились воспоминания Н.Н. Страхова о первых прочитанных книгах: отец «как-то заставил меня прочитать перед гостями “Стрекозу” Крылова и “Собака ловит мух” Хемницера. [Хемницер Иван Иванович (1745–1784), русский поэт и переводчик. Считается самым значительным баснописцем до И. А. Крылова. — Авт.]. Этот случай, польстивший моему самолюбию, я удержал в памяти. Книги, где были эти басни, стояли в шкафу за стеклом в том же кабинете. “Собака” мне нравилась больше, чем “Стрекоза” с ее стрекозиным размером. Но дольше осталась в моей памяти “Людмила” Жуковского; долго потом надо мною звучали эти сладкозвучные стихи, но я нигде не находил баллады, и мне удалось ее снова прочесть только в Костроме» (ИР НБУ (Киев). Ф. I.

Аттестатъ.

Уважаемый сын Николай Ивановичъ Купцова бывшій студентъ
Киевской Духовной Академіи въ 1857 году окончилъ курсъ
2го класса, изъ Купцова Сашкавіна, по окончаніи въ
немъ учебнаго курса поступилъ въ Высшую Духов-
ную Академію и сообразно съ своею высшею
учебною работой

за способностями **очень хорошии,**
приспособленности **по специальности,**
послужилъ **прилежно;**

на основании чего и по истиннымъ способностямъ
въ наукахъ возмощаеъ **отлично,**

философическихъ **очень хороши,**
классика въ Русскомъ **отлично,**
Церковной Каноши **очень хороши,**
Церковнаго Крашеводства
Гражданской Каноши } **отлично,**
Варшавской Словесности

Лекцій Философіи } **отлично,**
Естественнаго }
Историческаго }
Математическаго **хорошо,**

и прислуживался въ 1^ю редакцію Академіи въ
Всеподобию въ 1857 году Служилъ 1^ю года въ
Классе Католическаго Духовнаго Академіи
въ 1857 году. Академія возмощаеъ и назначаетъ въ
Классе Сашкавіна. Исполнителю по Высшей Академіи

Въ Копію аттестата сын и отецъ нашъ Николай
сынъ Александръ Купцова 1857 года
Ректоръ Александръ Купцовъ
М. Купцовъ, Секретарь Купцовъ

Секретарь Купцовъ

Аттестат об окончании Киевской духовной академии Николая Петровича Страхова, отца Н.Н. Страхова

Ед. хр. 5277. Л. 18).

Отголоски счастливых семейных встреч за праздничным столом хорошо слышны в страховской повести-автобиографии «По утрам»: «Этот неожиданный чай превратил нынешний день в праздник, в праздник, который для детей всегда кажется светлее всех дней недели и которого не знают взрослые. Я вспомнил то детски веселое чувство, не дававшее нам сидеть на месте, когда вечером в воскресенье являлся вдруг самовар на столе и приносились лакомые сливки» (Страхов Н.Н. По утрам // Толстой и о Толстом. Вып. 4. Материалы к комментариям. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2010. С. 402).

За домашним воспитанием последовало общественное. В 1836–1837 гг. Николай начал посещать школу, Белгородское духовное училище.

Курское (Белгородское) духовное училище. Начало XX века.

Общий вид Свято-Троицкого Белгородского мужского монастыря

Из неоконченной автобиографической повести «Последний идеалист»

«Помню я себя очень рано; мне мерещится даже, как нянька держит меня на руках перед печью, в которой варится картофель — старое холерное время, когда карантинные остановили подвоз съестных припасов в наш городок, и многим приходилось питаться одним картофелем. Но все это — сумерки, почти темная ночь для моей памяти. С величайшей живостью я помню, как вдруг прошли эти сумерки, помню первое пробуждение ясного сознания, оно действительно походило на яркий луч солнца после темной ночи. Это случилось в день смерти отца. Мне было тогда лет шесть, но до сих пор сохранились в моей памяти все подробности. В ту ночь меня душил кошмар. Казалось мне, что я лежу в постели, и что к самому моему лицу наклонилось какое-то страшное чудовище. Я не имел силы пошевелиться и не мог взглянуть на него, а оно, наклонясь к самому моему уху, глухим голосом ревели: “Угу! угу!”... Меня разбудили, и как только я раскрыл глаза, я увидел, что вокруг меня делается что-то необыкновенное. Дом был полон людей, плакали, разговаривали каким-то странным, до сих пор мною неслыханным тоном. Что такое? Отец умер. Не помню первых минут; едва мелькает в моей памяти труп отца, который я увидел из другой комнаты. Но когда сознание мало-помалу прояснилось, оно все перешло в чувство какого-то особенного изумления. Проходили сутки, потом другие, третьи, а я все старался понять, что такое делается кругом, и напряженно вглядывался и вслушивался. Все кругом меня: лица, слова, мысли и движения — все казалось мне чем-то незнакомым и чуждым. А что такое было все это чужое и непонятное? Это была просто жизнь, это были проявления жизни, разбуженные и ускоренные

смертью. Не сумею выразить этого детского настроения точными словами, скажу, как могу. В те минуты я как будто в первый раз и с глубокой ясностью чувствовал, что я чужой для жизни, что я, так сказать, неживой, неживущий человек. Жизнь стала для меня загадкой, для которой нужно искать разрешения, темным делом, требующим уразумения. Все это время я был тих и неподвижен; даже в те минуты, когда подступала печаль, когда слезы текли по моему лицу, меня не оставляла моя дума, и я напряженно вникал: что же это такое? Я тогда же заметил — и это меня поразило — что брат мой, почти мой ровесник, глубоко отличается от меня. Он очевидно жил, тогда как я не жил. Он принимал во всем прямое, живое участие, никакая дума не тяготела над ним и не отталкивала его от жизни. После самого горького плача, он скоро осушал глаза и весьма бодро вмешивался в какие-нибудь хлопоты, бегал по двору, даже совершил какую-то шалость по случаю раздачи нищим денег и калачей. Я же только смотрел и думал свою изумленную думу.

Говорю вам все это подробно, потому что для объяснения моего душевного строя, все это имеет величайшую важность. Представьте, что я как вытаращил тогда глаза на жизнь, так и остался на долгое время с вытаращенными глазами, что и в моем отрочестве, и в моей юности все мне казалось чужим и непонятным и что это глубокое и тяжелое раздвоение мало-помалу утратило свою резкость только в совершенно зрелом возрасте мужества, но оставило во мне следы»

(Страхов Н. Н. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. С. 262–264).

Колокольня Белгородского
Свято-Троицкого собора

Белгородский Смоленский собор, в котором служил протоиерей Иоанн Трофимович Савченко, дед Н.Н. Страхова по материнской линии. Здания собора были разрушены в 1927 году. Общий вид. За правой границей снимка находилась группа домов, в одном из которых жила семья Н.Н. Страхова

Белгородский Смоленский собор. XXI век

*Часовня во имя святителя Иоасафа
Белгородского. XXI век*

*Белгородская митрополия и храм во имя Святой Троицы. Постройка 2014 г.,
на месте Свято-Троицкого мужского монастыря (в т. ч. Свято-Троицкого собора).*

В 1834 г. отец, болевший чахоткой, умер. Николай Петрович был старше Марии Ивановны на тринадцать лет; в год смерти ему было тридцать семь лет, а ей исполнилось только двадцать четыре года. Семья не погибла, хотя мать совсем мало была готова к самостоятельности. Бремя хлопот с нею разделил ее брат, Николай Иванович Савченко, — преподаватель древних и новых языков в Тверской духовной семинарии, который после смерти жены принял монашеский постриг, приняв имя Нафанаила. В 1837 году мать с детьми переехала в г. Каменец-Подольский, в дом брата, назначенного в сане архимандрита ректором Каменец-Подольской семинарии.

Николо-Иоасафовский храм и церковное кладбище, на котором, предположительно, похоронен Н.П. Страхов

Николо-Иоасафовский храм. Интерьер XXI века

Метрическая книга белгородского Столенского собора за 1834 год свидетельствует о смерти отца, Николая Петровича:

«Когда и кто именно потеряли: тридцатого числа в сентябре, штатный Столенского собора протоиерей магистр Николай Петров сын Страхов.

Лета: 37.

От чего приключилась смерть: от чахотки».

Место захоронения отца Н.Н. Страхова сейчас неизвестно.

Из неоконченной автобиографической повести «Последний идеалист»

«Мать моя была невиннейшее и чистейшее создание, какое только я знаю. На ней не лежит не только какого-нибудь самого маленького грязного пятнышка, а даже малейшей темной полоски. Я не помню между нами даже тени, даже возможности неудовольствия. Чем чаще я обращаюсь к прошлому, к той жизни, которая тогда нас окружала и которую ни я, ни она не жили, тем отраднее я останавливаюсь на светлых чертах матери» (Страхов Н. Н. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. С. 265–266).

«Мать моя является мне чистою голубицею, и именно потому, что в ней не было никакой страсти, никакой глубокой и сильной житейской черты. Она была чужда жизни и не освоилась с нею до самой смерти. Что она ни говорила и что она ни делала — все это было чистейшее подражание, подражание наивное, усиленное и добросовестное, но совершенно неудачное.

Припоминаю случай, который по своей необычайной странности, резко запечатлелся в моей памяти. Дело в том, что мать моя, эта чистая голубица, как я сейчас сказал, однажды меня высекла. Согласитесь, что это очень любопытно. Я тогда только что начал ходить в школу; увлекаемый непреодолимым желанием бегать, я оставил где-то на минуту свои книги; в ту же минуту, разумеется, они были у меня украдены.

Вину свою я понимал хорошо и очень боялся, чтобы мне не досталось от кого-нибудь из семейства, но только никак не от матери. Когда я вернулся домой, мать, конечно, сочла нужным сильно побранить меня. Но ее упреки и наставления я выслушал совершенно спокойно, я чувствовал, что она не умеет сердиться, что тут нет и тени гнева, а все делается потому, что так нужно.

Тем, я думал, все и кончится. Вышло, однако же, не так. Мать задумала на этот раз разыграть роль строгой воспитательницы и прибегнуть к самому несомненному педагогическому средству для моего исправления. Но как исполнить этот благоразумный замысел, вполне предписываемый долгом матери? Дело было ужасно трудное и разрешилось престранным образом.

Наступил вечер; мы поужинали и, наконец, пошли в детскую спать. Только что мы улеглись, и нянька унесла свечу, как входит в детскую мать. В потемках она сдергивает с меня одеяло и начинает слабо хлестать меня какими-то прутиками, не причинявшими ни малейшей боли. Я, конечно, пустился реветь, как этому и следует быть при всяком надлежащем сечении. Мать скоро ушла, как я полагаю, совершенно довольная своим педагогическим геройством, тем, что сделала, как другие, что поступила, как нужно. Увы! Она и не подозревала, как мало тут настоящего.

Помню и другие сцены и случаи, резко рисующие природу матери. Гостили мы как-то у тетки, родной сестры матери. Дом тетки иногда захлебывался народом <...>. В обществе, среди этой непонятной для нее жизни, матери моей, бывало, и не слышать и не видеть. Но зато, когда никого не было дома, когда оставались тетка и дети, мать моя предавалась престранным занятиям или, так сказать, обнаружениям самой себя. Она была тогда еще молода; после отца она осталась лет двадцати с небольшим, но, кроме того, она всю жизнь сохраняла в себе что-то девическое и никогда не имела ничего бабьего. И вот у тетки она, бывало, выходит в пустую залу с «Новейшим песенником» в руках. Потихоньку расхаживая и охорашиваясь, она начинает тоненьким и слабеньким голосом петь по этому песеннику: «Стонет сизый голубочек» [песня на стихи И. И. Дмитриева (1792). — Авт.] Среди долины ровныя» [песня на слова А. Ф. Мерзлякова (1810). — Авт.] и т. д. Тетка, бывало, сидит и что-нибудь работает. Пение продолжается час или полтора.

Всего больше меня уже тогда удивляло обыкновенное заключение этой сцены. Напевшись вдоволь, мать закрывала песенник и каждый раз обращалась к тетке с теми же словами. Именно, она очень нежно и плавно произносила: «Извини, милая сестрица, что я тебя беспокою». И тон, и смысл, и сам слог этих слов приводили меня в недоумение. Обыкновенно мать с теткой обращались запросто, а тут вдруг церемонии! Да и говорили они всегда иначе: «Извини, милая сестрица», — было явное сочинение, и сочинение в том самом нежном духе, в каком были песни» (Страхов Н. Н. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. С. 270–273).

*Каменец-Подольский.
Осиротевшая семья Страхова жила здесь в 1837–1839 гг.*

Каменец-Подольский — город за тысячу без малого верст от Белгорода — вряд ли кто навещал; в нем семья прожила недолго, около двух лет, и документов о том времени почти не осталось. Есть разве что косвенное, символическое свидетельство о состоянии внутренней жизни взрослеющего Николая:

«Из детства на меня сильно действовали звон колокола, сияние луны, церковное пение, дым кадила, стихи и тому подобное. ... Звон колокола высокое и чистое благоговение... Любил я свет луны и всегда любовался лунными ночами. Но при этом мне неотступно мерещилась какая-то неведомая сторона, какие-то чудные сады и здания, на которые падает или мог бы падать, или должен был падать этот самый лунный свет» (Страхов Н. Н. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. С. 265–266).

Это состояние душевной взволнованности и ожидания, надо полагать, было вполне сильным у девяти-однанадцатилетнего мальчика, начавшего жить особенной сосредоточенной жизнью в далеком южном городе, в строгом монашеском доме дяди.

За Каменцем-Подольским последует Кострома, а затем и Санкт-Петербург. Но история семьи, продолжавшаяся в разных городах России, будет всегда тесно связана с белгородскими родниками. Здесь жили многочисленные родственники, сюда наведывались, молились у белгородских святынь и гостили у родных близкие члены семьи и сам Н.Н. Страхов.

**Павел Иванович
Савченко**
коллежский регистратор.

Иван Савченко
окончивший курс
медико-хирургической
академии

**Иоанн Трофимович
Савченко**
протоиерей Троицкого
кафедрального собора,
ректор Белгородской
духовной семинарии
(1760 — 1831)

**Катерина
Ивановна**
тётя Н.Н. Страхова
по матери

Нафанаил
(в миру Николай
Иванович Савченко),
архиепископ
Черниговский
и Нежинский (1799,
Белгород — 4 марта 1875,
Чернигов)

**Иоаким Иларионович
Липенский,**
протоиерей.
**Семен Иларионович
Липенский**
выпускник КДА,
дяди по матери

Никанор
протоиерей
Белгородского
девичьего монастыря,
родной дядя
по матери

Генеалогическое древо семьи Н.Н. Страхова

**Мария Ивановна
Страхова (Савченко)**
(1809 — ?)

**Николай Петрович
Страхов**
протоиерей Смоленского
кафедрального
собора, преподаватель
словесности
в Белгородском духовном
училище
(?–1834, Белгород)

Петр Страхов
священник
Владимирской
церкви

Петр Николаевич Страхов
титулярный советник
(1827(?)-1875)

Николай Николаевич Страхов
(1828–1896), ученый, литературный критик,
философ; статский советник.

Антонина Николаевна Страхова
(?-1860)

Павел Николаевич Страхов

**Иван Петрович
Страхов**
ученик Курской
семинарии

Ольга Матченко
племянница
Н.Н. Страхова

Иван Павлович Матченко
(1850 — 1919)

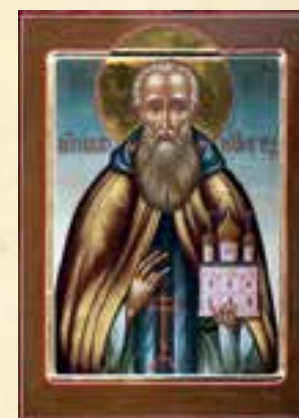
педагог, общественный деятель, выпускник
Полтавской семинарии и Киевской духовной
академии (КДА). Расстрелян ВЧК 15(2) мая
1919 как член Киевского клуба русских
националистов

СЕЖИНЯРИ

*Святой великомученик
Феодор Стратилат,
чтимый небесным
покровителем Костромы*

*Преподобный Никита-
Костромской, ученик
Сергия Радонежского,
основатель
Богоявленского мужского
монастыря*

В 1839 году дядя Николая Страхова архимандрит Нафанаил (Савченко) (1799–04.03.1875) был переведен из Каменец-Подольска в Кострому на должность ректора Костромской семинарии и настоятеля Богоявленского монастыря. С собою он взял и своих опекаемых им родственников, вдовевшую сестру и ее четверых детей.

Богоявленский мужской монастырь, в стенах которого находилась тогда семинария, был основан преподобным Никитой, учеником Сергия Радонежского в начале XV века пережил, эпоху расцвета в XVI-XVII вв. и пребывал в упадке в первой половине XIX века. Монашеская братия была весьма немногочисленна; однако основным обитателем исторического

пространства монастыря со временем стала семинарская молодежь. История Костромской семинарии восходит к 1747 г. и известна именами многих своих ректоров (среди которых был преподобный Макарий (Глухарев), «апостол Алтая») и выпускников (вплоть до А.М. Василевского, маршала Советского Союза). Первоначально семинария располагалась в Ипатьевском монастыре, затем в Симеоновском и Спасо-Запрудненском монастырях; после пожара в последнем в 1813 г. состоялся переезд в Богоявленский монастырь. Здесь, за оградой старинных монастырских стен и башен, между старинных храмов (среди которых семинарским стал Сретенский, построенный в XVII в.), вблизи высоких кедров, большого пруда во времена семьи Савченко-Страховых помещалось свыше полутысячи воспитанников.

Богоявленский мужской монастырь в Костроме

Богоявленский мужской монастырь в Костроме. Современный вид. Снимок со стороны храма

«...следует помянуть добром этот Богоявленский монастырь, где я прожил пять лет и где потешалась наша семинария. Это был беднейший, почти опустошенный монастырь, в нем было, кажется, не больше 8 монахов, но это был старинный монастырь, основанный еще в XV веке. Стены его были облуплены, крыши по местам оборваны, но это были высокие крепостные стены, на которые можно было восходить, с башнями по углам, с зубцами и бойницами по всему верхнему краю. Везде были признаки старины: тесная соборная церковь с темными образами, длинные пушки, лежащие кучей под нижним открытым сводом, колокола с старинными надписями. И прямое продолжение этой старины составляла наша жизнь: и эти монахи со своими молитвами, и эти пять или шесть сотен подростков, сходившихся сюда для своих умственных занятий [...] все вместе имело совершенно определенный смысл и характер, на всем лежала печать своеобразной жизни. Самую скудную жизнь, если она, как подобает жизни, имеет внутреннюю цельность и своеобразие, нужно предпочесть самому богатому накоплению жизненных элементов, если они органически не связаны и не подчинены одному общему началу [...]. В нашем глухом монастыре мы росли, можно сказать, как дети России. Не было сомнения, не было самой возможности сомнения в том, что она нас породила и она нас питает, что мы готовимся ей служить и готовимся оказывать ей повиновение, и всякий страх, и всякую любовь» (Никольский Б. В. Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк // Исторический вестник. 1896. № 4. С. 216.).

Чудотворная Феодоровская икона Божией Матери. Написана в XII-XIII вв. Связывается с призванием в 1613 году на царство основателя династии Романовых царя Михаила Фёдоровича. Хранится в Богоявленском соборе в Костроме.

В 1840 г. в Костромскую семинарию поступил двенадцатилетний Николай Страхов. Добротность обучения и формирование первых познавательных привычек Николая в семинарские годы, в немалой степени, надо полагать, обеспечивалась дядей — хорошо образованным церковным интеллектуалом, впечатлительным человеком и усердным монахом, подвижником отчетливо гуманитарной складки. Подобно отцу Николая, он был успешным выпускником Курской духовной семинарии и Киевской духовной академии — бакалавром немецкого языка; до пострижения (в 1833 г.) служил учителем философии в Курской духовной семинарии в Белгороде, инспектором и учителем философии, греческого и французского языков в Тверской духовной семинарии, получил степень магистра богословия. При его ректорстве в Костромской духовной семинарии было введено преподавание медицины и сельского хозяйства и учреждена именная стипендия; уже в годы епископского служения Нафанаил основал Архангельское епархиальное женское училище; в журнальную эпоху российской интеллектуальной истории, в 60-х гг., был систематическим корреспондентом ежемесячного религиозно-просветительского журнала «Странник», весьма читаемого и вполне критикуемого (известны, например, указания на «кастовость» журнала святителя Игнатия (Брянчанинова)).

По направлению к Богоявленскому мужскому монастырю. Современный вид

«Какой-то живой умственный дух не покидал нашей семинарии и сообщился мне. Уважение к уму и науке было величайшее; самолюбия на этом поприще разгорались и соперничали беспрестанно; мы принимались умствовать и спорить при всяком удобном поводе; писались иногда стихи, рассуждения, передавались рассказы об удивительных подвигах ума, совершавшихся архиереями в академиях и т.д. Словом, у нас господствовала очень живая любовь к учёности и глубокомыслию...». (Никольский Б. В. Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк // Исторический вестник. 1896. № 4. С. 3-4).

Нафанаил (Николай Иванович Савченко), архиепископ Русской Православной Церкви (в Костроме — архимандрит), настоятель Богоявленского мужского монастыря и ректор Костромской семинарии, дядя Н.Н. Страхова

Российский журнал для духовенства «Странник» (1860–1917), в котором публиковались труды архиепископа Нафанаила (Савченко)

Первое сохранившееся стихотворение Н. Н. — «Христосъ Воскресе!» — относится

къ началу 1844 года, когда ему было всего около 15 лѣтъ.

Оно начинается такъ:

Радуйтесь! Нинѣ воскресъ Христосъ, нашъ Спаситель и Богъ нашъ!
Нинѣ Онъ тяжкія узы грѣха съ челоуѣчества свергнулъ...

И кончается словами:

Радуюсь радости Вашей и искренно вмѣстѣ желаю,
Чтобы она не скончалась вовекъ.
Съ моей стороны-же
Всѣмъ, чѣмъ лишь только могу, постараюсь впередъ доставить и
Большо радостей Вашему чадолюбивому сердцу.

Стихотворение это не помѣчено; но, несомнѣнно, оно относится къ указанному нами времени и возрасту Н. Н. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самое стихотворение, но болѣе всего подлисъ: «Облагодѣтельствованный вами племянникъ»...

Очевидно, это стихотворение Н. Н. посвятилъ дядѣ своему, епископу Нафанаилу, на воспитаніи котораго находился и къ которому естественно питалъ чувство благодарности. Особенно же глубокую признательность долженъ былъ питать Н. Н. къ своему дядѣ съ весня 1844 года, когда стало извѣстнымъ намѣреніе Нафанаила взять его изъ Костромы, по окончаніи экзаменовъ въ духовной семинаріи, къ себѣ въ Петербургъ. Попасть въ Петербургъ — это было мечтой Н. Н., и въ своемъ дневникѣ онъ говоритъ съ необыкновеннымъ восторгомъ о предстоявшей поѣздкѣ въ столицу. На первой же страницѣ дневника, помѣченной 1-мъ іюля 1844 г., онъ называетъ Нафанаила «моимъ первымъ благодѣтелемъ».

Нѣтъ сомнѣнія, такимъ образомъ, что стихотворение «Христосъ Воскресе!», написано подъ живымъ впечатлѣніемъ чувства благодарности къ дядѣ, вызваннаго предстоящимъ переѣздомъ въ столицу, и, именно, могло быть написано къ Пасхѣ 1844 года.

Неизданные стихотворения Н.Н. Страхова. С пояснительной заметкой И.П. Матченко // Нива : Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу "Нива". СПб. : А.Ф. Маркс, 1897. № 10.

Богоявленский кафедральный собор, современный снимок со стороны здания Костромской семинарии

«Николай Николаевич находился на его содержаніи [о Нафанаила. — ред.] и воспитаніи с 10-ти лѣтъ и сам называет его своимъ «первымъ благодѣтелемъ». Подъ стихотвореніемъ «Христосъ воскресъ», посвященномъ Нафанаилу, онъ подписался: «благодѣтельствованный вами племянникъ Н. С.» [...] В 1843 г., в сане архимандрита, онъ вызванъ былъ изъ Костромы въ Петербургъ для присутствования въ Святейшемъ Синоде, куда в следующемъ 1844 г. вызвалъ и Николая Николаевича для опредѣленія въ высшее учебное заведеніе. В 1845 г. Нафанаилъ былъ посвященъ в санъ епископа Ревельскаго, викаря Петербургскаго, а затемъ занималъ кафедры: епископа Тольскаго, Архангельскаго и (с 1871 г.) архиепископа Черниговскаго. Умеръ Нафанаилъ в Чернигове в 1875 г. и похороненъ на монастырскій счетъ, такъ какъ не оставилъ после себя никакого состоянія. Обладавъ представительною наружностью, Нафанаилъ былъ выдающимся иерархомъ по уму и ораторскому таланту. Помнится, какой-то англичанинъ, познакомившійся с нимъ в Архангельске, писалъ в путевыхъ запискахъ, что онъ былъ удивленъ, встретивши на дальнемъ севере такого просвѣщеннаго архіерея». (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. кр. 18875, л. 2 об—3 об.).

Гавриил Романович Державин.
Портрет работы
В.Л. Боровиковского (1811 год)

Николай Михайлович Карамзин.
Портрет работы
В.А. Тропинина (1818 год)

За годы своего служения Нафанаил был удостоен и государственных наград — стал кавалером орденов Святого Владимира и Святой Анны I—II степеней и др.

В интеллектуальном развитии Николая в семинарские годы было много свободного, самостоятельного: он стал книгочеем, увлекался Н.М. Карамзиным, Г.Р. Державиным и мн. др.; заметное участие в его становлении принял весьма незаурядный наставник, бывший некогда архимандритом греко-католического Почаевского монастыря Иоанн (Скивский). Иоанн был выходцем из базилианского ордена, являвшегося своего рода византийской альтернативой иезуитам, чьи школы считались лучшими в католической Европе. С о. Иоанном Николай Страхов погружался в глубины философии и литературы, с ним же занимался французским и латынью, математикой и др. Уже в годы университетской учебы Николая о. Иоанн переписывался со своим воспитанником на французском языке — не желая, чтобы юноша терял приобретенные навыки, как, впрочем, и другой накопленный в общении с ним опыт познавательного сосредоточения.

В 1844 г. Николай, прошедший курс обучения на отделениях риторики и философии, не завершая обучения на последнем, богословском отделении, был позван дядей в Санкт-Петербург (о. Нафанаил переехал туда еще в 1843 г.) и стал готовиться к поступлению в университет. В этом не было никакого особенного своенравия: русское православное священство вполне разделяло общественный интерес к науке и разностороннему просвещению, — многие стремились к тому, чтобы дети получали основательное университетское образование, а Страхов, ко всему, был и очень способным семинаристом, одним из лучших.

В начале сентября 1847 года пожар, испепеливший едва ли не всю Кострому, нанес значительный ущерб и Богоявленскому монастырю; сгорели почти все здания, в которых размещалась семинария. Монастырь решено было упразднить, а семинарию поместить в один из двух так называемых «соборных» домов (неподалеку от кафедрального собора Костромы). Но Николая Страхова и его семьи в это время в семинарии уже не было.

Пруд в Костроме (окрестности Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря).
Современная съёмка

Три сосны. Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь, волжская сторона. Современная съёмка

«Образованный, сведущий и симпатичный старик, о. Иоанн пользовался в Костроме расположением местного православного духовенства и семинарского начальства и даже репетировал воспитанников духовной семинарии. В бытность свою в Костромской семинарии Николай Николаевич сблизился с ним, и о. Иоанн Скивский имел на него огромное влияние. Он занимался с ним по математике, латинскому и французскому языкам и вообще руководил его научными занятиями. Практическим знанием французского языка Николай Николаевич исключительно обязан о. Иоанну, с которым весьма часто и переписывался по-французски. Что же касается нравственного влияния о. Иоанна, то его интересные письма преисполнены высоко поучительными наставлениями, какие только могла внушить искренняя и бескорыстная любовь. Николай Николаевич называл его "любезнейшим учителем и благодетелем". В мае 1848 года о. Иоанн был переведен в Киев и здесь жил в доме римско-католического костела. Умер в 1850 г. и похоронен на Байковом кладбище. На могиле его стоит скромный каменный памятник с надписью: "Ксендз Иоанн Скивский, архимандрит Почаевского монастыря, Базилианского ордена. Умер 28 января 1850 г. Жил 75 л.". (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. кр. 18875, л. 1 об—2 об.)

Ученик Н.Н. Страхова В.В. РОЗАНОВ, из переписки с о. ПАВЛОМ ФЛОРЕНСКИМ:

Для В.В. Розанова и о. Павла Флоренского костромская земля — малая родина: в г. Ветлуге Костромской губернии родился В.В. Розанов; в с. Завражье служил диаконом прадед Флоренского Андрей Михайлович. Дружеские связи с Костромой у Розанова и Флоренского были обширными. В.В. Розанов считал себя единственным учеником Н.Н. Страхова; с весьма близким ему о. Павлом Флоренским («Леонардо да Винчи» Серебряного века русской культуры, как его называли) Розанов обсуждал достоинство философских трудов Н.Н. Страхова.

Скульптурные портреты о. Павла Флоренского и В.В. Розанова (межрегиональный центр по изучению творческого наследия В.В. Розанова и о. Павла Флоренского, Костромской государственной университет)

«... Составляет чрезвычайно благородную и великую черту Страхова, что, став ученым, знаменитым критиком и настоящим философом, — он тем не менее мудрым взглядом рассмотрел, что те “первые уроки в семинарии”, бедненькие и слабенькие, от плохих (вероятно) преподавателей выслушанные, но которые суть порождение “всего сложившегося в христианстве”, “всего сложившегося в церкви”, за вереницу веков их бытия, — серьезнее, солиднее, возвышеннее, благороднее, чем шумящий “в веке сем” Дарвин и Спенсер, да и его любимый Гегель. Здесь и лежит грань мудрости, отделяющая его от “свинопасов” “Современника”, тоже вышедших из семинарии, но которые неблагоразумно сейчас же побежали за Поль-де-Коком и Спенсером, как воистину “блудные сыны” Отчего дома, как дети неблагодарные, грубые и пустые. Вот, собственно, громадное преимущество серьезности, какое он имел над Добролюбовым и Чернышевским; серьезности нравственной, серьезности умственной; серьезности и благородства. Он смотрел на этих писателей как на стоящих у ног своих, в бесконечном — внизу, там, где грязь, там, где пыль, там, где суета; понимая, чего они никогда не были в состоя-

нии понять, что “хотя преподаватели в Белгородском училище действительно были плохие”, и “попивали”, и “льстили начальству”, но суть не в них; что остается независимой и вечной та суть, что Псалом 90-й Давида “Помилуй мя, Боже”, и “Книга Иова” из скучной “Священной истории Ветхого Завета” Рудакова — неизмеримо возвышается над 12-ю томами “Полного собрания сочинений” Белинского, в изданиях Солдатенкова, и над “Синтетической философией” Герберта Спенсера, которую тогда все читали и зачитывались... Он остался спокоен со своей “Белгородской семинарией”: принял все комья грязи и весь смех злобы на свое имя (“тупица Страхов” — выражение Тургенева)... И когда пронесли десятилетия, и вот теперь мы все разбираемся “в деле”, мы видим, что могила его светится и имеет смысл, а те могилы потухли и смысла не имеют, как не имели и при жизни уже смысла. Ибо отвергли вечное, а он жил и умер с вечным, как “верный раб Великого Господина”». (Розанов В.В. Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым // Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2001. С. 118).

Ирина Анатольевна Едошина, доктор культурологии, профессор Костромского государственного университета, руководитель межрегионального центра по изучению творческого наследия В.В. Розанова и о. Павла Флоренского

Кострома. Вид на костромской Кремль и Волгу

Кострома. Вид на Волгу со стороны «соборных домов». Современный снимок

Костромская семинария. Современное здание. 2018 год

Костромская семинария. Встреча ректора семинарии священника Георгия Адрианова с профессорами НИУ «БелГУ» Е.Н. Мотовниковой и П.А. Ольховым. 2018 год

Н.Н. СТРАХОВ, запись в дневнике после успешных выпускных экзаменов в семинарии (август 1844 г.):
«Теперь уже кончились вакационные экзамены, на которых я отвечал как должно и даже получил книжку "Кострография" от о. инспектора Иоанна при следующих словах: "Я слышал, что Вы оставляете семинарию, но везде, куда бы Вы ни пошли, Вы добавите чести нашей семинарии своим поведением"» (ИР НБУ (Киев). Ф. 1. Ед. хр. 5268. Л. 5.)

УНИВЕРСИТЕТ

сенью 1844 г. Н.Н. Страхов вслед за дядей о. Нафанаилом (Савченко) прибыл в Санкт-Петербург для определения в высшее учебное заведение. Запас знаний, полученный Страховым в стенах Костромской семинарии и на занятиях с о. Иоанном (Скивским) оказался вполне достаточным для поступления в Санкт-Петербургский университет.

Камеральный факультет, на котором готовили специалистов по административной части, выбрал Н.Н. Страхов по совету о. Нафанаила и уже с января 1845 г. вольнослушателем начал посещать университетские лекции.

Учрежденный в 1724 г. Петром I Санкт-Петербургский университет к середине XIX в. стал крупным научным и культурным центром России. Пост ректора университета в то время занимал известный русский критик и поэт П. А. Плетнев. Преподавательский состав университета был блестящим:

астроном А.Н. Савич, физик Э.Х. Ленц, ботаник О.И. Шиховский, зоолог С.С. Куторга, филолог-славист, этнограф и палеограф И.И. Срезневский, историк Н.Г. Устрялов. Юноша Страхов был сильно впечатлен, когда за кафедрами в университетских аудиториях он увидел прославленных профессоров и академиков. Из письма к о. Иоанну (Скивскому): «Вчера я был в университете и слушал первую лекцию. <...> Я слушал Куторгу и Устрялова. Куторга читает чудесно, но Устрялов!.. Я удивился, когда увидел и услышал этого писателя. Так близко! Первая лекция была из естественной истории, вторая из русской. Я записывал первую; но я совсем не умею записывать и потому хочу сравнить свои записки с чужими и посмотреть, как я должен записывать. Теперь я переписываю ботанику. Сегодня пойду в университет в полдень. Я позабыл сказать вам, что я слушал еще французскую лекцию, но ничего не понял: произношение так неясно, что я совсем не разбираю слов» (письмо от 13 января 1845 г. ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 18879).

*Пётр Александрович
Плетнёв (1791–1866),
филолог, поэт
пушкинской эпохи,
профессор, ректор
Санкт-Петербургского
университета во время
учёбы
Н.Н. Страхова*

*Фёдор Фёдорович
(Иоганн Фридрих фон)
Брандт (Johann Friedrich
von Brandt) (1802–1879),
академик Императорской
академии наук,
научный руководитель
Н.Н. Страхова в зоологии*

Михаил Васильевич
Остроградский (1801–
1861/62), математик
и механик, академик
Санкт-Петербургской
академии наук,
признанный лидер
математиков Российской
империи в 1830–1860-е
годы. М.В. Остроградский
на выпускных экзаменах
дал высокую оценку
кандидатскому
сочинению Н.Н. Страхова
«Решение линейных
неравенств». Н.Н. Страхов
был удостоен
серебряной медали
выпускника. Литография;
почтовая марка
([http://turnbull.mcs.st-and.
ac.uk/history/PictDisplay/
Ostrogradski.html](http://turnbull.mcs.st-and.ac.uk/history/PictDisplay/Ostrogradski.html))

Александро-Невская лавра. Благовещенские ворота

Санкт-Петербургский государственный университет. Здание Двенадцати коллегий, в котором учился и жил Н.Н. Страхов. Современный снимок

На научное поприще Н.Н. Страхов был нацелен уже с первых дней учебы в университете, но камеральный факультет мало соответствовал намерениям и жизненным планам юноши, и в конце концов было решено поступать на математическое отделение: «Я сам недоволен выбором факультета, — писал Н.Н. Страхов в мае 1845 г. о Иоанну (Скивскому). — Это избрание произошло от нерешимости. Никто не хотел и слышать о моем желании идти по ученой части. Все говорили, что это нехорошо и все только и думали, что о гражданской службе, которой я совсем не терплю. Я бросился в такой факультет, где было ни то, ни се; между тем переменить факультет нельзя, разве начинать снова. <...> И если меня не примут во второй курс, то я перейду на филологический или математический» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 18883).

Студентом математического отделения Н.Н. Страхов стал в августе 1845 г., выдержав вступительный экзамен. «Мне хотелось собственно изучать естественные науки, но я поступил на математику, как на ближайший к ним предмет, чтобы иметь возможность получать стипендию, и получал ее по 6 рублей в месяц», — писал позже в связи с университетскими воспоминаниями Н.Н. Страхов (Цит. по: Никольский Б. В. Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк // Исторический вестник. № 4. 1896. С. 222).

Особенное значение придавал Н.Н. Страхов переписке с о. Иоанном (Скивским). Письма любимого учителя были очень дороги ему и, боясь потерять их, он составил из этих писем особую тетрадку: «Они для меня очень дороги, так что я сшил их в тетрадку, которая не наскучит мне и тогда, когда наскучат все книги» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 18903), — признавался Страхов в одном из писем к любимому учителю. Где находятся оригиналы этих писем — неизвестно, существует лишь их копия.

В письме от 13 января 1845 г. к о. Иоанну (Скивскому) Николай Страхов, только что ставший вольнослушателем Санкт-Петербургского университета, делится впечатлениями о лекциях известных ученых: «Вчера я был в университете и слушал первую лекцию. <...> Я слушал Куторгу [Куторга Степан Семенович (1805–1861), российский зоолог и минеролог, педагог. Преподавал в Санкт-Петербургском университете и Главном педагогическом институте] и Устрялова [Устрялов Николай Герасимович (1805–1870), российский историк, археограф, педагог, профессор Санкт-Петербургского университета. Академик Петербургской академии наук.]. Куторга читает чудесно, но Устрялов!.. Я удивился, когда увидел и услышал этого писателя. Так близко! Первая лекция была из естественной истории, вторая из русской. Я записывал первую; но я совсем не умею записывать и потому хочу сравнить свои записки с чужими и посмотреть, как я должен записывать. Теперь я переписываю ботанику. Сегодня пойду в университет в полдень. Я позабыл сказать вам, что я слушал еще французскую лекцию, но ничего не понял: произношение так неясно, что я совсем не разбираю слов» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 18879).

Но в стенах университета новичков, помимо академической науки, ожидали открытия иного свойства — в области идеологии. «В знаменитом университетском коридоре мне доводилось слышать то рассуждения о том, что вера в Бога есть непростительная умственная слабость, то похвалы системе Фурье и уверения в ее непременном осуществлении. А мелкая критика религиозных понятий и существующего порядка была ежедневным явлением. Профессора редко позволяли себе вольнодумные намеки и делали их чрезвычайно сдержанно; но товарищи сейчас же объясняли мне смысл намеков. Один из университетских моих приятелей был очень хорошим моим руководителем в этой области. Он объяснял мне направления журналов, растолковал, какой смысл придается стихотворению “Вперед! без страха и сомненья” [«Вперед! без страха и сомненья» — стихотворение А. Н. Плещеева (1846), ставшее гимном петрашевцев, а также популярное в кругах революционно настроенной молодежи. — авт.], рассказывал суждения и речи более зрелых людей, от которых сам научился своему вольнодумству. Таким образом, уже тогда я вполне познакомился с этой сокровенною мудростью; и когда спустя десять и более лет она стала все ясней и громче высказываться в литературе, она уже ничуть не была для меня новостью. Говорю, конечно, о самом принципе этого направления, о немногосложной формуле отрицания. Символ веры отрицателей, как известно, очень прост и иногда состоит из двух кратких членов: Бога нет, а царя не надо. Отрицание и сомнение, в сфере которых я попал, сами по себе не могли иметь большой силы. Но я тотчас увидел, что за ними стоит положительный и очень твердый авторитет, на который они опираются, именно — авторитет естественных наук. Ссылки на эти науки делались беспрерывно; материализм и всяческий нигилизм выдавались за прямые выводы естествознания. И вообще твердо исповедовалось убеждение, что только натуралисты находятся на верном пути познания и могут правильно судить о самых важных вопросах. Итак, если я хотел “стать с веком наравне” и иметь самостоятельное суждение в разногласиях, которые меня занимали, мне нужно было познакомиться с естественными науками. Так я и ре-

не отступая от своего решения
и понемногу привел его в исполнение. Хотя математический факультет ближайший к естественному, мне очень жаль было такого отклонения от прямой линии. Но дело потом поправилось» (Цит. по: Никольский Б. В. Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк // Исторический вестник. № 4. 1896. С. 222–223).

Молодежь 1840–50-х гг. верила в свое предназначение и большие способности, в пронизательность своего ума и научную одаренность, видя главной задачей поколения переосмысление мира, его законов и устройства. И вполне закономерно, что мно-

~~Молодежь 1840–50-х гг. верила в свое предназначение и большие способности, в пронизательность своего ума и научную одаренность, видя главной задачей поколения переосмысление мира, его законов и устройства. И вполне закономерно, что мно-~~

Ураган

Петербург, 1850

По утрам.

Quis est, qui tibi ista praecepta tunc
Dedit philosophum se videt Nerva?
Et.

Утро 1

18 Января.

Вчерашний вечер.

Былъ завтра болелъ и вѣдомъ завтра. Мудръ
Колчановъ и вѣдомъ, рязань
Неслыш, вѣдомъ вѣдомъ вѣдомъ на вѣдомъ.
И въ завтрашнемъ вѣдомъ вѣдомъ.
Она рязань вѣдомъ вѣдомъ
И вѣдомъ вѣдомъ, и вѣдомъ вѣдомъ,
И вѣдомъ вѣдомъ вѣдомъ вѣдомъ вѣдомъ.
Вѣдомъ вѣдомъ вѣдомъ вѣдомъ вѣдомъ,
Она вѣдомъ вѣдомъ вѣдомъ вѣдомъ.
И вѣдомъ, вѣдомъ вѣдомъ вѣдомъ,
Вѣдомъ вѣдомъ, вѣдомъ вѣдомъ вѣдомъ,
И вѣдомъ вѣдомъ вѣдомъ вѣдомъ
И, вѣдомъ, вѣдомъ вѣдомъ вѣдомъ

шил сделать, ни за что не отступал от своего решения и понемногу привел его в исполнение. Хотя математический факультет ближайший к естественному, мне очень жаль было такого отклонения от прямой линии. Но дело потом поправилось» (Цит. по: Никольский Б. В. Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк // Исторический вестник. № 4. 1896. С. 222–223).

Молодежь 1840–50-х гг. верила в свое предназначение и большие способности, в пронизательность своего ума и научную одаренность, видя главной задачей поколения переосмысление мира, его законов и устройства. И вполне закономерно, что мно-

Н.Н. Страхов — о. Иоанну (Скивскому) (письмо 1845 г.): «Мне очень нравятся университетские лекции. Вообще, этот новый для меня способ преподавания кажется мне чрезвычайно хорошим. И мне ничто бы так приятно не было, как быть на лекции, если бы не нужно было записывать ее в аудитории, а потом переписывать» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. кр. 18883, л. 21). Из того же письма: «Недавно я размышлял о себе и составил понятие о моем характере, об идее моей жизни. Я думаю, что моя душа не имеет сил огромных и способностей великих, но что эта душа — мягкая, впечатлительная, восковая. Наука оказала на меня первое впечатление, и я отлился по ее форме — так же, как отлился бы и по всякой другой; но посмотрите: это воск, а не медь и не трапор. Этим характером я объясняю и мои стихи, и мое изучение языков, и мою ревность в науках» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. кр. 18883, л. 21).

В письмах к о. Иоанну Н.Н. Страхов делился своими тревогами и сомнениями. В июне 1847 г. он писал: «Я уже не тот живой, свежий мальчик, каким вы меня знали. Я сделался тяжелым, молчаливым, неговорливым. Мне кажется, что мои способности тупеют и ум слабеет более и более. Вместо той ревности и быстроты в занятиях, какая была у меня в Костроме, наступило какое-то утомление и бессилие; я так долго учусь и так мало выучиваю. В эту вакацию я задумал повторить основания моего учения, заняться языками и математикой, а между тем я ничего не успеваю сделать, несмотря на то, что постоянно занимаюсь. Мне кажется, что я потерял в вас незаменимого наставника; мне кажется, что еще не способен заниматься сам, без чужой помощи. Грустные и тяжелые мысли находят на меня. Я как будто сбился с дороги, как будто потерял цель, к которой должен был идти. Какой-то хаос в моих познаниях. Я жадно схватываюсь за каждое знание, но когда я занимаюсь всем вместе и ничем в особенности, то я мало успеваю; я, кажется, не подвигаюсь ни на шаг вперед. Недавно я достал роман Жоржа Занда, у которого, по сознанию всех, самый чистый, самый прекрасный слог. Три года я уже не вижу с вами, а между тем я с трудом и усилием перевожу его и в некоторых местах не понимаю. Много же я сделал в эти три года! Я беспечен и неподвижен, но эти мысли отвлекают каждый мой труд, удовольствие, которое должно быть для меня самым высоким. Где мне найти поддержку, одобрение? Не знаю. Я один» (письмо от 23 июня 1847 г. ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 18912, л. 93 об—94 об).

гие из современников основой и ключевым принципом своей идейной позиции выбрали отрицание накопленного человечеством знаний и достижений. В полной власти стремительного прогресса науки оказался и Н.Н. Страхов. Но следует особо подчеркнуть, что занятия точными и естественными науками не приблизили Страхова к идеям материализма. Прочная основа православного воспитания, заложенная в отрочестве, в студенческие годы стала для юноши опорой, не давшей увлечься нигилистическими теориями. В письме к о. Иоанну (Скивскому) от 3 мая 1845 г. юноша Страхов делился своими сомнениями: «Меня поражают споры о предметах, в которых, кажется, должен быть всякий убежден, и также возможность бытия материалистов и неверующих во Христа. Не слышали ли вы доказательств, которые каждый спорящий обращает в свою сторону? Не все ли доказательства таковы?» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 18885). В нигилизме Н.Н. Страхов впоследствии справедливо усматривал проявление непомерной гордости человеческого ума, разоблачал его как форму философского невежества, не имеющее ничего общего с философским учением. Развитие философских рассуждений юного Страхова в этом направлении и поиск им ответов на поставленные временем вопросы подготавливали основу для определения и формирования системы его почвеннических воззрений, которые впоследствии были убедительно представлены в его зрелых литературно-критических, публицистических и философских трудах «Борьба с Западом в нашей литературе», «Из истории литературного нигилизма» и др.

Привычный ход жизни студента Страхова был нарушен ссорой с дядей, и как следствие, — вынужденный отъезд в Белгород, затем возвращение в Петербург, восстановление в университете.

Зимой 1848 г. Н.Н. Страхов перевелся в Главный педагогический институт, продолжив образование на физико-математическом факультете. В институт он был принят на казенный кошт, то есть обеспечивался жильем, одеждой и питанием, что, учитывая жизненные обстоятельства, в которых он оказался (Страхов окончательно лишился помощи со стороны о. Нафанаила), послужило ему большим подспорьем.

О. Иоанн Н.Н. Страхову (письмо от 9 ноября 1845 г.) (поздравления по случаю поступления на математический факультет Санкт-Петербургского университета): «Дорогой Николай! После долгого ожидания я, наконец, получил от вас письмо. Спасибо, мой милый. Оно мне доставило много удовольствия описанием, как прошел ваш экзамен, после которого вы удостоились звания студента университета. Не правда ли, что, как я вам раньше говорил, вас спрашивали пустяки. Но ваша серьезная подготовка весьма похвальна и вы от этого останетесь только в барышах; когда будете держать экзамен на кандидата или магистра, тогда припомнится все, чему вы учились. Теперь время работать и бросать семена в землю ваших способностей, если желаете собрать в зрелом возрасте большую жатву. Не переставайте быть всегда чистым, ибо таким Бог никогда не отказывает в помощи и покровительствует им всегда. Вы вошли в свет, получив воспитание в христианском духе. Будьте же всегда добродетельным, если желаете быть счастливым. Не сближайтесь с неверующими и даже не слушайте их рассуждений, фальшивых и обманчивых умозаключений, и в вашем сердце будет всегда царствовать сладкий мир и вы всегда будете довольны. Извините, мой милый, что я вам так часто об этом пишу, но слова эти диктует мне мое искреннее сердце» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 18890, л. 30).

Санкт-Петербургский государственный университет. Здание Двенадцати коллегий, в котором учился и жил Н.Н. Страхов. Современный снимок со стороны торцевой части здания (современная площадь Академика Сахарова)

Ответное письмо о. (Иоанна) Н.Н. Страхову от 14 декабря 1845 г.:

«Большое спасибо за ваши письма, я их часто прочитывал и всегда с одинаковым удовольствием. В них отразился весь ваш характер, все ваши чувства и процесс развития вашего ума. Я радуюсь всем вашим намерениям и плану ваших занятий. Один Бог помогает вам в ваших делах; надо быть Ему благодарным и возлагать на Него всю надежду на то, чтобы сделаться человеком умным и ученым. В продолжение этого года вы будете терпеть много невзгод, а в следующем будете иметь все, что захотите для усовершенствования вашего таланта. <...> (ИР НБУ (Киев). Ф. III.

Ед. кр. 18892.

Поздравляю вас от души с формою; дай Бог украсить ее впоследствии многими орденами. Теперь твое благородие вышел уже на поприще человека, готовящегося на пользу и к службе Государю и отечеству. Да благословит тебя Бог!

Я все боюсь знакомств и особенно тех, что кровь кипит при воспоминании. Многих они погубили в цвете юношества и наиболее тех, которые думали, что имеют столько твердости и разума, что победят себя или одержат победу над страстями, но они ошиблись. Единственное средство — уходить от них. <...> То крайней мере, пока не окончишь университета, берегись, по возможности, таких знакомств, если желаешь окончить образование со славою и пользою» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. кр. 18893).

Санкт-Петербургский государственный университет. Здание Д

Смена факультета не только не расстроила юношу, но наоборот, придала ему силы и воодушевление для дальнейшего роста.

Главный педагогический институт, располагавшийся в одном здании с Санкт-Петербургским университетом, входил в число лучших учебных заведений своего времени. Подготовку педагогов для средних и высших учебных заведений России вели крупные ученые — профессора и академики, члены Российской академии наук, широко известные каждый в своей области. Преподавательский состав естественно-математического факультета института практически полностью совпадал с университетским, что способствовало высокому уровню преподавания. Так, лекции по физике читал профессор Э.Х. Ленц, по математике — академик М.В. Остроградский, по астрономии — профессор А.Н. Савич, по минералогии и геологии — профессор С.С. Куторга.

Двенадцати коллегий. Вид со стороны Университетской набережной Невы

Курс наук в Главном педагогическом институте совмещал в себе предметы математического и естественнонаучного факультетов, благодаря чему занятия Н.Н. Стрхова естественными науками приобрели большую глубину и основательность. Таким образом, почва для философских поисков Н.Н. Стрхова подготовили серьезные занятия естественными науками, которые сохраняли притягательность для философа на протяжении всей жизни.

Особый научный микроклимат, сложившийся на естественнонаучном отделении Главного педагогического института, способствовал появлению и воспитанию молодого поколения научных кадров. Формировался мощный пласт нового поколения отечественных ученых академического склада.

Здание Двенадцати коллегий. Интерьер второго этажа

В ответном письме о. Иоанну Н.Н. Стрхов не без гордости сообщал об одной из важных для него перемен с зачислением в Санкт-Петербургский университет — праве носить студенческую форму: «Я никогда не предполагал, сколько важности заключается в этом внешнем преобразовании. Я сам не столько радуюсь своему костюму, сколько другие. Знакомые улыбаются и с удивлением поглядывают на меня; приветствия громче, обхождение вежливее; кто прежде не кланялся, теперь пожимает руку. Одним словом, теперь я, как прекрасный молодой человек (слог повестей), могу явиться куда угодно, могу говорить смело и смеяться громко; теперь только я стал настоящим студентом со всеми его правами и льготами» (письмо от 14 ноября 1845 г. ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 18892).

Санкт-Петербург. Зоологический музей

Лекции профессоров имели для студентов исключительное значение. Опытные наставники учили через узконаправленную, частную естественнонаучную задачу подойти в науке к задаче общей, фундаментальной. Что касается Страхова, то он уже в студенческие годы тяготел к философскому осмыслению мира, устремив внимание на философскую сторону естествознания.

В формировании Н.Н. Страхова как ученого большую роль сыграли выдающиеся ученые, преподаватели Главного педагогического института: академики Ф.Ф. Брандт (под научным руководством которого Страхов позже писал магистерскую диссертацию «О костях запястья млекопитающих»), Э.Х. Ленц, профессора С.С. Куторга, И.О. Шиховский, А.А. Воскресенский.

Летом 1851 г. Н.Н. Страхов блестяще окончил институтский курс. Несомненные аналитические способности выпускника Страхова заметил выдающийся ученый-математик М.В. Остроградский. От академика Остроградского Страхов получил высокую оценку на выпускных экзаменах за свое кандидатское сочинение «Решение линейных неравенств». А за старания и успехи в учебе он был награжден серебряной медалью. Без сомнения это было подлинным достижением и большим успехом для выпускника института, свидетельством

*Иван Алексеевич
Вышнеградский
(1831/1832–1895),
учёный-механик
и государственный
деятель, почётный член
Санкт-Петербургской
академии наук,
в 1887–1892 гг. —
министр финансов
России. Ближайший
друг студенческой
юности Н.Н. Страхова.
Вышнеградский
и Страхов были
признаны двумя
лучшими выпускниками
факультета, удостоены
серебряных медалей
(золотых медалей
никому из выпуска
не присуждалось)
и получили звание
старшего учителя.
Гравюра Ю. Барановского
с фотографии Гроссмана
(Нива. 1887. № 4)*

Степан Семёнович
Куторга (1805–1861) —
русский зоолог
и минералог, профессор
Императорского
Санкт-Петербургского
университета.
С посещения его
лекций началась
учеба Н.Н. Страхова
в университете («Куторга
читает чудесно»)
Литография А. Минстера,
раньше 1861 г. ([http://
www.zoology.bio.spbu.
ru/r_hist_zbp.html](http://www.zoology.bio.spbu.ru/r_hist_zbp.html))

чему служит то, что из всех студентов факультета лишь Страхов и его ближайший друг юности Иван Алексеевич Вышнеградский (впоследствии министр финансов России) получили такие высокие награды. В письме к матери Страхов писал: «С мая месяца начались наши экзамены и тянулись до 23 июня. Без сомнения они кончились весьма благополучно. Я получил наилучшие отметки, мое сочинение: "Решение линейных неравенств" было признано "отлично хорошим во всех отношениях"... Какова похвала? И от Остроградского, первого математика в Европе! И мне дали серебряную медаль, которую скоро надеюсь представить Вам на сохранение. <...> На нашем факультете никому не дали золотой медали; мне и моему другу Вышнеградскому дали серебряные. 23 июня, когда раздали медали, было большое пируваньё, хотя товарищ министра и уверял, что нам мало дали пить. Когда министр уехал, посадили директора на стул и покачали; потом качали инспектора уже без стула, потом старшего надзирателя <...>. От двух часов пополудни пировали до семи с криком, шумом, объятиями и слезами» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 19084).

Естественнонаучное образование сыграло одну из решающих ролей в философском развитии Страхова. Позже, в предисловии к книге «Мир как целое» Страхов писал: «Источником своих взглядов я считал, во-первых, математические и естественные науки, которыми тогда занимался и истинный дух которых усвоил себе чтением, размышлением и некоторыми работами <...>. Вторым источником своих взглядов я считал гегелевскую философию, — но не ее учение в каком-либо определенном виде, а только ее методу, которую признавал, как и теперь признаю, полным выражением научного духа» (Страхов Н.Н. Мир как целое. Черты из науки о природе. СПб., 1872. С. 6).

Влияние профессора С. С. Куторги на первые самостоятельные шаги студента Страхова в науке несомненно. Из письма юноши к о. Иоанну (Сквивскому): «Я с одним товарищем вздумал перевести довольно важную книгу *Zoologie de m. Vichardat*. Университетский курс естественных наук, особенно проф. Куторги, послужит нам для значительных поправок и добавлений. Выйдет очень хорошенькая книжка для студентов и для посторонних. К лету поспеет» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 18883).
Попавший под невероятное обаяние преподавателя, студент Страхов так определил собирательный образ идеального ученого, на который хотел бы равняться: «Скажу вам откровенно, что меня часто пугает необозримость науки. Можно ли все знать? А я хочу все знать. Мне кажется, что это возможно. Примеры — Гумбольдт барон, барон Брамбеус и г. Куторга. Они многое знают и знают очень основательно. Мне хотелось бы быть чем-то вроде Брамбеуса, Кукольника и Куторги вместе. Постараюсь! Кто знает, может быть, быть таким, как они, легко» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 18894).

ОРАНСКОМУ

Не знаю право, чем начать, — Смеяться ль,
как над шуткой злою,
Или судьбу благословлять
За то, что сближен я с тобою.
Мне сердца злого не дано,
И ни любить, ни ненавидеть
Не научился я равно.
Но я привык в тебе давно
Что называют другом, видеть.
С тобой мечты я разделял
В часы доверчивости сладкой,
Заветных дум моих бокал
С тобой я роспил без остатка.
Мы сблизились с тобой тогда,
И чую смутную душою,
Что так, быть может, никогда
Никто не сблизится со мною ...
И только иногда ко мне,

Средь дум неясных в тишине
Слетает образ Антонины —
И чудно блещет предо мной.
Тогда я жадною душой
Лечу в далекие равнины,
Где мирная моя семья,
Где расцвела сестра моя.
О! много б отдал я охотно
За то, чтобы найти ответ:
Что это? Ангел ли бесплотный
Или мечта твоя, поэт?
Иль это чудное творенье,
Которого ты так желал, — Твоей души
произведение,
Ее высокий идеал?
Хоть сердцу хочется не верить,
Но я стараюсь пред собой
Ни в чем в душе не лицемерить;
Я горько научен тобой,
Что наши лучшие мечтанья,

Души заветные желанья,
Все, что волнует нашу грудь — Нас
может горько обмануть.
Предчувствие мне сердце гложет,
Что из родных, чужих людей
Судьбой мне суждено, быть может,
С одним тобой на утре дней
Сойтись пылкою душою.
А после — возмужаю я, Не станет
больше мысль моя
Стремиться бурною волною;
Остынет сердце; холодней
Смотреть я буду на людей
И в легкомыслии сердечном
Друзьям холодным и беспечным
Не распахну своей груди.
И ты один, — судьбою данный,
Мой друг несчастливый и странный!
Мне остаешься впереди.
Склони же, мой лукавый гений,

Твой слух упрямый и больной
К словам заветнейших молений
Души, страдающей тобой!
Поверь мне, больше для поэта
Заклучено в тебе надежд,
Чем в шумном обольщеньи света —
Собранья гордецов, невежд;
Поэт уверен, ты уважишь
Волненья внутренней борьбы,
И ожидания, и мольбы;
Ты в пониманьи не откажешь
Душе мечтательно-простой, —
Ты примешь полною душой
От дружбы любящей уроки, —
Ты прочитаешь эти строки
Не как чужие для тебя,
Не как забавное маранье,
Но полный грустного вниманья,
Ты углубишься сам в себя.
И речи пыльные поэта

Тогда придут тебе на ум,
Слова любви, слова совета
Разбудят много спящих дум;
Душою любящей оценишь
Его ты бурную любовь
И дружбы, заключенной вновь,
Ни в чем уж больше не изменишь.

Я кончил, и опять в груди
Зашевелились опасенья,
Надежды меркнут впереди,
И разрастаются сомненья.
И кажется, что речь моя
Напрасно льется без искусства,
Со всею пылкостью чувства,
Что и смешон, и жалок я
Для чувств упрямых и холодных
В моих усилиях бесплодных;
Что тот, кого я не люблю,
Кого любить желал бы страстно

Прочтет спокойно речь мою
И назовет ее прекрасной;
Но чувств высоких идеал
Она в строптивом не разбудит
И скоро он ее забудет,
Как будто вовсе не читал.
Не знаю, право, чем решить,
Смеяться ль, как над шуткой злою,
Или судьбу благословить
За то, что сблизен я с тобою.

1848. 3 марта.

Оранский Федор Семенович, ближайший друг юности Н.Н. Страхова. Н.Н. Страхов и Ф.С. Оранский познакомились во времена учебы в Костромской семинарии. Оранский окончил медицинский факультет Московского университета, впоследствии стал известным врачом. Позже друзья породнились: Н.Н. Страхов стал крестным отцом дочери Ф.С. Оранского.

2 марта 1848 г.
Возвращение на Родину
Я тихо шел; над головой
Своей прозрачной синевой
Блестело небо, и на нем,
Сверкая утренним лучом,
Вставало солнце за холмом.
Едва проснулася земля;
Еще зеленые поля
Подернуты прозрачной мглой,
И слезы свежести ночной
Сверкают золотом лучей.
И тихо, пусто все кругом.
Порой белеют серебром
Листы нависнувших ветвей
Ракит, растущих над путем,
И снова утомляет взор
Волнистой зелени ковер;
И снова предо мной лежит
Своей широкой полосой
Дорога, скрытая травой,
И лентой узкой и пустой
По ней извиристо бежит
След черный кованых копыт.
Кругом раскинулись поля;
Пустое небо и земля
Упоены всегдашним сном,
И солнце блещущим лучом
С лазури неба своего
Не освещает ничего.
И тихо, пусто все кругом...
Над иссыхающим ручьем,
Под тенью шепчущих раки
Деревня бедная стоит.
Из-за нависнувших ветвей

При блеске утренних лучей
Белеют хаты, и меж них,
Средь листьев темных и густых
Повиснув рдеющим пучком,
Краснеют вишни под лучом.
Над скрытым зеленью плетнем
Стоит подсолнечник прямой
И золотою головой
На солнце светлое глядит.
Пустая улица молчит,
И только под одним окном,
Глядя рассеянно кругом,
Крестьянка-девушка сидит.

И вспомнил я Петрополь мой
С его державною рекой...
Передо мной восстали вновь,
Как призраки волшебных снов,
Колонны сумрачных дворцов,
Гигант на бронзовом коне
И в величавой вышине
На храме купол золотой;
Перед широкою Невой
В ограде стройной из палат,
Стеснившихся в бесспорный ряд,
Противу темного дворца,
Как поле, площадь без конца
И столп гранитный, и на нем
Архангел с бронзовым крестом.
Казалось, предо мной зажглись
И цепью яркой понеслись
Огни над вечною толпой,
Шумящей жизнью молодой
Меж темных зданий вековых
И шпицов башен золотых.

Казалось, уловил мой слух
Опять кипящей жизни звук,
Который слушать я любил
В уединении моем,
Когда в безмолвии ночном
По саду темному бродил.

И я оставил, город чудный,
Твой блеск и шум оставил я;
Сюда, где ленью непробудной
Молчит цветущая земля,
Сюда заброшен я судьбою.
Прости мне, город мой родной!
Не весел я больной душою,
Нежданно встретившись с тобой.

С тех пор, как я без сожалений
Тебя покинул, много лет
Прошло, и тихо, без волнений
Переродился твой поэт.
Из области сомнений вышел
В страну высоких, светлых дум
Еще не возмужавший ум;
Призванье новое слышал
Поэт в трепещущей груди,
Пред ним раскрылись впереди
Другие цели и труды;
Другие страстные стремленья
Им овладели; он забыл
Твои сады, твои селенья,
Он в новой жизни разлюбил
Твои цветущие долины,
Природы девственной картины.
И холодно тебя он встретил,
Родного юга ветерок,

Роскошных запахов поток!
Он не слышал, он не заметил,
Что ты, играя меж волос,
С ресниц обвеял капли слез,
Что ты ему привет принес,
Привет от города родного,
Садов и неба голубого...

И вот вдали передо мной
Едва заметной полосой,
Синея, показался скат
Крутой горы, — и длинный ряд
Ракит зеленых и густых
Дорогу обнял с двух сторон.
Под пологом ветвей родных
Я шел — и незаметный склон
Стал понижаться подо мной,
И вдруг — широкой полосой
Явился под воздушной мглой
В долине сжатый город мой.
Над ним еще туман лежал
И, солнца блеском золотым
Проникнутый насквозь, сиял,
Сливаясь с небом голубым.
Вдали чудесною чертой
Слегка от неба отделясь,
Покрыта легкой <нрзб>той
Гора крутая поднялась.
Внизу сквозь дымчатый покров
Ряды зубчатые домов
Едва виднелись с высоты —
И на главах святых церквей,
Разрезав мглу, в огне лучей
Сияли светлые кресты.

Два часа спустя...
1896г.

5
Возвращение на Родину

И тучи тучи; нагнана любовью
Область непроходимой елистой
Вдоль берега кедра и пихты,
Свернула упрямый путь кустов,
Вот она, вот она за фохом,
Едва прорубила канаву,
Еще зеленая вода
Надвинула непроходимой елистой
И ели елистой полей
Свернула в долину кустов,
И тучи, тучи в кустов,
Поле елистой елистой
И тучи, тучи в кустов,
И тучи, тучи в кустов,
И тучи, тучи в кустов,

***

7-го декабря 1845 г.
Опять грущу, мой светлый день
Прошел болезненно тоскливо.
Так мчится облачная тень
Над ярко освещенной нивой.

Сижу и думаю об ней.
Клубится дым, и вьется, и играет,
И как мечты любви моей
Кольцо плывет и — исчезает...

1850 г. 1 февраля

Я ждал тебя. Зачем ты не пришла?
Я ждал так долго, так мучительно,
А ночь была душиста и тепла,
И месяц так светил пленительно.
Ужели не зажгла и эта ночь
В твоей груди желанья знойного?
Ужели ты мечты спугнула прочь
На мягком ложе сна покойного?
Забыла ты, как жадно я встречал
Лазурный взор твой, страстью блещущий?
Забыла ты, как жарко целовал
Я пальчик беленький руки трепещущей?
Не может быть! А я не мог заснуть,
Объятый страстию и трепетом.
Спирался дух, и подымалась грудь,
Обманутая листьев лепетом.
Но было пусто все. И месяц плыл
По небу темному торжественно,
Дрожа, сверкал далекий луч светил,
И ночь была тиха, была божественна.

НЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ

По окончании Главного педагогического института в ожидании своего назначения на должность Н.Н. Страхов летом 1851 г. писал матери в Белгород: «Не знаю, что будет. Всякое распоряжение отложено до августа.

Но я смогу Вам сказать наверное, что я или останусь здесь на полтора года, чтобы держать экзамен на магистра, или же уеду в Одессу, где открылось место. Здесь мне будут давать 150 р. сер. в год. В Одессе 430 р. с. Что Вы мне посоветуете? Вдобавок я получил еще великолепные уроки; за июль и половину августа мне дают 100 р. сер. Давать уроки каждый день. По этому случаю я думаю мне удобно будет остаться здесь и еще поучиться. Ведь Вам меня не нужно? А мне учиться еще не надоело» (письмо от 28 июля 1851 г. ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 19084).

Свои назначения выпускники института, как и ожидалось, получили в августе. Страхов был направлен в Одесскую вторую мужскую гимназию — совсем новое учебное заведение, основанное 18 октября 1848 г., — учителем математики и физики. Как недавно организованное учреждение, 2-я Одесская

мужская гимназия на первых порах не имела своего собственного здания и помещалась в доме, взятом в наем у коллежского секретаря Александра Великанова на углу Преображенской и Полицейской улиц. Гимназия состояла из семи основных и четырех параллельных классов. По окончании гимназии ее воспитанники аттестовывались по следующим дисциплинам: математике, всеобщей и российской истории, географии, физике, Закону Божьему, законоведению, по языкам: латинскому, греческому, французскому, немецкому и итальянскому; также в аттестате по окончании курса учения выставлялась отметка по поведению. В гимназии учились дети всех сословий. Тем не менее, за всю историю существования гимназии из ее стен вышло несколько впоследствии крупных ученых и общественных деятелей. Одним из выпускников гимназии 1854 г., прославившим Россию на весь мир, был блестящий ученый и гениальный врач Н.В. Склифосовский. В становлении личности Склифосовского есть определенная доля заслуг и Страхова, поскольку именно Страхов был его преподавателем по математике и физике в 1851–1852 гг.

*Н.Н. Страхов. Первый
из известных портретов*

Знакомство Н.Н. Страхова с Одессой началось с осмотра местного музея, библиотеки и Ришельевского лицея — самого известного учебного заведения в городе. Обнаружился недостаток учебных пособий и материалов по естественнонаучным дисциплинам, в частности по зоологии. Библиотека лицея оказалась «очень бедна по части естественных наук, музей пуст, ботанический сад запущен, лавки книгопродавцев полны одними романами» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 19197). Благодаря знакомству с преподавателем естественной истории Ришельевского лицея профессором Д. А. Байковым, Н.Н. Страхов «проник» в небольшую комнату, где помещались зоологический, ботанический и минералогический музей лицея. О лицейских музеях Страхов в подробностях сообщал в письме к неизвестному лицу, профессору, по всей вероятности, своему бывшему преподавателю, почти сразу по приезде на место службы: «Все эти музеи едва ли поравняются с собранием предметов при педагогическом институте. Минералов и растений гораздо меньше, а из животных есть волк и мартышка из млекопитающих, несколько тропических птиц, скелет человека, ящик насекомых, куча неопределенных раковин, собранных на берегу, и огромная куча обломков костей, вырытых на Молдаванке. Все это не составит и двадцатой доли даже Харьковского музея» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 19196).

Одесса. Ришельевский лицей

Все это существенно осложняло планы Страхова на будущее, исключая возможность полноценных углубленных занятий наукой. Твердым намерением молодого ученого в Одессе, помимо службы в гимназии, стала подготовка к сдаче магистерского экзамена по зоологии и работа над диссертацией. Невозможность глубоко погрузиться в научную работу привела его к мысли о возвращении в Санкт-Петербург. Многочисленные черновики его писем, исполнены просьбами о ходатайстве о его переводе в Санкт-Петербург. Вот отрывок из одного черновика: «Посвятив себя преимущественному занятию естественными науками и крайне нуждаясь в Одессе в ученых средствах и пособиях не только для получения степени магистра по одной из этих наук, но и вообще для занятий ими, опасаясь также за свои силы, коим не благоприятствует здесь, я осмеливаюсь всепокорнейше просить о переводе меня на одно из мест по естественной истории в Петербурге. Осмеливаюсь утруждать единственно ободренный моими бывшими наставниками, академиком Брандтом, профессором Шиховским (Шиховский Иван Осипович (1805–1854), ботаник, доктор медицины и хирургии, доктор философии, профессор ботаники Московского и Санкт-Петербургского университетов. — Авт.), Куторгою

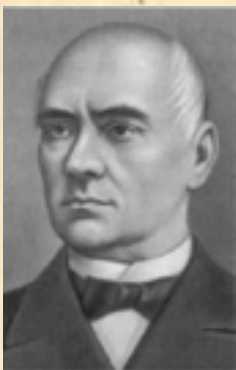

Санкт-Петербург. Вторая гимназия. Фасад. Современный снимок

Санкт-Петербург. Вторая гимназия. Интерьер. Современный снимок

Александр Абрамович
Воскресенский (1809–1880),
российский химик-органик, член-
корреспондент Петербургской
Академии наук (1864). Окончил
Главный педагогический институт
в Санкт-Петербурге (1836).
С 1843 профессор, в 1861–63
декан физико-математического
факультета и и. о. ректора,
в 1863–1867 — ректор Санкт-
Петербургского университета.

и Воскресенским; их снисходительные отзывы, в особенности академика Брандта, об моих успехах <...> могут, хотя отчасти, оправдать мое желание» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 19195).

Известие о своем переводе на место старшего учителя естественной истории в Санкт-Петербург Страхов получил спустя восемь месяцев, в начале августа 1852 г. Рекомендацию Страхову давал профессор Санкт-Петербургского университета ботаник И.О. Шиховский.

Прощаясь со своими одесскими знакомыми, в одном из писем Н.Н. Страхов писал: «Лучшие мои надежды исполняются. Я еду в Петербург. Иван Осипович и другие профессора сделали дело скоро и для меня неожиданно; я считаю это благоприятным предвещанием и, как ни тяжелы мои теперешние обстоятельства и хлопоты, мысль, что я теперь старший учитель естественной истории 2-й петербургской гимназии, не перестает меня радовать» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 19190).

Из письма матери в Белгород перед отъездом в Одессу.

«Милая маменька!

Мы собираемся к министру. Целая толпа, одни в вицмундирах, другие еще в студенческих мундирах ждут и шутят. Мы поедем вместе с директором благодарить министра за наши места. Я назначен в Одессу. В Одессу! Жалованье 1500 р(рублей) ассигнациями в год. 500 р(рублей) ассигнациями на подъем. Прогоня сами по себе. Климат отличнейший. Море черное. Итальянская опера круглый год. Вообще я рад чрезвычайно. Здесь у меня нашлись уроки и летом я заработал 150 р(рублей) сереброт». Расплатусь с долгами, нашью себе платье и уеду в начале сентября.

Я еду через Москву и повидаюсь с приятелем Оранским. Еду через Белгород и повидаюсь с Вами, с Пашей (Страхов Павел Николаевич, младший брат Н.Н. Страхова. — Авт.), с бабушкой и дедушкой. Еду через Полтаву и повидаюсь с сестрой (младшая сестра Н.Н. Страхова Антонина Николаевна. — Авт.), с дедушкой и достопочтенным дядюшкой (в 1850–1860 гг. дядя Иафанаил (Савченко) был епископом Полтавским. — Авт.).

Я не писал к Вам так долго, потому что до сих пор не был уверен ни в чем. Были и хлопоты, были и неприятности. Все прошло. Куплено сукно, заказано платье. Одно только прошу у Вас. У меня белья нет, и я надеюсь на Вас, милая маменька.

Были у министра, и он увещевал нас трудиться и хвалил наш курс. Еду в Одессу, а между тем уже думаю о том, как оттуда вернуться в Петербург. Уже обо мне думают здесь, уже готовится и место в Казани в университете. Ничего лучше нельзя и придумать; боюсь только рассказывать, чтобы после и самому не обмануться.

Остаться в Петербурге нельзя было, да я и не хотел. Нельзя было, потому что много было вакансий, которые нужно заместить. Не хотел я потому что в Одессе теплее и я хоть немного вылежусь от золотухи. До свиданья же, маменька! Пишу не много, потому что завален хлопотами. Когда увидится, лучше поговорим обо всем. Впрочем я может еще напишу к Вам перед отъездом или еще лучше, из Москвы.

Бабушке и дедушке мое глубокое почтение.

Ваш преданный сын Николай Страхов.

1851, 22 августа» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 19085).

Из Одессы в Петербург Н.Н. Страхов вернулся с твердо установившимися взглядами на свою дальнейшую профессиональную судьбу, сосредоточился на написании диссертации. Между тем, продолжалась и его педагогическая деятельность. В звании учителя Н.Н. Страхов оставался вплоть до выхода в отставку в 1861 г. За десять лет педагогической службы, помимо работы в одесской и петербургской гимназиях, Страхов преподавал в Инженерном училище и женском Николаевском сиротском институте.

В мае 1857 г. Н.Н. Страхов начал публицистическую деятельность. стал регулярно печататься в «Журнале Министерства народного просвещения» (в основном, вёл рубрику «Новости естественных наук»). Молодой сотрудник писал для журнала обзоры и рецензии на работы российских и зарубежных ученых-натуралистов, представленных в русских, французских и немецких журналах. Обширнейшее естественнонаучное образование, исключительные знания по химии, физике, астрономии, ботанике, зоологии, минералогии, а также блестящее знание языков (французско-

го, немецкого и английского) обнаруживаются уже в первых публицистических работах Н.Н. Страхова.

Чрезвычайно высоко оценивая умение Страхова вести эрудированную полемику, Н.И. Якушин и Л.В. Овчинникова замечают: «Мастерство Страхова-полемиста строилось на особом понимании задач критика и рецензента. В статье “Нечто о полемике” (1861) он сформулировал два основных принципа настоящей полемики: во-первых, “нужно понять мысль своего противника”, но самое главное “нужно понять мысль лучше, чем понимает ее сам противник, потому что нужно отвечать на эту

мысль, судить ее”. Критик, как считал Страхов, должен избегать бездоказательных приговоров, <...> карикатур и превращения противника в глупца». (Якушин Н. И., Овчинникова Л. В. Русская литературная критика XVIII — начала XIX века. М., 2005. С. 228). В «Журнале Министерства народного просвещения» Н.Н. Страхов прошел хорошую школу рецензента, что в дальнейшем помогло ему как публицисту и литературному критику.

Хорошо известна была «метода» преподавания Н.Н. Страхова. Память об успешном преподавании Н.Н. Страхова сохранялась многие годы. Из письма Я.П. Полонского — Н.Н. Страхову:

«Милейший Ник.Ник.

Был у меня Фридолин — и просил меня спросить Вас, возьметесь ли Вы преподавать естественные науки — на следующих условиях — 4 часа неделю —

за урок 2 рубля. — Если возьметесь — то пожалуйста уведомьте его немедленно. — Чтобы вы могли к нему заехать или написать ему ответ, посылаю вам его визитную карточку с адресом. —

Если не возьметесь, то не сможете ли кого-либо рекомендовать.

Фридолину же — очень хочется, чтобы это были вы — он в восторге от той методики, которой вы держитесь, уча.

Кому нужны эти уроки — не ведаю — сами узнаете — если только это интересует вас.

Прощайте до понедельника
1868, 7 сент., суббота

Ваш преданный Я. Полон-

ский»

(Отдел рукописей РНБ, Ф. 747,
архив Н.Н. Страхова, ед. хр. № 28,
л. 1).

7103/1504
О КОСТЯХЪ

ЗАНЯТІЯ МЛЕКОПИТАЮЩИХЪ,

РАЗСУЖДЕНІЕ

НАЖЕЛАНИЕ ЕЕВЪ ДОУЧЕНІЕ СЪБЪЕДИНЕННАГО РАЙОННАГО УЧЕБНАГО ЗАВѢДѢНІЯ

И. Страховымъ.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1857.

В 1857 г. в сентябрьском номере «Журнала министерства народного просвещения» была напечатана диссертация Н.Н. Страхова «О костях запястья млекопитающих» — «замечательная по полноте и точности методических требований» (Никольский Б.В. Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк // Исторический вестник. № 4. 1896. С. 235). В том же году диссертация вышла отдельной книгой. 8 октября Страхов сообщил о предстоящей защите брату Петру: «Диссертация моя напечатана и защищение будет через две недели» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 19118).

Исследование Н.Н. Страхова отличалось четкой постановкой проблемы, логически точным изложением мыслей. Узкий вопрос был рассмотрен в широком научном контексте и решен со всесторонней изученностью предмета. В своей диссертации Н.Н. Страхов проделал колоссальную работу: он составил классификацию всех форм запястья млекопитающих, стараясь найти все ступени, по которым формы костей запястья переходят от человека до слона, и таким способом показал их гомологию, т. е. сходство.

По результатам защиты диссертации Н.Н. Страхову была присвоена степень магистра зоологии.

Защита диссертации и замечания оппонента, профессора ботаники Л. С. Ценковского, побудили Страхова написать статью «О методе наук наблюдательных», которая также была опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения», в январской книжке за 1858 г. Статья написана как теоретическое дополнение к диссертации. В ней заметно усилено философское звучание, видно стремление Страхова выйти за пределы ограниченного круга естественнонаучных вопросов.

Публицист, драматург, театральный критик и переводчик Д.В. Аверкиев, окончивший физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, в очерке «Университетские отцы и дети» писал о защите Н.Н. Страховым диссертации: «Один молодой ученый представил диссертацию на степень магистра зоологии. “О костях запястья млекопитающих” — сочинение, обратившее на себя внимание ученых. Оппонентом, кроме профессора зоологии, был назначен доцент минералогии, который не знал, как отделаться от своей обязанности. Дня за три до диспута возвратился из-за границы профессор ботаники; доцент к нему: “Будьте благодетелем, будьте вместо меня оппонентом”; профессор согласился. Не в том беда, что профессор согласился, а в том беда, что он путем диссертации не прочел. На диспуте он стал возражать, сделал два-три незначительных замечания, и тотчас съехал на общие взгляды. Именно, он обвинил магистранта в том, что он не обратил внимания на историю развития. Профессор говорил долго и много; речь его была отчасти его profession de foi; он выставял важность изучения истории развития (в чем диспутант, конечно, и не сомневался) и в заключение объявил, что вне ее нет спасения. Магистрант, видимо, был смущен таким заключением; он сказал две-три фразы, и официальный диспут окончился.

Военно-Грузинская дорога «Казбек»

Пятигорск. Провал

Летом 1859 г. Н.Н. Страхов предпринял небольшое путешествие на Кавказ. О предстоящей поездке он сообщал брату Петру в письме: «Спешу известить тебя, милый брат, что я собрался путешествовать на Кавказ и вероятно уеду 8–10 июня и вернусь в половине августа. Представился случай съездить туда дешево вместе с хорошим знакомым. Вся поездка до Тифлиса и назад обойдется рублей 150 и притом будет очень удобна. Давно уже я сижу в Петербурге, и мне захотелось проветриться. <...> Поездка разотнет меня и снабдит впечатлениями» (письмо от 24 мая 1859 г. ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 19130).

В следующем письме от 17 сентября, написанном брату по возвращении с Кавказа, Страхов расплывчато обозначил свое намерение написать что-нибудь об этой поездке: «Не стану тебе рассказывать о путешествии, — может быть я что-нибудь напечатаю; но скажу только, что оно совершилось благополучнейшим образом; я видел места, которые стоило повидать и которых никогда не забуду. Горы, Тифлис, Пятигорск и пр. так хороши, что лучше не надо. Время прошло очень весело; я был все время здоров, только слезка болели у меня глаза. В Петербурге я вернулся освеженный и ободренный, и, как только въехал, сейчас же почувствовал этот позантый болотный воздух и оценил всю прелесть того климата, в котором побывал» (ИР НБУ (Киев). Ф. III. Ед. хр. 19131).

«Поездка на Кавказ» (1859) стала последним наброском в ряду художественно-автобиографических записок Н.Н. Страхова и представляет собой двенадцать листов рукописного текста, составивших две первые главы незавершенного произведения.

Но дело этим не кончилось. После диспута, в спорах студентов решается обыкновенно кто был прав, кто виноват. Тут-то оппозиция и выступила. Она доказала весьма ясно, что и вне истории развития есть спасение, что это не единственный метод, что сравнительно-анатомический метод, определение гомологий, имеет свои права и т. д. Впоследствии торжество оппозиции увеличилось. Магистрант напечатал в свою защиту целую статью "О методе наук наблюдательных". Профессор, прочтя эту статью, объявил на лекции, что он был не прав, что изучение истории развития очень важно, но что это не единственный метод. "Хотя, — прибавил он, — у нас в ботанике без истории развития ничего и сделать нельзя"» (Аверкиев Д.В. Университетские отцы и дети // Эпоха. № 2. 1864).

Следствием этого недоразумения на защите стало то, что Н.Н. Страхову предпочли других кандидатов на замещение должностей на кафедрах зоологии в университетах Петербурга и Москвы. Было приглашение в Казанский университет, но от него отказался уже сам Страхов. «Когда я впервые стал встречать Н.Н., то многие с сожалением говорили, что он совсем напрасно забросил свою настоящую дорогу — естественные науки <...>, так как его диссертация "О костях запястья" давала основание надеяться, что из него мог выработаться незаурядный ученый». (Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М.; 1958. С. 255).

Он остался учителем естественной истории второй гимназии в Петербурге и с этого времени стал активно публиковаться в научных и литературных журналах.

В 1854 г. (№ 6) журнал «Современник» за подписью Н. С. опубликовал стихотворение «Ночная заметка». Это была проба пера, пародия — своего рода литературный дебют Н.Н. Страхова. «Ночная заметка» явилась полемическим откликом на стихотворение А. Н. Майкова «Весенний бред», которое было опубликовано в «Современнике» двумя месяцами раньше. В редакционной преамбуле к «Ночной заметке» говорилось: «Замечательное стихотворение

г. Майкова "Весенний бред" <...> породило в литературных кругах, в журналах, в самой публике разноречивые и разные толки; и, наконец, некто г. Н. С. написал в ответ г. Майкову стихотворение, которое хотя и опровергает мысль поэта, но, в своем роде, может назваться торжеством г. Майкова, как доказательство, что поэт тронул живую мысль» (Современник. № 6, о. IV. 1854. С. 60).

Страхов шутливо, но и вполне определенно не согласился с безусловным приоритетом поэтического чувства, на котором настаивал А.Н. Майков, как будто противопоставляя науку поэзии:

«А, книга новая! И в ней "Весенний бред".

Прелестно! Бредит так лишь истинный поэт».

При всем том, что работы Страхова по естествознанию отличались строгой научностью, «Страхов всегда оставался поэтом в науке и ученым в искусстве» (Щербакова М. И. Повесть Н.Н. Страхова «По утрам» // Толстой и о Толстом. Вып. 4. Материалы к комментариям. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2010. С. 366), стремился к целостному и нравственно осмысленному пониманию научного исследования и поэтического творчества:

«Беда не в том, что слаб у человека разум,

Беда — заносчивость кичливая ума,

Беда — к умам других неправое презренье»...

Стоит отметить, что в дальнейшем Н.Н. Страхова и А.Н. Майкова связывали очень теплые дружеские отношения. По свидетельству А.И. Введенского, А.Н. Майков в 1896 г., в связи с кончиной критика, признался ему в письме: «Целую сторону моей умственной жизни унес с собой Страхов! И сторона эта не зарубцевалась» (Введенский А.И. Общий смысл философии Н.Н. Страхова. М., 1897. С. 25).

Впрочем, настоящим своим вступлением в литературу сам Н.Н. Страхов считал публикацию трех «Физиологических писем» в газете «Русский мир» в 1859 г. (№№ 2, 22, 59), которые впоследствии составили первые главы книги «Мир как целое. Черты из науки о природе» (1872).

Аверкиев Дмитрий Васильевич (1836–1905) — русский драматург, беллетрист, театральный критик, переводчик. Соратник Страхова в кругу писателей-почвенников

Александр Петрович Мильков (1816–1897) — историк литературы, литературный критик, преподаватель русского языка и литературы, коллега Н.Н. Страхова по гимназии и сиротскому институту

Первая
государственная награда
Н.Н. Страхова «Медаль
в память о Крымской
войне»

Аполлон Александрович
Григорьев (1822–
1864) — литературный
и театальный критик,
поэт, переводчик,
один из лидеров
органического
литературно-
философского движения
50–60-х гг. XIX в.

Федор Михайлович
Достоевский (1821–
1881). Фотография
1860 г. Н.Н. Страхов
познакомился
с Ф.М. Достоевским сразу
после его возвращения
из ссылки, в декабре 1859
года, на литературных
«вторниках»
А.П. Милюкова.

В конце 1859 г. на одном из «вторников» у А. П. Милюкова, коллеги Н.Н. Страхова, учителя литературы во Второй петербургской гимназии, состоялось знакомство с А. А. Григорьевым и братьями Ф. М. и М.М. Достоевскими. Это знакомство во многом определило дальнейшую творческую судьбу Н.Н. Страхова. «Знакомства мои все больше и больше расширяются, — сообщал Страхов брату Петру, — меня очень хвалят и наперерыв просят писать. Г-да литераторы — народ прекрасный и отличаются поразительной добротой. Полонский, Майков, Достоевский, Милюков, Григорьев и пр., все это такие чистые души, каких я почти не встречал до сих пор» (ИР НБУ (Киев). Ф. I. Ед. хр. 19142)

В 1860 г. А.П. Милюков стал редактором нового журнала «Светоч», в котором публиковались многие из произведений будущих почвенников и в котором Н.Н. Страхов принял активное участие.

Характер публицистических работ Н.Н. Страхова начала 1860-х гг. претерпел заметные изменения. Над естественнонаучной проблематикой в них начала преобладать проблематика философская. В раннем публицистическом творчестве Страхова отчетливо проступают темы будущих философских и литературно-критических трудов периода почвенничества. Этот переход особенно заметен в третьем «Письме о жизни», в статьях «Значение гегелевой философии в настоящее время» («Светоч». № 1. 1860), «Письма о жизни» («Светоч». №№ 1, 5. 1860), «Об атомистической теории вещества» («Русский вестник». Май. Кн. 2. 1860), «Очерки практической философии П.Л. Лаврова» («Светоч». № 7, о. III. 1860) и др.

Н.Н. Страхову оказалась понятны и близки установки органического, целостного миропонимания, наиболее последовательно отстаивавшиеся А.А. Григорьевым, известным литературным критиком. Взгляды А. А. Григорьева оказали на Страхова большое влияние на рубеже 1850–1860-х гг. Но еще до знакомства с Григорьевым, в «Физиологических письмах» уже была видна интеллектуальная близость Страхова и Григорьева. «Органические категории, — писал Страхов, — имеют глубокий корень и глубокий смысл» (Страхов Н. Н. Органические категории (По поводу статьи г. Эдельсона «Идея организма», «Библиотека для чтения», 1860 г. № 3) // Журнал Министерства народного просвещения. № 3, о. II. 1861. С. 58).

В середине 1870-х гг. Страхов стал осознавать себя «урожденным словесником»; естественные науки не увлекали его больше так, как прежде, а всякий успех в языках неизгладимо оставался в памяти. Между тем, по справедливому замечанию Б. В. Никольского, «в области естествознания Страхову удалось сыграть такую многозначительную и богатую неисчислимыми последствиями роль, какая достается на долю только первоклассным умам человечества» (Никольский Б. В. Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк // Исторический вестник. № 4. 1896. С. 236).

№ 62

1873.

ДЪЛО

УПРАВЛЕНИЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

С суржской библиотеки
Страхова

Новая... 187...

Ранняя... 187...

№

35

1873

Аттестатъ

Франсуа изъ Восточной Стамбульской
 суржской Виллазии служавшаго
 въ оной Суржскимъ Училищамъ Комиссаромъ
 наукъ Коллежскому Академику Павлу
 Павловичу Страхову, въ томъ, что онъ какъ
 въ французскомъ по снисканъ знаменител
 отъ роду прудуцати наукъ и наукъ, въ
 университетъ Православнаго университета
 медицинскую транзюбу, медикъ въ напавш
 войнѣ 1853-1856 г. на Австрийской, и
 сынъ Протоиерея. По увольненіи изъ Су
 ловнаго званія въ 1846 году поступилъ
 въ число учениковъ Стамбульскаго
 Университета, а въ 1848 г. получилъ ро
 совѣдственную грамоту и еменованіе Ма
 гистра въ Славный Стамбульскій
 Университетъ на французскомъ и
 рускомъ языкахъ, сынъ и окончилъ
 полный курсъ при означенномъ уни
 верситетѣ и по увольненіи Консерваторіи и
 по увольненіи С. Мануэля Народнаго
 Просвѣщенія, награжденъ серебряною ме
 далю и удостоенъ званія суржскаго у
 чителя 23 Июня 1851 года. Присвоеніемъ
 С. Мануэля Народнаго Просвѣщенія
 № 854 присвоено Суржскимъ училищамъ
 и Мануэлю и Франсуа въ Суржскіе
 Восточныя Виллазии съ обязательствомъ
 преподаванія въ означенныхъ Мануэляхъ

№ 606

Н.Н. СТРАХОВ — АРХИМАНДРИТ ИОАНН (СКИВСКИЙ)

ПЕРЕПИСКА

1844–1849

(ИР НБУ. Ф. III. Ед. хр. 18875–18917)

Переписка Н.Н. Стрхова со своим ближайшим костромским наставником о. Иоанном (Скивским) — обширный документ воспитания и сбережения становящейся личности русского мыслителя XIX в. Немало современников Стрхова — русских ученых, литераторов и публицистов, имена которых хранятся в исторической памяти России, — оставили после себя дневники и труды исповедального характера. Но случай Н.Н. Стрхова — обширная переписка, практический диалог студента со своим прежним учителем и подлинным духовником — редчайший.

Сам Николай Николаевич Стрхов о своих письмах к о. Иоанну говорит: «В этих письмах вся моя история, бедная и пустая, история всегдашних стремлений и бесплодной деятельности». В ответных письмах о. Иоанна — анализ невзгод ученика и сорадование его успехам, практические наставления. Николай Николаевич называл его «любезнейшим учителем и благодетелем». В мае 1848 года, когда Н.Н. Стрхов учился в Санкт-Петербурге, о. Иоанн был переведен в Киев. Умер в 1850 г. и похоронен на Байковом кладбище. На могиле его стоит скромный каменный памятник с надписью: «Ксендз Иоанн Скивский, ар-

химандрит Почаевского монастыря, Базилианского ордена. Умер 28 января 1850 г. Жил 75 л.».

Переписка велась преимущественно на французском языке, была переведена и впервые была подготовлена И.П. Матченко (мужем племянницы Н.Н. Стрхова) к изданию в периодическом сборнике «Старина и новизна» в 1905–1906 гг. По неизвестным теперь причинам издание не состоялось. Переоткрытие переписки — сохранившейся рукописи И.П. Матченко (оригиналы писем утрачены) — и первая публикация некоторых его частей были предприняты в начале XXI в. (Щербакова М.И. «Вместо дневника — письма к вам»: из переписки Н.Н. Стрхова с Иоанном Скивским // Москва. 2004. N 10. С. 186–206).

Мы впервые публикуем полный текст переписки Н.Н. Стрхова и его духовника. Постраничные примечания, сделанные И.П. Матченко, публикуются в сокращенном и отредактированном для данного издания информационном виде.

Тексты писем публикуются в современной орфографии и пунктуации.

1 О.Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову

Дорогой друг!

Что то такое, мой милый? Что это значит? Вы не исполняете вашего слова. Не вы ли мне обещали написать немедленно по приезде в Петербург, между тем и по сие время я не получил ни одного вашего письма. Правда, в этом «не большая беда», как вы имеете привычку часто говорить, но все это нехорошо. Вы первый раз сделали такое большое путешествие без охраны и без надзора, погода же была дурная: все это заставляло меня бояться какого-нибудь несчастья с вами. Слава Всевышнему, что вы счастливо прибыли, как мне об этом написал добрый Феоктист¹. Еще раз слава Богу и Его Св. Матери, нашей Покровительнице, которая оберегала вас в дороге. Вы всегда должны испрашивать у нее помощи и заступничества. Будьте таким невинным, каким вы были в Костроме, и Пресвятая Матерь пособит вам во всякой нужде. Надо часто молиться и почитать Ее.

Я воображаю, какой труд и какой страх вы испытываете, чтобы приготовиться и выдержать экзамен, но будьте смелы, дорогой мой! Я надеюсь, что вы все уже окончили. Только бы Бог помог, чтобы вас поместили в Педагогический институт, и чтобы вы оттуда вынесли много пользы. Почтенный ваш опекун и покровитель вероятно поместит вас там². Вы счастливы, что имеете такого покровителя. Вот почему вы должны любить его, уважать, молить Бога всякий день об его благополучии и быть проникнуты самой искренней благодарностью к нему, так как он делает для вас больше, чем мог бы сделать родной отец.

На первый раз довольно; напишу вам больше, если вы мне ответите и если сообщите о вашем путешествии из Костромы в Петербург, хотя бы на родном языке³.

Оставайтесь с Богом, мой милый, и поцелуйте руки вашего покровителя за меня.

*Ваш друг и слуга Иоанн Скивский.
1844 г. 20 октября.*

2 Н.Н. Страхов — о. Иоанну (Скивскому)

Любезный учитель и благодетель,
отец Иоанн!

Извините, тысячу раз извините меня, что я так долго не писал к вам. Я бы мог представить <порча текста?> вам тысячу извинений, но начну сначала. Вы уже знаете, что мы⁴ отправились 15 сентября из Костромы. До Ярославля мы доехали очень покойно и с письмом Осипа Семеновича Свенцицкого отыскали Флоренского. Он принял нас очень ласково, напоил чаем и — отказал. Мы отправились к Ракину. Г.Флоренский впрочем обещал быть у Ракина, поговорить с ним, похлопотать и — не был. Впрочем мы и без него нашли попутчицу до самого Петербурга, и 16 сентября в сумерки оставили Ярославль. Кое-как добрались мы до Рыбинска <порча текста?> 17 сентября в полдень. Здесь опять мы пробыли почти день, дожидаясь еще попутчика, купца, и едва 18 сент. В 4 часа после полудня выбрались. Зато здесь мы ехали скоро, как только можно было при испор-

¹ Монах Александро-Невской Лавры.

² Архимандрит Нафанаил (Савченко).

³ Большая часть писем о. Иоанна Скивского — на французском языке.

⁴ С братом Петром Николаевичем, который был старше Николая Николаевича на один год.

ченности дорог и при гадких лошадях. Мы ехали на вольных и весьма хорошо сделали, что взяли с собою купца, который нанимал лошадей и, как опытный, всегда знал, что давать. Мы брали двойку, а он тройку с попутчицею. И наша плата к их относилась как 2:3. Часто мы принуждены были ехать без кибитки и почти только два раза ночевали до самого Колчанова (18–23 сент.). Здесь, в 200 верстах от Петербурга, мы сели в лодку, которую нанял купец. Он думал 24 быть в Петербурге. Несмотря на то, мы только 26 прибыли туда: нас задержали противные ветры.

Мы пристали почти к самому Невскому монастырю. Когда мы нашли квартиру о. Ректора⁵ и перенесли туда все, он еще спал: это было на рассвете. Поздоровавшись с ним и побывавши у наместника, мы отправились в Казанский (собор) по Невскому проспекту. Боже мой! Как я удивился: так это-то Невский! Я не верил глазам: так он мне казался некрасивым. Но вот все лучше и лучше: Аничкин мост, Казанский собор... Глаза мои разбегались, но это все не поражало меня. Отец Феоктист, помолившись с нами в Казанском, повел нас к Катерине Ивановне⁶, которая жила у Симеона Илларионовича Липенского, дяди Нафанаила⁷. Здесь мы остались и теперь живем.

Я уже несколько раз ходил по лучшим частям Петербурга. Он обманул меня. Я думал, что Петербург совсем не похож на другие города, виденные мною, а в нем только все огромное и величественнее. При всем том Петербург прекрасен, величествен.

Живя у Липенского, я не мог писать к вам. Ваших денег я не мог явно употребить. Притом о. Ректор сказал, что нужно написать вам письмо, и я ждал от него денег и бумаги. Кроме того, мне хотелось дожидаться решения нашей участи. Она же до сих пор не решена. Сначала о. Ректор, Иван Акимович, наш дядя⁸, и Симеон Илларионович решили — нас в медику. Ивану Акимовичу поручено испытать нас. Оказалось, что я не имею обоняния, а Петя годится только в ветеринары. О. Ректор решился на это, а меня — в педагогический институт. Между тем Симеон Илларионович уговорил о. Ректора и Петю отдать туда же. О. Ректор стал нас испытывать и увидел сам, что нам нельзя учиться вместе. Еще раз испытывал нас Василий Николаевич Карпов⁹, родственник о. Ректора, профессор академии и даже знаменитый писатель. Он сказал то же. Между тем о. Ректор еще раз изменил свое намерение. По совету родственников, он думает поместить меня в университет. Я очень рад этому. Петю же он думает поместить прямо на службу¹⁰.

Сегодня я был у него и получил ваше письмо. Оно доставило мне величайшее удовольствие, за которое покорнейше благодарю вас. Когда я получше научусь писать по-французски, тогда и я вам напишу на этом языке, которому вы меня учили. Теперь же пишу на русском и написал бы вам больше, если бы было место. Зато я надеюсь на следующее письмо, которое скоро может быть пришло вам.

*Вам преданный ученик Миколя.
31 окт. 1844 г.*

P.S. Нафанаил свидетельствует вам почтение и благодарность. Уже третью неделю я хожу в Императорскую библиотеку и читаю книги. Туда пускают даром. Мы привезли к о. Ректору 46 р. 40 к.

⁵ Архимандрита Нафанаила, бывшего ректора Костромской семинарии.

⁶ Тетка Николая Николаевича.

⁷ Иоаким и Симеон Илларионовичи — дяди Нафанаила и дедушки Николая Николаевича по матери. Иоаким был учителем Костромской семинарии.

⁸ Сын Иоакима Илларионовича Липенского, учился в Петербургской духовной академии, а затем в Московском университете по медицинскому факультету и был военным врачом. В отставке жил в Белгороде и умер в 1891 г.

⁹ Карпов Василий Николаевич (1798–1867), философ и психолог, автор ряда самостоятельных работ и наиболее полного для его времени комментированного перевода сочинений Платона; возглавлял кафедру философии в Петербургской духовной академии.

¹⁰ Петр Николаевич сначала служил в Консистории, а затем в Удельном ведомстве; умер в 1875 г. в Обуховской больнице, в Петербурге, от мозгового воспаления.

3

Н.Н. Страхов — о. Иоанну (Скивскому)

Любезнейший отец Иоанн!

Не знаю, с чего начать мне письмо к вам; начну с того, что всего более занимает как меня, так и (я уверен) вас. О. Ректор уже начал хлопотать о поступлении моем в университет. Райковский¹¹, кажется родственник о. Ректора и законоучитель в университете, обещал доставить программу. Кроме того, ректор университета Плетнев тоже знаком нашему дедушке Симеону Илларионовичу; все это благоприятствует мне, но при всем этом я боюсь: я многого не знаю и меня могут спросить то, чего я, может быть, и не читал. Впрочем, я przygotowляю сколько и в чем могу и надеюсь хоть кое-как выдержать экзамен. Зато я буду ревностнее заниматься там и должен буду догонять моих товарищей. Один из студентов, с которым я знаком, говорит, что там нужно писать и писать и что уже при конце дают несколько времени на прочтение лекций и приготовление к экзамену. Будущих трудов я не боюсь; мне кажется, сколько я могу еще сделать! Но я боюсь, что меня не допустят к этим трудам.

Боже мой, как бесплодно провел я эти три месяца. Дома я почти ничего не делал, потом przygotowлялся к отъезду, далее 10 дней ехал; здесь — сначала смотрел и удивлялся Петербургу, потом бросался на то и на другое без руководителя и когда, кажется, должно бы больше всего сделать, как мало сделал я! Мои книги остались в Костроме, здесь я не много нашел нужных мне; здесь не нашел я также ни спокойствия, ни времени, ни места. Как часто и в каком прелестном виде представляются мне ваши уроки; вначале, когда я летом ходил к вам на самый конец корпуса и, или в саду, или в келье, твердил *Prenez livre et venez lire*¹², — потом, когда зимою при огне бегал к вам по морозу, когда летом ходил к вам на геометрию и когда еще так недавно утром рано приходил к вам окончить ее. И как я привык у вас к французскому языку! Немецкий как-то забывчив, особенно теперь, когда я так долго не занимался им; но знание французского, кажется, твердо укоренено во мне. Недавно я даже начал заниматься итальянским языком и вот по какому случаю. С нами живет дальний родственник нашего дедушки, недавно вышедший из гимназии и поступивший в медицинскую академию. Он — сын придворного псаломщика, находящегося при посольстве в Италии. Там и он жил до 8 или 9 лет. У него я нашел краткий итальянско-французский словарь, священную историю, разговоры и еще книгу на итальянском языке. При словаре есть грамматика на французском. Зная грамматические термины из той грамматики на французском, которую я переводил с вами, я начал переводить и эту грамматику, но покамест оставил.

Описать ли вам образ нашей жизни? Мы живем в четырех комнатах на третьем этаже — 8 человек; встаем обыкновенно в 9 часов и сейчас пьем чай. В 12 часов подают кофе. В 3 часа обедаем. Потом, кроме нас, все спят до 6 часов. В 8-м часу пьем чай, потом играем в карты, закусываем, вместо ужина, и в 11 ложимся спать.

Если вы не захотите иногда беспокоить о. Ректора письмом ко мне, то вот мой адрес: Кирочная, уг. Воскресенского проспекта, д. Ларионова.

Недавно случилось странное происшествие со мною: я помолодел целым годом. Не думайте, что я шушу; нет, в самом деле. Катерина Ивановна, моя тетенька, живущая в Петербурге, насчитала, что мне в этом октябре только что минуло 16 лет. Итак, я другой год стану считать себя 16-летним.

¹¹ Райковский Андрей Иванович (1802–1860), писатель, воспитанник Санкт-Петербургской духовной академии, профессор богословия в Санкт-Петербургском университете.

¹² Сокращ.: «Prenez votre livre et venez lire». — «Возьмите свою книгу и прочтите» — упражнение из классического учебника по французскому языку.

Я в этом случае конечно должен полагаться на тетушку более, чем на себя. Мне очень приятно скинуть с себя годок.

Не сообщить ли вам петербургских новостей? Конечно, мы немного знаем их, но что же делать? Ан, я думаю, знаете, что Нева обыкновенно останавливается от льда, идущего с Ладожского озера. В настоящую зиму она остановилась 7 ноября. Я уже несколько раз переходил через Неву, чтобы навестить больного дядю Ивана Акимовича, который поступил уже четыре года в медицинскую академию. Теперь снегу мало даже за городом и погода довольно ясная.

Извините меня перед Осипом Семеновичем, что я ничего не пишу к нему и засвидетельствуйте ему мое почтение.

Очень жалею, что не могу сегодня послать к вам это письмо (уже за 12 часов) и что должен переждать еще три праздника.

21 ноября. Извините, что я еще на день отложу отсылку письма к вам. Завтра о. Ректор велел мне быть готовым в 8 часов утра; не знаю, что будет; кто-то должен зайти за мною. Я напишу вам все. Уже скоро полночь. Дедушка не возвращается.

23 ноября. Вот что случилось. Я встал еще до света (здесь рассветает в 9 и солнце заходит в 3 часа по полудни); только что я успел одеться, умыться, Богу помолиться, как ко мне приходит Гаврило, слуга тетеньки, который теперь живет у о. Ректора. Я вышел к нему. «Поедемте!» — «Куда?» — «К о. протопопу Райковскому». Я надел шубу и вышел с ним. Мы взяли извозчика и поехали. Мороз был сильный и я озяб. Наконец, дотащились. Узнали, где живет Райковский, и я вошел в комнату. Он принял меня ласково и повел на верх к себе в кабинет. Смотрю, большие шкапы набиты книгами, везде разбросаны бумаги и книги, посредине стол. Я подал ему письмо, которое Гаврило принес от о. Ректора. Он прочитал. — «Так это вы желаете поступить в университет?» — «Да, я». — «Но есть ли у вас программа?» — «Нет». После того он стал говорить мне о необходимости иметь программу и стал спрашивать меня, по каким руководствам я проходил науки и как я чувствую себя знающим эти науки. — «Мне именно и хотелось видеть вас лично, потому что ни о. Ректор, ни Василий Николаевич (Карпов, профессор академии и свояк о. Ректора) не могли мне сказать, по каким руководствам вы готовились». — После того он стал говорить о том, что уже кажется поздно поступать в университет, потому что положено принимать только в августе и проч. Но, наконец, все свел к тому, что можно все уладить и что все зависит от моего приготовления; поэтому обещал скоро доставить мне программу и обещал хлопотать за меня всех профессоров и даже светлейшего Волконского. После того он простился со мною. Мы поехали назад и я опять озяб. Вы можете догадаться, что дома я не пил чаю, у Райковского также. Приезжаю домой, смотрю: чай отпит и я остаюсь без чаю... Скоро подали кофе. Смотрю — уже 12 часов; опять пропустил день.

Еще позабыл: Райковский сказал, что у студентов от 20 декабря по 10 января каникулы и что поэтому я могу вместе с ними начать слушать лекции, а до того времени должен готовиться к экзамену. Дело идет на лад!

Извините, почтеннейший о. Иоанн, что мои письма так беспорядочны, так скучны, что могут быть занимательны только разве для вас по любви ко мне, в которой я твердо уверен. Я не умею писать писем! О! мои письма были бы гениальны, да и я сам был бы гений, если бы не одно обстоятельство! Но что же? Чего робеть? Разве мне нельзя быть гением? Стоит только устранить это обстоятельство. Возможно, да. Итак, свидетельствуя вам почтение, преданность, любовь, уважение и проч. и проч., до бесконечности имею честь быть — возможным гением Николай Страхов.

Ноябрь 1844 г.

P.S. Ходит ли к вам богослов Оранский? Каким вы его находите? Он большой шалун! Если ходит, от меня — поклон. Кланяйтесь Любимову... Да скажите, пожалуйста, где теперь наши вещи и скоро ли их пришлют сюда?.. Не помню, писал ли я вам, что Петю о. Ректор хочет поместить в Консисторию...

4

О. Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову

Дражайший Николай Николаевич!

Я получил ваше письмо с большой радостью, тем более что в нем было известие о вашем счастливом прибытии в Петербург и о вашем здоровье. Слава Богу! Благодарю вас за удовольствие, доставленное мне вашим письмом. Тем не менее я огорчен, что вы еще и до сих пор не приняты в институт¹³. Мне кажется, что будет лучше, если вы будете посещать лекции в университете, чтобы не терять времени, а затем вы можете во всякое время перевестись в институт, когда откроется вакансия. Надеюсь, вы зарекомендуете себя с хорошей стороны. Ваши таланты, ваше прилежание, ваше хорошее поведение бросятся в глаза профессорам, и вы будете любимы всеми.

Вот почему я вас просил и теперь прошу вести себя хорошо. Не ищите знакомств с дурными товарищами — из опасения стать похожим на них. Крепко помните изречение Христа: «Нет тайны, которая не открылась бы, ни скрытой вещи, которая не была бы узнана и не вышла бы наружу». Так и у вас — не проявившиеся доселе недостатки обнаружатся, да кроме того, вы потеряете вашу милую веселость, так как совесть будет вас всегда мучить.

Приносят мне ваше второе письмо. С большим удовольствием читаю его. Благодарю вас. Ваша веселость и откровенность в описании вашего пребывания в столице и как вы посещали профессора Закона Божия — все это мне весьма нравится. Слава Богу! Не бойтесь экзамена. Профессорам ведь нужно будет только узнать ваши способности, насколько вы можете понимать лекции, читаемые в университете, и я вас уверяю, что вы весьма способны и ваши ответы удовлетворят требованиям профессоров. Будьте смелы, дружок мой! Бог будет вам помогать. Я Его всегда прошу за вас. Вы должны постоянно прибегать к его помощи относительно ваших способностей и прилежания в науках. Я чувствую, что вы принесете много пользы вашему отечеству; провидение вас к этому предназначило. Постарайтесь быть достойным этого предназначения.

Простите, голубчик, я вам много уже написал; вам будет трудно читать, так как я не обращал внимания на орфографию. Но вы должны помнить, что все это исходит от сердца, которое вас любит нежно. Извините. Начинаю по-русски¹⁴.

В самом деле, может быть тебе неприятны мои морали и увещания, потому что не чувствуешь никаких пороков на совести. То — слава Богу. Но ваше благородие выходит на большое поприще, как на океан путешественник, не умеющий владеть кораблем, где всякая небрежность опасна даже самой жизни. В таком случае советами своего друга пренебрегать не должно.

Книги ваши и вещи там, где вы оставили — у г. Ольшевского. Он ожидает приказания отослать ваши вещи всякий день. Потому и я опоздал с ответом, думая, что лучше послать письмо через Любимова, чем по почте. Оранский¹⁵ ходит ко мне. Я его принял потому, что он твой друг; однако же — он не Николая. Я в его разговорах не нахожу и половины той приятности и даже прилежания, какие имел Николая.

Напишите мне несколько стихов по-французски, когда вам позволит время. Будьте уверены, что я всегда был и буду вашим искренним другом и слугою.

Иоанн Скивский. 15 декабря 1844 г.

P.S. Вчера я навещал Ольшевского в лазарете... Он мне сказал, что едва после праздника отправит

¹³ О. Иоанн настаивал на поступлении Николая Николаевича в Педагогический институт.

¹⁴ Некоторые письма о. Иоанна написаны целиком по-французски, другие же, и чаще всего, вперемежку с русским текстом.

¹⁵ Товарищ Николая Николаевича по семинарии, Оранский был в Петербургской духовной академии, затем перешел и окончил Московский университет по медицинскому факультету и был военным врачом.

Любимова с вещами. Поэтому и я сие письмо посылаю по почте.

Желаю вам всякого благополучия с наступающими праздниками. Да благословит вас Всевышний и не оставит вас своею милостию.

О. Феоктисту кланяюсь. Вещи его пришлю с вещами г. архимандрита. Если можно будет переслать через подводы, которые привезут вещи, барометрических стеклянных трубок фунтов 5 и термометрических 1 фунт, то я буду просить и деньги пришлю чрез Любимова.

Беда, и на русском мне объясняться трудно.

В карты не слишком играйте, ибо игра эта противна и вредна музам.

5 Н.Н. Страхов — о. Иоанну (Скивскому)

Любезнейший отец Иоанн!

Извините, что так долго не отвечал на ваше письмо, не поздравил вас ни с Рождеством, ни с Новым годом. Примите, по крайней мере, теперь мое желание вам, вместе с Новым годом, нового счастья и новых радостей. Желаю вам всего, что только может успокоить и удовольствовать вас.

.....

Я совершенно праздно провел эти три месяца — октябрь, ноябрь и декабрь. Сначала я ничего не мог найти, и пр неопределенности цели, неудобстве квартиры и неимении руководств не мог заниматься. Потом я долго занят был хлопотами с университетом. Особенно Райковский так долго тянул, тянул и, наконец, все хлопоты свалил на о. Ректора. О. Ректор так рассердился, что бросил прежний план и назначил новый. Он расположил так: я должен поступить в университет вольнослушающим, т.е. не буду носить мундира и вообще формы, не буду сдавать теперь экзамена и не буду зваться студентом университета. Но я получаю право слушать лекции и должен, по крайней мере, за год до экзамена на кандидата сдать приемный экзамен. По окончании курса я получаю те же права, как и студенты, если выдержу на кандидата, а если выдержу только на студента, то получаю только право быть перворазрядным чиновником и служить наравне с дворянами, но не получаю класса. Если же я захочу, то могу, сдавши экзамен приемный, поступить в студенты и даже на казну, как и хочет сделать о. Ректор. Он назначает мне срок до августа с тем, чтобы я в это время или приготовился к приемному экзамену и остался в том же курсе, или вместе выдержал бы экзамен и на втором курсе и перешел бы в него. Без всякого сомнения, я постараюсь исполнить последнее. В августе я надеюсь перейти на казну и мне хотелось бы даже сократить следующие за этим три года в два года. Сначала о. Ректор хотел также, чтобы я служил, ходя в университет. Здесь есть таких примеров довольно. На службу я должен бы был ходить один только день в неделю; но потом он оставил это, разочтя, что служба будет мне развлечением в занятиях.

Не удивляйтесь, что я так смело сужу об университете. Я уже так свыкся с мыслью об нем, так много видел ходящих в университет и сравнивал их познания с моими, что теперь уже смело думаю об этом. Может быть — это и оттого, что я избавляюсь теперь от экзамена и имею больше времени для приготовления к нему.

Итак, вы напрасно надписали на конверте — студенту университета. Еще долго, шесть месяцев я буду зваться только вольнослушающим университета.

Покорно вас благодарю за те надежды, которые вы возлагаете на меня, хотя я не могу вполне разделить их. Покорно вас благодарю также за наставления, которые вы даете мне. В самом деле, в теперешнем положении моем они очень нужны; будьте уверены, что я всегда буду принимать их с благодарностью. Не думайте также, чтобы вы сколько-нибудь обременяли меня своими письмами. Я читаю их с такой приятностью и с таким удовольствием, с каким ничего другого не читаю. Особенно, когда они писаны на французском языке, на том языке, которому вы меня учили. Напротив, я действительно обременяю вас письмами, тем более что пишу мелко. И толь-

ко по уверенности в вашем расположении ко мне я делаю это. Мне так хочется побольше поговорить с вами, а для этого я должен писать мелко.

Очень жалею, что г. Ольшевский болен... Я думаю, он не скоро еще отправит вещи о Ректора. Хотя все согласны, т.е. митрополит и граф, чтобы он остался здесь викарным, но для теперешнего викарного нет вакансии нигде. О. Ректор говорит, что месяца через полтора он получит лучшее помещение. Это он говорит по тому случаю, что искал нам квартиры — одному ближе к консистории, другому к университету. Когда же получит лучшие комнаты, он думает поместить нас вместе с собою. Вот хорошо мне будет ходить в университет, версты три! Зато прямо по Невскому проспекту.

Напрасно вы заботитесь об о. Феокисте. Он... некоторым образом уехал в Курск, не знаю почему.

Не знаю, через кого вы теперь получите трубки барометрические и термометрические, я не знаю ни завода, ничего. Не сказать ли о. Ректору?

Кланяйтесь от нас Любимову. Я посылаю вам письмецо к Орнатскому. Очень жалею, что он поленивается, я знаю за ним этот грешок. Он обещал приехать в Петербургскую академию на следующий год. Я надеюсь, что он может сделать это, если захочет. Нам будет очень весело; я буду показывать ему Петербург, а он будет расспрашивать меня. Я оставил ему несколько книг на французском языке; они будут ему полезны.

Вы пишете, чтобы я написал вам несколько стихов на французском языке. Я, право, не могу сделать вам это удовольствие; кроме трудности для меня свободно выражаться на французском языке, я совершенно не знаю французского стопосложения, которое, как я заметил, совершенно отлично от русского.

Вы пишете, чтобы я не играл в карты, потому что эта игра противна и вредна музам. Я бросил ее и принялся за другую — игру на фортепьяно; я уже знаю теперь несколько романсов и пьес и свободно могу играть аккомпаниманы. Теперь стоит только выучиться нотам. Все это я перенял от Ивана Акимовича, нашего дядюшки, который доучивается в медицинской академии. Еще многому новому я выучусь в Петербурге. Когда поступлю в университет, то на другой год стану учиться английскому языку. Теперь не могу, потому что уже начаты лекции шесть месяцев, а мне гораздо удобнее будет начать сначала. Английский язык, я думаю, будет мне очень полезен — особенно, когда я поеду в Индию. А я думаю непременно ехать туда.

Вчера я был в университете и слушал первую лекцию. Впечатление, какое она произвела на меня, странно. Я не разочаровался. Я слушал Куторгу и Устрялова. Куторга читает чудесно, но Устрялов¹⁶! Я удивился, когда увидел и услышал этого писателя. Так близко! Первая лекция была из естественной истории, вторая из русской. Я записывал первую; но я совсем не умею записывать и потому хочу сравнить свои записки с чужими и посмотреть, как я должен записывать. Теперь я переписываю ботанику. Сегодня пойду в университет в полдень. Я позабыл сказать вам, что я слушал еще французскую лекцию, но ничего не понял: произношение так неясно, что я совсем не разбираю слов.

Я должен принести вам ужаснейшую жалобу на Осипа Семеновича; он просто хочет ограбить меня, хочет не выслать мне книг, да это разбой! Прошу вас, уговорите его сохранить и впоследствии переслать их нам.

Я еще и до сих пор не сказал вам, по какому факультету я иду. Я иду по камеральному; избрал я этот факультет потому, что он заключает в себе более разнообразия: в нем преподаются — зоология, ботаника и минералогия, русская и всеобщая история, агрономия и технология, предметы занимательные, и еще некоторые законы, например, государственных учреждений. Впрочем, на следующий год наде-

¹⁶ Устрялов Николай Герасимович (1805–1870), историк и академик по русской истории, официальный историограф Николая I, единственный автор учебников истории при нем, во время учебы Н.Н. Страхова — профессор Петербургского университета и Главного педагогического института.

юсь найти время ходить и на другие факультеты, особенно на физику и астрономию.

Прощайте. Ваш ученик Николай Страхов. 13 янв. 1845 г.

P.S. Петя уже с Нового года ходит в консисторию. Я думаю, что там ему будет очень хорошо под покровительством и руководством о. Ректора.

Мне потому теперь лучше поступить вольнослушающим, что я могу поступить теперь же, а если бы я хотел поступить студентом, то должен поступить в августе. Я уже взял лекций и переписал их до 15 листов¹⁷; больше не могу достать. Вчера я взял у о. Ректора немецкий лексикон. Он такую изъявил готовность доставлять мне книги, что я чрезвычайно этому обрадовался.

¹⁷ Университетские лекции и записки Николая Николаевича, и особенно по естествознанию, сохранились в самом аккуратном виде.

¹⁸ Очевидно, предыдущее письмо еще не было получено о. Иоанном.

6 **О. Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову**

Дорогой Николай!

Осип Семенович едет в Петербург и чрез него я нахожу хороший случай засвидетельствовать вам мою любовь и привязанность. Желая вам в этом новом году покровительства Божия, крепкого здоровья, более же всего успехов в науках. Этого я вам желаю каждый день и об этом ежедневно прошу Всевышнего.

Весьма желал бы узнать, как вы выдержали экзамен и с каким успехом; будьте добры, сообщите¹⁸.

У нас все в том же состоянии, в каком вы, уезжая, оставили. Ученики посещают классы; мое здоровье, как всегда; ваш друг Оранский учится по-французски прилежно. Я ему часто помогаю во имя того, что он ваш друг, но он, кажется, не так способен, как вы, голубчик мой. Он начал уже переводить с французского на русский по той же грамматике, по которой и вы переводили. Впрочем, он хороший малый, приходит ко мне ежедневно.

Но как вы поживаете, мой милый? Чем вы занимаетесь теперь? Посещаете ли вы университет, или работаете дома? Вот что я бы хотел знать и прошу вас уведомить меня об этом.

Препоручаю вас Богу, мой милый. Я вам не пишу до свидания, так как я вас больше не увижу. Оставайтесь в добром здоровье и любите меня, я же буду для вас всегда покорнейшим слугою. Иоанн Скивский.

После того, как я уже написал эти строки, Осип Семенович принес ваше письмо и прочел мне его. Я был очарован красотой вашего слога, а еще больше свободой, с которой вы развиваете ваши мысли и передаете подробности ваших предприятий. Покорнейше благодарю. Оранский пришел в восторг, когда увидел маленькое письмо с его адресом... Весьма жаль, что вы не хотите написать несколько строчек по-французски; вы забудете все правила, которые выучили с таким старанием и трудом. Но так как вы не имеете словаря и весьма теперь заняты, то оставим на после нашу корреспонденцию на французском языке.

Необходимо слушать уроки французского языка, потому что там научитесь хорошему произношению; в университет не примут учителя с плохим произношением. За два или три урока будете понимать хорошо. Этот год, как приготовительный, надобно посвятить и немецкому и французскому языкам.

По моему мнению, вы избрали факультет не по вашим силам. Агрономия, ботаника более нужны помещикам; этими науками и Петя может заниматься. Вам следует избрать предметы, которые не все с успехом могут изучать, как право или законы, история, математика и проч.

Надобно просить Бога, и я буду молиться, чтобы вдохнул вам охоту к тем наукам, которые будут вам полезнее и которые дадут вам возможность оказать отечеству услуги... Хотя и всех слушать не будет без пользы, еще не поздно для вас; в такие годы другие мало еще знают и даже начинают только учиться. Ученый должен знать все, хотя понемногу. Например, поэт или историк все науки должен знать, чтобы при случае мог об них писать справедливо. Не надобно также держать себя высоко, да и не низко. «Наперед не вызывайся и сзади не оставайся, серединки тримайся»¹⁹, — так одна мать приказывала сыну, идущему на войну. Надобно стараться быть любимым и хвалимым от начальства. Что касается записок во время уроков, то к ним легко привыкнуть, целый период объяснения учителя помещая в двух или трех словах. Например, если бы учитель говорил: «Mars aequo pulsat pede, pauperum tabernas, requinque turres», вы напишите — «homo morietur»²⁰, просто и понятно.

Осип Семенович шутил, что книги твои погребет в печке; он хочет взять некоторые...

О. архимандрит не жалеет для тебя ничего, ибо он тебя любит. Однако же ты старайся, как можно, сберегать такого доброго дяди расходы на твою особу, и тем больше будешь любим.

... О трубках для меня я просил Осипа Семеновича, а о. Ректора прошу не утруждать...

Еще один совет. Случается сидящим долго и прилежным к наукам впасть в скорбучическую болезнь²¹. Поэтому я вам советую часто полоскать рот или зубы холодной водою, чтобы предупредить (болезнь). Впрочем, посоветуйтесь с окончившим курс медицины.

Ничего нет приятнее для меня, как читать ваше письмо. Пишите, что вам заблагорассудится; я вам буду весьма обязан и буду читать с большим удовольствием.

Приложенное при сем письме пусть будет на уплату писем, которые вы мне пошлете и на извозчиков. С Богом, голубчик, оставайся и не отказывай в принятии денег. Остаюсь навсегда твоим искренним другом Иоанн.

23 января 1845 г.

PS. Есть в Петербурге толкучий рынок, на котором много и разных книг продают дешевле, чем в Костроме; может случится иногда и хорошую книгу достанешь для себя. Часто писать не нужно, ибо у тебя время дорого; довольно в три месяца ...

7 О. Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову

Дорогой Николай!

Осип Семенович откладывает свою поездку в Петербург; вот почему я могу вам еще несколько слов написать. Г. Ольшевскому я дал 10 руб. для покупки термометрических и барометрических трубок... Передашь их через купца, возвращающегося в Кострому. Вот чем я утешусь и скажу, что ты, мой милый, доказал мне свою любовь. Но это говорится, когда дозволит время, ибо лучше мне не иметь трубок, чем тебе оставлять начатые уроки для (покупки) оных.

Извини, что так нехорошо написал... Мое здоровье становится хуже; не знаю, что покажет весна.

¹⁹ ... серединки тримайся — держись середины; украинская пословица: «Уперед не випихайся, а ззаду не зоставайся, середнім тримайся».

²⁰ Марс одинаково стучится в бедные хижины и в царские дворцы. Искаж.: Pallida mors aequo pulsat pede pauperum tabernas requinque turres (Гораций): Бледная смерть стучится и в хижины бедняков, и в царские дворцы. Homo morietur — человек смертен

²¹ Скорбут — цинга.

... При ваших вещах не найдено регистра оным, а я вас просил составить... Надобно было один оставить при вещах, а другой взять с собой. Вот как делают порядочные люди. А так, думаю, много пропало всего. Ну что же делать, Бог даст! А вы из опыта научитесь, как нужно делать в подобном случае.

На случай, если бы мне дозволено было возвратиться в Киев, на что однако же я не надеюсь, то я просил г. Ольшевского, чтобы данные ему 10 руб. на трубки вручил вам на почтовые расходы, если захотите писать мне в Киев.

... Любимов, кажется, поступил на службу... и в Петербург не поедет, а потому вам придется долго ждать ваших книг...

Право, ваш друг Оранский ленивец. Но что делать, не всякий может быть Николаем. Все же таки он много подвигается вперед. Он очень вас любит и часто с большим удовольствием прочитывает ваше письмо.

Какую пользу выносите вы из лекций, которые слушаете в университете? Нравятся они вам? Имеете ли вы достаточно времени для чтения и для изучения языков, которые следует вам обязательно изучать? Однако и не надо столько обременять себя, чтобы не иметь времени на прогулку. Вы еще молодой человек, можете учиться шесть лет и два года путешествовать.

До свидания, мой милый... Молитесь Богу о здоровье вашего дяди, желаю вам всякого благополучия, как искренний друг.

Иоанн Скивский. 6 февр. 1845 г.

²² Письма этого нет.

²³ Анна Ивановна — генеральша-благотворительница, у которой Николай Николаевич жил в Костроме по отъезде Нафанаила в Петербург.

²⁴ Дальше идет русский текст.

8

О. Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову

Мой дорогой друг!

Послал вам письмо чрез г. Ольшевского, отправившегося в Петербург, и думаю, что вы получили его²². Но я вовсе не требую, чтобы вы отвечали мне сейчас, так как, слушая лекции в университете, вы имеете много дела. Я же, кроме службы Божией, не имею другого дела и потому могу писать вам чаще, тем более что побуждает меня к тому и моя любовь к вам.

Хотелось бы мне знать, как вы поживаете и здоровы ли вы? Мое здоровье, как всегда, но с каждым днем я чувствую себя слабее и так как я стар, то это обстоятельство дает мне знать, что конец мой приближается. Слава Всевышнему! Я долго жил на земле и надо будет ее оставить и предстать пред Творцом и Судьей, чтобы дать отчет. Да будет воля Господня! Однако же я не хотел бы умирать в Костроме. Я желал бы возвратиться в Киев и оттуда написать тебе что-нибудь хорошее. Но оставлю то, что от нас не зависит, а от Всемогущего Творца.

Сколько я раз просил вас сделать регистр своим вещам, оставленным в Костроме, но ваше благородие не благоволило меня слушать. А теперь отдают, что им угодно. Осип Семенович, уезжая из Костромы, послал по ваши вещи Любимова, который принес отпертый сундук и белье в простыне. Я пошел посмотреть ваши вещи. Книг не считал, ибо не было списка оных, но я думаю, что они в целости, вещи же и белье списал и список прилагаю. Кажется, вы имели много сапогов, но теперь нет ни одного. И платье

вы с собой не брали, и здесь нет. Если у вас есть регистр, то прошу прислать мне в копию. Надобно всегда быть осторожным и списывать свои вещи. Вы еще не знаете, сколько стоит приобретать новые, а более стоит много и трудно найти другую Анну Ивановну²³.

В Костроме все по-старому. О. инспектор часто вас вспоминает. Следовало бы написать к нему письмо...

Ваше благородие прошу во время наступающего праздника купить барометрических и термометрических трубок. Денег 10 р. я дал Осипу Семеновичу.

Напиши мне, как идут уроки, легко ли или с трудностью?..

... Я начал это письмо на французском языке, хочу на нем и окончить. Надеюсь написать вам на Пасху, чтобы убедить вас в моей истинной дружбе и любви...

Иоанн Скивский.

20 марта 1845 г.

Список вещей

Рубашки 4
Наволочек 2
Одеял 2
Косынок 5
Панталон 2

Простынь 5
Носков пар 7
Платков 2
Жилетов 2
Панталон парусинных.....2
Сюртуков парусинных.....2

В сундуке — два ящика и книги. Из одной шинели сделан прекрасный сюртук для Любимова.

9 Н.Н. Страхов — о. Иоанну (Скивскому)

Мой благодетель отец Иоанн!

16 марта. Наконец, я решился написать вам письмо на французском языке. Скука одолевает меня и вот почему, для развлечения, я хочу говорить с вами, так как для меня составляет большое удовольствие не только читать ваши письма, но и писать их к вам.

Я теперь совершенно здоров и приготавлиюсь к переводному экзамену (не знаю, как сказать по-французски слово «переводный») на второй курс. Я не приготавлиюсь к приемному экзамену, так как он будет после первого. По этому случаю посещаю лекции в университете и стараюсь запастись записками лекций, которые были читаны в течение четырех месяцев — с августа по январь.

И почему вы отчаиваетесь в нашем свидании? Авось Бог будет настолько милостив, что поможет нам повидаться. Но это случится, вероятно, не за границей, так как я не надеюсь быть туда посланным. Каждый год посылают из университета трех человек; но возможно ли, чтобы из ста человек, оканчивающих курс, не нашли трех, лучших меня. Из педагогического же института посылают 8 человек, и вот почему легче быть посланным оттуда.

Не знаю, что вы понимаете под словом «стихи», которые вы просили меня написать. Стихи ли это, или строчки? Стихов я не умею писать на французском языке, а чтобы сделать вам удовольствие, я написал по-французски несколько строчек. Покорнейше благодарю вас за присланные 5 руб.²⁴

4 апреля. Давно уже написал я вам это и доселе не имел времени продолжить вам письмо. Действительно, теперь у меня много дела, но все же вы назначаете очень мало писем к вам — только четыре письма в год! Без сомнения, я не могу требовать от вас более,

но я должен вдвое, втрое более писать к вам. Дела теперь довольно, так что нет вовсе времени заниматься ни книгами, ни французским языком. Все время занимает у меня переписка лекций. Впрочем, я хожу на французские уроки и понимаю, хотя не много. Особенно меня затрудняет слитный выговор французов. Но едва ли я попаду в профессора университета, хотя бы мне этого и хотелось. Я вижу теперь, что способности мои в некоторых отношениях очень ограничены. Недавно я размышлял о себе и составил понятие о моем характере, об идее моей жизни. Я думаю, что моя душа не имеет сил огромных и способностей великих, но что эта душа — мягкая, впечатлительная, восковая. Наука оказала на меня первое впечатление, и я отлился по ее форме — так же, как отлился бы и по всякой другой; но посмотрите: это воск, а не медь и не мрамор. Этим характером я объясняю и мои стихи, и мое изучение языков, и мою ревность в науках.

Зачем, отец Иоанн, вы пишете мне вы, а не ты; я как-то не привык к этому и это название неприятно ударяет в мою барабанную перепонку. Не думайте, чтобы здесь я изменился и повысился; я тот же Николая и с величайшею радостью сегодня же поставил бы вам самовар. Я никогда не забуду этого, потому что никакой чай не может быть для меня так приятен, как тот, который я пил у вас.

Я сам недоволен выбором факультета; это избрание произошло от нерешимости. Никто не хотел и слышать о моем желании идти по ученой части. Все говорили, что это нехорошо и все только и думали, что о гражданской службе, которой я совсем не терплю. Я бросился в такой факультет, где было ни то, ни сё; между тем переменить факультет нельзя разве начинать снова. Вы предлагаете мне изучать законы. Но я питаю к ним решительное отвращение. И если меня не примут во второй курс, то я перейду на филологический или математический: на филологический потому, что отсюда можно поехать (за границу) при посольстве, а на математический — по моему расположению к этим наукам. Но, ей Богу, мне не хочется снова поступать на первый курс, потому что первокурсные студенты — это то же, что в семинарии словесники, а кому же хочется быть словесником? Вы советуете еще — серединки держаться; но ведь на серединке не уедешь за границу. Быть любимым от начальства — мало возможности, потому что студенты с профессорами не имеют почти никаких сношений. Впрочем, если я поступлю на казну, то это будет легче. Однако и казенные студенты имеют здесь такое же отношение к своекоштным, как у нас в Костроме бурсаки к квартирным. Так же они всегда не чесаны, ленивы, читают книги в аудитории и проч.

Игрою моею на фортепьяно я не доволен, потому что я не имею уха.

...Покорнейше благодарю вас, отец Иоанн, за пять руб., которые вы мне прислали; но я не знаю, на что они мне, между тем знаю, что они вам, может быть, были бы нужны.

...Скоро, кажется, я облегчусь в своих занятиях, потому что не буду держать переводного экзамена, а буду держать его, как дополнительный, в декабре. Теперь же займусь приготовлением к приемному, чтобы поступить в студенты.

Жалею до чрезвычайности, что вы нездоровы...

Мне очень нравятся университетские лекции. Вообще, этот новый для меня способ преподавания кажется мне чрезвычайно хорошим. И мне ничто бы так приятно не было, как быть на лекции, если бы не нужно было записывать ее в аудитории, а потом переписывать. Это занимает у меня много времени, тем более, что я хочу быть готовым к экзамену в мае, но, кажется, не буду держать его. Если я выдержу дополнительный экзамен, то мне останется только три года быть в университете; но я готов не только шесть, как вы говорите, но и десять лет учиться.

Не беспокойтесь о моем здоровье; я не могу так прилежно заниматься, чтобы здоровье мое ослабело, потому что я занимаюсь охотно, а не по принуждению. Кроме того, и для прогулок у меня времени довольно: я гуляю каждый день часа полтора, когда иду в университет и когда возвращаюсь оттуда. И притом такой чудесной дорогой я должен проходить! Я всегда иду по Невскому проспекту, который, как вы знаете, есть самая широкая, самая великолепная улица в Петербурге, потом перехожу через Исаакиевскую или Дворцовую площадь и вижу дворец, колонну Александринскую, иду по прекрасному адмиралтейскому бульвару и, наконец, перехожу Неву через Исаакиевский мост. Самая приятная прогулка!

Спешу успокоить вас на счет белья и платья: все в целости ... Притом, уверяю вас, люди, у которых мы все оставили, самые честные. Уроки для меня легки и приятны...
У меня теперь есть уже французский лексикон; но он старенький и не такой, как в Костроме.
О. Ректор здоров. Я пошлю через него это письмо, потому что он дает мне на письма к вам...
В следующем письме напишу вам о моих сомнениях.

*По-прежнему преданный и любящий вас Н. Страхов.
1845 г.*

10 О. Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову

Мой милый!

Я получил, наконец, ваше письмо на французском языке. Большое вам спасибо. И хотя в нем много ошибок, тем не менее я его легко прочел и порадовался, так как оно служит неоспоримым доказательством, что вы написали письмо сами, без посторонней помощи. Мы не можем писать без ошибок, так как это не наш родной язык... Но мы понимаем друг друга. Пишите же, как вам удобнее; Я всегда буду доволен вашими письмами и буду всегда читать их с удовольствием. Г. Д..... был у меня, когда я получил ваше письмо; он его прочел и восхищался, как вы хорошо написали.

На французском языке я мог прочесть ваше письмо, но на русском весь семинарский мир не мог понять, что вы написали. Наконец, Любимов и Оранский едва могли прочесть его в течение часа времени. Итак, если вы желаете, чтобы я сам мог читать, пишите отчетливо, так как мои глаза слабы и вы знаете, что я не бегло владею русским языком.

Вы теперь весьма заняты и кроме того около 20 мая я уезжаю в Саратов; уже получил распоряжение Синода. Из Саратова я вам напишу, каким образом и под каким адресом можете мне писать.

Я бы желал на все, что ты мне писал, в подробности тебе отвечать, но не прочитаю твоего письма. Надобно ждать Оранского, чтобы мне прочитал вновь, а теперь, что могу припомнить, напишу.

Не полезно молодому человеку делать планы дальнейшей жизни. Провидение управляет всем; один маленький случай, одно приключение испортит все проекты. Лучше — возверзи на Господа печаль твою и той ты пропитает... Учиться и быть праведным — вот наше дело. О нас печется Господь. Если примешь намерение идти тою дорогою, а после окажется худо, будешь жалеть и печалиться, а если отдашь себя в волю Божию, то хотя и случится худо, скажешь: воля Божия, это все к лучшему для меня, и будешь покоен на совести. Без сомнения, надо самому стараться, но всегда с тем — если угодно будет Господу. При таком занятии ничего худого даже и не помыслишь. Поэтому я не надеюсь, что тебе во всем поможет Бог.

Надобно стараться, по возможности, не вводить вашего дядю в излишние расходы на вас. Ведь вы хорошо знаете, что у него нет ни имения, ни больших доходов. Вот почему я вам советую, старайтесь поступить в педагогический институт.

...Не торопись с выбором карьеры, от которой много зависит. Молись Богу каждый день, так как только Он знает будущность. Если Он вам поможет, будете счастливы и достигнете высших почестей.

Пишешь, что чай у меня был лучший, а знаешь почему? Потому что ты сам ставил самовар. Когда будешь хозяином, то будет еще лучший, ибо ничего нет приятнее, как приобретать трудами для себя содержание. Дал бы Бог, чтобы я, по крайней мере, дождал услышать, что ты уже содержишь себя своими трудами и что ты полезен своему отечеству. Тогда я с колена преклону-

нием принесу Всевышнему мою благодарность.

Не думай, ваше благородие, чтобы я для чести особы твоей писал вы. Неужели за полгода ты мог сделаться паном! Это — моя фантазия. Однако же я уже сказал вам, что ваше благородие не Николая теперь, а Николай; Николая не может слушать лекций в университете. Вы уже не младенец, а юноша и через 4 или 5 лет будете уже человеком. Вот что я желал вам внушить в сердце и разум.

В этом месяце будешь держать экзамен. Да поможет тебе Всевышний, о чем я и молюсь. Уповай на Бога и будет все хорошо.

Не думай, что учителя университета мало замечают учеников, слушающих уроки. Напротив, они уважают прилежание к слушанию и записыванию и аккуратному посещению их лекций. Вы увидите на экзамене через год, как они будут вами довольны и как они вас любят. Посредственных учеников они любят, а что же сказать о тех, которые успевают отлично? Итак, смелее, мой милый, и будешь доволен своими трудами.

Я удивляюсь, что вы переписываете записки. У нас этого никогда не было. Мы записывали для себя, и я всегда умел читать свой почерк. По своим запискам я готовился и к экзаменам...

Душевно благодарю за память обо мне, что меня утешает. Да вознаградит тебя Бог всеми благами, да поможет тебе во всем и наставит тебя на путь прямой к благополучию временному и вечному.

Не забывайте, что я вас люблю и что я всегда пребываю вашим другом и слугою.

Извините мои ошибки и кляксы; я имею весьма много хлопот с приготовлением в дорогу.

Иоанн Скивский.

8 мая 1845 г.

11

Н.Н. Страхов — о. Иоанну (Скивскому)

Любезнейший отец Иоанн!

Осип Семенович дал мне случай писать к вам и я с величайшим удовольствием пользуюсь этим случаем...

Действительно, так случилось, как я ожидал: я не держу переводного экзамена и przygotowляюсь к приемному. Это гораздо лучше для меня, потому что предметы гораздо разнообразнее и, кроме того, я занимаюсь совершенно свободно.

Теперь ужаснейшая погода — 3-го мая! Дождь и слякоть. Я думаю, что если бы ваш барометр был здесь, то наверное стоял бы на линии: «Великий дождь». А жаль, что у нас здесь нет ни термометра, ни барометра. Для вас Осип Семенович еще не купил трубок, потому что для этого нужно ехать за город.

Да, кстати! Я был третьего дня в Екатерингофе. Первого мая там было гулянье, и я отправился с одним студентом; это очень недалеко от города. Мы купили папирос и отправились. Были во дворце Петра I за гривенник, ели мороженное, ходили, смотрели и, наконец, отправились на лодке по Фонтанке домой (не говорите этого Нафанаилу). О. Ректор не любит ни прогулок, ни погулок. Он недавно получил Владимира 3-й степени и скоро надеется на архиерейство (никому не говорите).

Сказать вам по секрету: я имею небольшую кондицию — по полтиннику за 1 часа. Учю арифметике и получаю в неделю за два урока рубль: небольшое вспоможение мне в моих занятиях. Я купил себе книг, каких мне нужно.

Дайте Оранскому разбирать мою руку, потому что я ужасно неразборчиво пишу...

Теперь я нахожусь в самом покойном и приятном расположении духа (хотя на дворе дождь) и потому не знаю, что писать

к вам. У меня нет даже взглядов, которые, особенно философские, очень скоро рождаются во мне... Да! Я обещал вам мои сомнения; вот они: 1) Меня поражают споры о предметах, в которых, кажется, должен быть всякий убежден, и также возможность бытия материалистов и неверующих во Христа. Не слышали ли вы доказательств, которые каждый спорящий обращает в свою сторону? Не все ли доказательства таковы? 2) Мы убеждаемся в чем-либо на положениях нашего разума; но кто и каким образом может доказать, что все, что принимает твердо разум, и на самом деле так. Т.е., как узнать, что законы нашего разума и природы физической сообразны между собою. Если мы станем исследовать это, то исследование не может быть принято потому, что и оно основано на разуме. Отвергая сообразность истины разумной с истиною действительною, мы можем все отвергнуть [нет конца]

3 мая 1845

12

О. Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову

Дорогой Николай!

Получил ваше письмо от 3 мая. Прочел его с восторгом и радостью, какой долго уже не испытывал. Тысячу раз благодарю. Я весьма доволен вами и вашими успехами в науках. Слава Богу! Мое предсказание о вас исполнится. Я буду всегда молить Бога за вас, чтобы Он защитил вас от всякого несчастья телесного и душевного. Я весьма желал бы знать, какие лекции вы будете слушать в будущем году. Я думаю, что вам нет надобности торопиться оканчивать университет. Вы — молодой человек, вы можете учиться до 21 года. Но вы сами лучше знаете это. Вы знаете метод, по которому читают лекции, вы имеете дядю, с которым можете посоветоваться, и вот почему я уверен, что вы пойдете очень хорошо.

Вы сообщили мне о ваших сомнениях. Вы философствуете очень хорошо; однако я опасаюсь, чтобы ваш ум со временем не заблудился, когда вы подвергнетесь искушениям.

Худые дела неверующих заслуживают наказания и совесть их мучит. Они не веруют для того, чтобы успокоить совесть свою, а еще более для того, что желают, чтобы — или не было Бога, или чтобы Он не наказывал за худые поступки. Берегись таких (людей) и в минуты искушения помни, что все великие гении верили в Бога и Иисуса Христа. Кто писал более Василия, Григория (Богослова), Иоанна Златоуста, Блаженного Августина и проч.: это были гении и вместе наилучшие христиане. Они были добродетельны, потому и верили, и умерщвляли похоти плотские. Я имею честь уверить ваше благородие, что пока будешь непоколебим в вере, будешь побеждать искушения и будешь спокойным и веселым. В жизни вы будете подвергаться искушениям, которые необходимо побеждать, и тогда вы будете счастливы.

Что касается другого (сомнения), то, мне кажется, можно доказать так: разумом мы познаем натуральные истины (естественные явления?) и тем же разумом выводим, что действия природных сил должны быть такие; а если вывод наш подтверждается опытом, то это служит наилучшим доказательством того, что натуральные истины тождественны с истинами ума.

Впрочем, все это пустяки и не стоит затруднять этим наш ум, так как мало помалу вы можете сделаться скептиком. Направьте ваш ум и ваши способности на такие предметы, которые принесли бы вам пользу. Верьте мне, что я боюсь за вас, тем более что ваше сердце, как вы сами признаете, похоже на воск, на котором легко все начертать. Ах, почему я не с вами! Но я буду просить Бога, чтобы Он послал вам ангела-хранителя. Да устранил Он от вас всякое зло и пособит вам в ваших нуждах!

Поздравляю вас с получением небольшого урока; но это будет большой пользой для вас, так как по латинской пословице: «кто обучает, вдвойне обучает». Слава Богу за все!

Желаю вам блестящего успеха на экзамене, когда узнают ваши способности и таланты. Смело, мой милый! Бог с нами. Ничего не бойтесь, все победите. Скоро поздравлю вас с студентом университета.

До приятного свидания, т.е. написания вам из Саратова. Извините, дорогой мой, за труд, который доставит вам чтение этого письма. Не переставайте любить меня, так как я всегда ваш друг и слуга.

*Иоанн Скивский.
14 мая 1845 г.*

13 О. Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову

Любезнейший Николай Николаевич!

Я до сих пор в Костроме, потому что губернатор не получил указа об отправке меня в Саратов. Между тем, зная, что занятия в университете окончены, я скучаю, не получая от тебя письма...

Две недели тому назад говорили, что в Тобольске умер епископ Владимир и можно надеяться, что откроется вакансия для о. Ректора. Желаю ему этого от всей души. Но Александр Дроздов писал из Москвы, что он займет место ректора Казанской академии. Я не хочу верить этому и прошу вас сообщить мне об этом истинную правду.

Я довольно хорошо поживаю, но как ваше здоровье? Окончили ли вы приемный экзамен и получили ли звание студента университета? Надеюсь, что вы напишете мне об этом. Я полагаю, что в продолжение следующих трех недель я останусь в Костроме и потому надеюсь получить ваше письмо здесь.

Оранский вот уже две недели как меня не посещает... Это не мой дорогой Николай, который слушал все мои наставления, всякое посещение которого было для меня большим удовольствием и хорошее расположение духа которого делало и меня веселым...

Оставайтесь с Богом, мой милый; будьте здоровы и не забывайте вашего искреннего друга

*Иоанна Скивского.
Июнь 1845 г.*

14 Н.Н. Страхов — о. Иоанну (Скивскому)

Достопочтеннейший отец Иоанн!

Вы начинаете ваше письмо отъездом; я тоже им начну. О. Ректор слышал от меня об этом и приказал написать вам, что напрасно вы ничего не писали ему об этом, что он сделал бы, что нужно, для вас и похлопотал бы здесь, что он не знает, хорошо ли вам будет в Саратове, кто вас и как примет.

Уроки в университете кончились, но тем более я отяготился занятиями к экзамену и когда стал приготовляться, то увидел перед собою множество предметов для занятий: нужно пройти 14 предметов, кроме уроков, и я читаю и учу с утра до вечера. Особенно меня тяготит алгебра, которую, как вы знаете, я знал очень плохо, конические сечения я вовсе не знал и не знаю.

Я прочими управился, или надеюсь управиться. Скажите, неужели я не выдержу экзамена? Будет плохо. Теперь или никогда! Меня, главным образом, беспокоят различные суждения об экзамене. Очень жалко, что меня ни разу не экзаменовали в университете, — я бы сам знал. Но, впрочем, я надеюсь. Главное, что меня смущает, — это то, что я не могу знать хорошо всего, из чего должен отвечать. Но помилуйте! Разве все те, которых спрашивают на каком бы то ни было экзамене, знают все, что их могли бы спросить? Особенно меня ободряют всякие суждения некоторых чрезвычайно важных людей, которые говорят, что по этой программе могут отвечать совершенно только сами профессора, и в особенности — что из истории нужно готовиться по Кайданову²⁵, чего я впрочем не думаю и не исполняю. Экзамены после 22 июля.

...Оранского я бы желал жестоко побранить! Досадно, право, что мало времени и пространства, т.е. бумаги. Во всяком случае скажите ему, чтобы он непременно написал ко мне письмо, будучи угрожаем, в противном случае, преемственным моим гневом. Скажите, пожалуйста, не преобразился ли он, яко богослов, в особу важную из мальчика и шалуна. Не могу себе представить! Да впрочем он скоро придет. Увижу, и уж тогда!..

Затем, желая вам здоровья самого совершенного, прошу не беспокоиться о моем, потому что я не сижу никогда ночей и остаюсь всегда вашим преданным слугою.

*Н. Страхов.
5 июля 1845 г.*

15

О. Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову

Любезный Николай Николаевич!

Оранский нечаянно выезжает. Я хотел послать тебе книги... Между тем начали идти дожди, и я, опасаясь, чтобы не замekli, решил послать только белье ваше...

Я всякую почту ожидаю от тебя письма и удивляюсь, почему в свободное время не пишешь. Прошу уведомить, получили ли белье в целости...

...Оранский должен несколько дней остаться в Костроме. Вот почему я могу, мой милый, написать вам немного обстоятельнее.

Я беспокоюсь неполучением вашего письма. Три недели тому назад г-жа ... прислала мне вашу записку, удостоверяющую получение вами моего письма. Вы теперь имеете много свободного времени и я уверен, что вы обладаете добрым сердцем, притом же вы обещали мне писать, — что же значит, что я не получаю от вас письма. Жду Ольшевского, который должен возвратиться из Петербурга; он мне сообщит о вашем экзамене и о вашем здоровье, о чем я беспокоюсь. Простите, мой милый, что я пишу так нехорошо. Мой мопс сбесился и поцарапал палец правой руки, вот почему так пишу...

Указ о выезде моем из Костромы до сих пор не получил, между тем еще в мае мне объявлено решение о переводе меня в Преображенский Саратовский монастырь.

По написании этих строк я получил ваше письмо от 5 июля... Я разделяю ваше беспокойство и прошу Всевышнего о помощи и надеюсь, что вы хорошо окончите ваши экзамены. Жду этого приятного известия.

²⁵ Кайданов Иван Кузьмич (1782–1843), педагог и писатель из духовного звания, профессор Царскосельского лицея, автор учебников по всемирной и русской истории.

Ваше письмо так отчетливо написано, что я мог его сам прочесть. Благодарю вас. Постараюсь привыкнуть к вашему почерку, так как в Саратове некому будет разбирать ваши письма.

Не знаю, буду ли я иметь более удобный случай писать вам, поэтому прилагаю при сем 10 руб. на почтовые расходы. Не откажите написать мне в Саратов, но раньше я сообщу вам мой адрес.

Оставайтесь с Богом, мой милый, до приятного свидания; будьте уверены, что я останусь всегда вашим другом, а в случае нужды хорошим и верным слугою.

*Иоанн Сквивский.
2 августа 1845 г.*

PS. Я не желал и не желаю утруждать о. Ректора своими делами... Я уже недолго проживу на этом свете. Мне «надобно жить, как набежит». А если Бог будет со мною, то и в Саратове найдутся добрые люди, а притом — «претерпевый до конца, спасен будет».

²⁶ Этого письма не оказалось.

²⁷ Шатобриан — Франсуа Рене де Шатобриан (1768–1848) — французский писатель, один из влиятельнейших основоположников романтизма.

16

О. Иоанн (Сквивский) — Н.Н. Страхову

Дорогой Николай!

Вы обещали мне на мое письмо написать два, но выходит наоборот. Я вам послал два письма и не получил ни одного. Чрез Оранского я послал вам белье и не знаю, получено ли оно. Вот почему я вас прошу немедленно ответить мне, иначе я буду думать, что вы больны.

В вашем сундуке я не нашел никакого списка книг ваших, поэтому нужно проверить их... Надеюсь, что в квартире Ольшевского никто не взял ни одной книги, так как там нет литераторов. В тот же сундук я положил и пальто.

Будьте добры, напишите мне, как ваше здоровье и как прошли ваши экзамены, а также о церемонии рукоположения вашего почтенного дяди (в сан епископа).

Я надеюсь остаться в Костроме, так как мое здоровье не позволяет мне ехать так далеко.

Поздравляю вас с получением звания студента университета. Мое пророчество исполнилось. Я вас уверяю, что все, что я предсказал вам, исполнится, если вы останетесь таким, каким были в Костроме. Желаю вам от души всего хорошего.

*Ваш искренний друг Иоанн Сквивский.
Октябрь 1845 г.*

17

О. Иоанн (Сквивский) — Н.Н. Страхову

Дорогой Николай!

После долгого ожидания я, наконец, получил от вас письмо²⁶. Спасибо, мой милый. Оно мне доставило много удовольствия описанием, как прошел ваш экзамен, после которого вы удостоились звания

студента университета. Не правда ли, что, как я вам раньше говорил, вас спрашивали пустяки. Но ваша серьезная подготовка весьма похвальна и вы от этого останетесь только в барышах; когда будете держать экзамен на кандидата или магистра, тогда припомнится все, чему вы учились. Теперь время работать и бросать семена в землю ваших способностей, если желаете собрать в зрелом возрасте большую жатву. Не переставайте быть всегда чистым, ибо таким Бог никогда не отказывает в помощи и покровительствует им всегда. Вы вошли в свет, получив воспитание в христианском духе. Будьте же всегда добродетельным, если желаете быть счастливым. Не сближайтесь с неверующими и даже не слушайте их рассуждений, фальшивых и обманчивых умозаключений, и в вашем сердце будет всегда царствовать сладкий мир и вы всегда будете довольны. Извините, мой милый, что я вам так часто об этом пишу, но слова эти диктует мне мое искреннее сердце. Может быть, я уже в последний раз пишу вам. Будьте также благодарны вашему высокому покровителю, которому вы всем обязаны: это самый приятный долг честного человека.

Но твое благородие довольно много начали слушать лекций. Не знаю, как у вас делается, но, мне кажется, нельзя слушать всех (профессоров). Нужно помолиться Богу и избрать себе предмет, в котором хочешь быть совершен; оному прилежай и ему вспомоществующим, а прочие слушай только. Перевод грамматики арабской принять советую, тем научишься по-арабски... Кто знает, к чему тебя провидение Божие предназначит; может быть, будешь министром. Дай Бог! Напрасно побоялся латинского языка и не избрал филологического факультета. Я уверяю, что за три месяца привык бы к нему совершенно.

Вещи ваши и книги, какие нашлись в сундуке, посланы вместе с сундуками преосвященного Нафанаила...

Зная твои занятия, я не буду часто наскучать моими письмами и не вменю тебе в вину, если и ко мне писать (часто) не будешь. Для тебя время — дорого; в старости неделею не вознаградишь двух часов потерянной весны твоей, т.е. молодости.

Если Осип Семенович будет выезжать из Петербурга, то купи мне книжку для переводов с русского на французский, какую ты переводил...

Всегда ваш искренний друг Иоанн Сквивский.

9 ноября 1845 г.

P.S. Письма твои перечитывать доставляет мне большое удовольствие... Шатобриана²⁷ читать советую... К историческим предметам ты имеешь наиболее охоты, но надобно и о латинском языке не забывать и посматривать на Тацита и других...

18

Н.Н. Страхов — о. Иоанну (Сквивскому)

Милый, любезный отец Иоанн!

Помню, я писал к вам длинное, ужасное письмо. Не знаю, получили ли вы его и даже отослано ли оно; но все равно я пишу другое.

Я, наконец, начинаю образумливаться, хочу и должен соединить и то и другое, а может быть и вовсе предамся другому. Но нет! Это невозможно. Настоящее соединение начнется с того времени, когда я получу свои костромские книги; они не приходят, они ужасно медлят! С ними случилось необыкновенное несчастье: они замерзли, вероятно, потому что огонь остроумия в некоторых из них и пламя поэзии в других потухли на дороге в Петербург. Теперь они ждут снежной дороги, потому что на колесах нет возможности тащить такого груза учености. А снег, как нарочно, не падает, даже лед нейдет на Неве, хотя я с нетерпением жду его, потому что с ним прекратятся лекции, на которые ходить так далеко. Только вчерашний мороз дал мне надежду на лед и избавил от грязи. А может пойдет и снег. Я с таким нетерпением ожидаю снега и, следовательно, книг, потому что при-

бытие их составит один из важных переворотов в моей настоящей жизни. Другие перевороты суть: 1) я надел форменную одежду и 2) надеюсь получить 5 руб. из казны в месяц. Быть может вы не угадаете всей важности этих переворотов, и я вам объясню это живейшим образом.

Во-первых, прибытие книг будет началом моих занятий. В числе их мало книг необходимых мне для занятий (всего один латинский лексикон), но все же в них я найду противодействие моей лени. Здесь я нахожу одно затруднение; положим, я начал заниматься, но какой метод избрать мне? Все, что я приобрел доселе, не имеет ни малейшего запаха метода. Но положим, метода не нужно, я не слишком о нем забочусь; но как мне прикажете учиться? т.е. как удержать в памяти то, что вижу пред глазами в этих книгах — то толстых, то тоненьких? Доселе я учился вот как: 1) Или долбил слово в слово. От этого мало толку. Правда, я знал то, что долбил по нескольку раз, но часто и не знал. Кроме того, этот способ учения ничем не лучше других и притом труднее. Кто захочет долбить? 2) В языках я шел обыкновенно медленно, как только можно, изучая основания. Потом я начинал переводить строчек по десяти и переводил до бесконечности, а потому все было мало; я знал мало слов и скоро забывал; я сыпал песок в решето постоянно и аккуратно, а песок также постоянно и аккуратно высыпался. Это ребячество продолжалось долго. 3) Я читал ученые статьи, повести, все, все. Это очень мало действовало. Я, правда, более и более обогащался познаниями, но в этом случае песок сыпался еще стремительнее, чем большими горстями я кидал его. Я много читал, но помню 1/10 долю того, что я читал и чего не читал, а из этой 1/10 доли помню 1/100 из того, что я читал. Следовательно, я помню только 1/1000 из всего моего чтения. Очень утешительный результат! Но это, может быть, зависит от рассеянности, от неглубокости мыслей, от бессвязия их и проч. Следовательно, все это можно поправить. 4) Я читал книги учебные. Я читал их раз по десяти, так что помню почти все фразы; но этот способ так глуп, так утомителен, что об нем нечего и говорить. 5) Я употреблял способ ученья самый лучший, как мне казалось, перед моим экзаменом: именно, я прочитывал, что нужно, и потом повторял своими словами. Это хорошо, но очень скучно, т.е. смахивает на долбление.

Итак, ни один из способов, мною употребляемых, никуда не годится. Из этого следует: 1) В языках я должен идти как можно быстрее, т.е. при первой возможности переводить, я должен переводить много и долго и т.д. 2) Во всем остальном я должен читать книги, как можно внимательнее и углубленнее, перечитывать иногда, изучать книги; но для этого выбирать книги достойные и притом заниматься одним и тем же предметом дольше, например — одну неделю архитектурю, другую живописью и т.д. Кроме того, внимательно слушать лекции, если будут деньги на извозчика. Вы видите, что я наилучшим образом приготавливаюсь быть человеком занимающимся. Остальные планы после расскажу.

Второй переворот, по моему мнению, есть форма. Я никогда не предполагал, сколько важности заключается в этом внешнем преобразовании. Я сам не столько радуюсь своему костюму, сколько другие. Знакомые улыбаются и с удивлением посматривают на меня; приветствия громче, обхождение вежливее; кто прежде не кланялся, теперь пожимает руку. Одним словом, теперь я, как прекрасный молодой человек (слог повестей), могу явиться куда угодно, могу говорить смело и смеяться громко; теперь только я стал настоящим студентом со всеми его правами и льготами. Нужно этим воспользоваться; но монастырь²⁸... О, Боже! Неужели я не вырвусь никогда из монастыря? Непременно, непременно!.. Но как?.. Скорее, скорее! Между тем теперь должен я пользоваться только тем клочком свободы, который у меня

²⁸ Александро-Невская лавра, где Николай Николаевич жил у Нафанаила.

²⁹ Лагарп — Жан-Франсуа де Лагарп (1740–1803), французский писатель, друг Вольтера; автор трагедий «Melanie», «Philoctete» и др., а также сборника публичных лекций «Lycée, ou cours de litter. ancienne et moderne» (18 т. 1826) — первой истории литературы во Франции. (Не следует путать его с известным современником и однофамильцем Фредериком Сезаром Лагарпом (1754–1838), швейцарским государственным деятелем, другом и наставником Александра I.)

есть, да и для этого необходимы деньги, а именно — на извозчика. И эти-то деньги я надеюсь получить из казны. О радости!.. Представьте себе (как говорит проф. Куторга), что я встаю утром, когда еще темно, пью чай, просматривая тогда же Вергилия, надеваю треугольную шляпу, закутываюсь в шинель и выхожу... «Извозчик!»... и снег скрипит под полозьями саней. Кругом мелькают потухающие фонари... А после... нет! Уж я не расскажу, что будет после. Я могу не быть в монастыре от восьми часов утра до 4 по полудни. Вам кажется много; но надобно исключить 3 часа туда и назад, 3 часа на лекции и кроме того я никак не соберусь к 8-ми часам и всегда выйду в 9. И все это уничтожится при деньгах. Три часа ходьбы сократится в езды, зато лекции увеличатся непомерно, и я в девять часов всегда буду в университете. Это представляет самую завлекательную картину. Итак вы видите, что мне доставила форма и доставят костромские книги и казенные деньги. Но я скоро надеюсь найти источник своих собственных денег. Это — уроки математики по 2 в неделю и по 1 часа каждый; они доставят мне рублей 7–8 в неделю, т.е. 30–35 р. в месяц. Я потеряю 3 часа в неделю, а выиграю $3 \times 6 = 6 = 12$ ч. Следовательно, у меня в барышах будет 9 ч. в неделю. Да это прелесть! Я заживу бароном. Кроме того, я тут приобрету знакомство, может быть, хорошее. Я теперь присмирел только потому, что забылся; но при одном воспоминании кровь так и кипит! И в эти минуты я не хочу и смотреть на книги. К цели, к цели!... А книги только средство. И Боже мой! Как медленны, как скучны эти книги! И представить человека, который целый век над книгами и обратил средство в цель — фи! Это ужасно!

Недавно я придумал план, который я считаю умным, потому что сам его придумал; а ведь нужно же, чтобы все мы считали свои планы умными. Я задумал — учиться без книг. Это очень легко. Я буду слушать прилежно самые разнообразные лекции, буду иногда заниматься с товарищами, читать у них книги, но у самого меня не должно быть ни одной книги. Я оставляю себе только тоненькую книжку Горация. Ведь он был оригинальнейший поэтом Рима, самый разнообразный и веселый из всех поэтов и, главное — самый короткий; его всегда можно носить с собой. Другие поэты написали целые томы, зато они не так окончены. По-гречески я еще не знаю и не понимаю Гомера. Итак, при мне останется один мой друг Гораций, которого вы мне объясняли. Я его люблю именно потому. Но что же я буду делать с другими книгами, которых у меня довольно? Я думаю дельные книги прочесть и затем подарить их или продать, образцовые изучить и — тоже, плохие не читать и продать, так как дарить их нельзя. Отсюда исключаются книги Лагарпа²⁹, которые вы мне подарили на память. Доколе я буду вас помнить, они будут при мне; следовательно, они могут быть проданы только после моей смерти.

Но, ради Бога, как мне избавиться от множества классиков, которых я накопил? Смотрите, у меня есть: весь Тит Ливий, Рим Цицерона, Письма Цицерона, весь Цезарь, Овидий, Вергилий, Гораций, Корнелий Непот, Тацит, Софокл, Одиссея. Когда все это выучить? Притом я боюсь, чтобы от занятий не потерять дара писать стихи, который у меня так развился от лени, что если бы я долее ленился, я верно бы начал импровизировать. Я нашел, что ничто так не развивает философии и поэзии, как лень. Оттого у греков и римлян было так много философов и поэтов, притом отличных. Оттого Гораций, величайший ленивец, есть вместе и величайший поэт после Гомера, который был еще ленивее. Оттого перипатетики — великие философы: они прогуливались, то есть гуляли и ничего не делали. Оттого ни один великий ученый не есть вместе и великий поэт. Но я, знаете, что сделаю? Я буду летом лениться и писать стихи, — этот дар может возвращаться при лени, — зимою же я буду ученый... Летом и больше вдохновения — леса, горы, трава, цветы, вода и проч. Тогда вы будете очень благодарны мне: я буду, вероятно, писать к вам уже маленькие письма, а не длинные, которые, верно успели сильно наскучить. Извините, ради Бога, за них; скажите, кому же мне писать? Кому передавать мои мысли и чувства? А мои письма потому и скучны, что я в них толкую только об одном себе, как будто я великая цаца, как говорит дядюшка.

Я перестал писать дневник, т.е. я пишу его стихами. А что можно сказать в стихах? Многое, но не то, что в прозе. Вместо дневника — письма к вам. Вы так снисходительны, так добры, что их читаете и, может быть, утешаетесь ими; но если вы прикажете, я буду писать, о чем вам угодно. Когда пишу, у меня рождается всегда туча мыслей, тогда как без пера в руке горизонт ума чист

и ясен. У меня нет недостатка в словах. Пишу — слова льются; я смотрю, можно ли так их связать, — можно, вот я и поймал мысль за хвостик. Когда пишу, я мыслю; когда мыслю, то философствую и т.д. Итак, извините меня за письма; я зато в них искренен совершенно. Да и вообще теперь, во время царствования лени, я пристрастился к длинным письмам и тем длиннее, чем более я могу быть откровенным. Дела у меня мало, что же остается? Не писать же романы? Я не умею еще. Гораздо удобнее писать письма, которых я не умею писать.

Но не забывайте о нужном. Осип Семенович здоров, но... не знаю, скоро ли выедет из Петербурга в Кострому. Постараюсь достать книжку и... трубок. Я познакомился с стеклянным заводом и надеюсь легко достать. Шатобриана не достал, а читаю *Les confessions de Jean Rousseau*³⁰ — книга безнравственная, но превосходно написана. Впрочем, не опасайтесь. Я не могу увлечься такими грубыми софизмами и навсегда останусь преданным вам учеником.

Н.Страхов
14 ноября 1845 г.

Дорогой Николай!

... Я получил ваших два больших письма, которые с большим удовольствием прочел. На первое послал свой ответ в конверте Ольшевского, так как не знал вашего адреса. Вот почему я удивляюсь вашему сомнению насчет получения мной первого письма...

Большое спасибо за ваши письма, я их часто прочитывал и всегда с одинаковым удовольствием. В них отразился весь ваш характер, все ваши чувства и процесс развития вашего ума. Я радуюсь всем вашим намерениям и плану ваших занятий. Один Бог помогает вам в ваших делах; надо быть Ему благодарным и возлагать на Него всю надежду на то, чтобы сделаться человеком умным и ученым. В продолжение этого года вы будете терпеть много невзгод, а в следующем будете иметь все, что захотите для усовершенствования вашего таланта. Это теперь вы нуждаетесь в помощи. Я ищу случая помочь вам, но не нахожу его. Что делать! Надо просить Бога, который один все может и все сделает для вас.

Поздравляю вас от души с формою; дай Бог украсить ее впоследствии многими орденами. Теперь твое благородие вышел уже на поприще человека, готовящегося на пользу и к службе Государю и отечеству. Да благословит тебя Бог!

Я все боюсь знакомств и особенно тех, что кровь кипит при воспоминании. Многих они погубили в цвете юношества и наиболее тех, которые думали, что имеют столько твердости и разума, что победят себя или одержат победу над страстями, но они ошиблись. Единственное средство — уходить от них. *Neu! fuge terras crudeles et limina cruenta*³¹, говорит Вергилий. По крайней мере, пока не окончишь университета, берегись, по возможности, таких знакомств, если желаешь окончить образование со славой и пользою.

Я утешаюсь, что тебя полюбит профессор Куторга. Надо иметь *nillo fiduciam*³², его слушать, часто у него бывать и советоваться с ним. Он заявит всем учителям в совете о твоих способностях,

³⁰ «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо

³¹ Искаж.: *Neu! fuge crudeles terras, fuge littus avarum* — = О! бегите жестоких земель, бегите жадных берегов (Вергилий, Энеида)

³² никакой уверенности в себе

³³ не только писать, не только читать, но всё это чередовать

³⁴ Искаж.: *Sapientia enim huius mundi, stultitia est apud Deum* = Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом (1 Кор. 3: 19)

прилежании и хорошем поведении. Надобно написать стихи для напечатания в периодическом издании, прочесть их ему и просить совета, можно ли отдать их в цензуру. Вот что ему будет приятно. Впрочем, ты можешь знать лучше, как привлечь сердце начальства, тебя учит самая жизнь.

О плане наук не нужно думать. Над ним думали всякие люди, он представлен в правилах для университета; достаточно исполнять их, чтобы быть ученым.

Книги неотменно нужны. Не было человека, который бы все умел и во всем был совершен. Они читали книги и чрез это узнали, что в какой содержится, а в случае нужды прибегали к авторам, которых держали в шкафах. Поэтому старайся понемногу заводить собственную библиотеку.

Что замерзли ящики преосвященного и ваши книги — виноваты наиболее Доцилевский и Любимов: первый не приготовил ящиков для отсылки, а второй плохо искал лодку. Пропустили два случая, вот почему и затеряли. Боюсь. Что в перевозке расшибут барометр. В ящик с ним я положил и карту Европы, а другие карты с книгами...

Что касается поэзии, то оставлять ее не следует, ибо она доставляет прозе способ выражать отлично мысли. Non semper scribere, non semper legere, sed invicem hoc ipso commutare³³, сказал один автор, особливо в монастыре. Да, в монастыре скучно, но монастыри были жилищем наук. Придет время, когда скажешь: счастлив я был в монастыре. Мир как волнующееся море, а монастырь безопасное прибежище от грозных волнений.

Я пишу и не знаю, поймешь ли мои мысли, потому что они не по-русски выражены. Извини, пишу, как умею. Я просил Осипа Семеновича дать тебе денег на трубки и на книгу... Если он дал и книга и трубки куплены, то каким способом их отослать в Кострому? Зимой случаев нет. Поэтому, если не куплены, то и не покупай...

... Мое здоровье плохое. Указа на перевод меня в Саратов до сих пор губернатор не получал. Видно и не будет; видно подумали: не стоит перевода закаменелый старый дурак. Богу благодарение Sapientia huius mundi stultitia apud Dominum³⁴.

*Ваш друг и слуга Иоанн Скивский.
14 декабря 1845 г.*

20

Н.Н. Страхов — о. Иоанну (Скивскому)

Любезнейший и почтеннейший отец Иоанн!

Пишу к вам в страшной горести: я, наконец понял, отчего я сделался так ленив, — оттого, что со мной нет вас. О! если бы вы были тут, со мною, увидели бы вы, как я был бы прилежен! Привыкнув быть всегда под руководством и оставшись вдруг на воле, я не знаю, что делать, не знаю, как и с чего начать. Да и кто будет поощрять и поддерживать меня на пути моем? К кому приду я прочитать свой урок? Мечта о славе! Блестящая мечта! Я начинаю забывать тебя. Хорошо ли это, худо ли? Худо, очень худо. Для окрыления моей мысли я решусь на детский поступок и скажу вам если успею. Как бы я обрадовался, если бы был здоров телом и душою! Если бы у меня не было золотухи и ум был свеж, как ветер летнего утра! Боже мой, Боже мой! Я готов впасть в отчаяние от сознания собственного ничтожества. Я хочу наслаждаться, да, я хочу наслаждаться всем, что есть лучшего в мире — тревогою души и тела. Но душа моя неподвижна и нема, как надмогильный камень, тело мое болезненно и имеет недостатки. Я не имею обоняния, и целый мир цветов закрыт для меня. Роза имеет для меня одинаковый запах как гнилая по-

дошва. Далее, у меня нет и хорошего вкуса, всегда зависящего от обоняния; я не могу быть гастрономом и ем с одинаковым удовольствием красную смородину и репу. У меня нет даже слуха, нет уха, способного наслаждаться музыкою. У меня есть одно зрение, но зрение, неспособное наслаждаться. Зрение без эстетического образования, которого у меня не будет никогда. А между тем я жаден к наслаждениям, готов объесться яблоками или смородиной, готов плакать от дрянной музыки, готов... я больше ничего не скажу. Мои способности! У меня нет капли творчества, нет быстроты и живости. Пустою и туманною представляется мне перспектива будущей жизни. Неужели я буду чиновником или учителем гимназии? Неправда ли, что лучше всего наслаждаться студенческою жизнью и попробовать, между прочим, не выжмется ли из меня чего-нибудь хорошего? Нужны только деньги; но где мне достать вас, деньги? Я достану! И жизнь моя, покамест, будет легка и приятна, но никогда не будет забрызгана грязью.

Я возвращаюсь к своей одинокой жизни. Этому много способствовало то, что Нафанаил узнал о моих поздних отлучках. Потому он приказал: «Если он придет после 10 часов, запирайте ворота и не пускать его». Этого приказания я не боюсь, но боюсь, что он на меня рассердится и, пожалуй, совсем не станет пускать меня. Бог с ним! Не знаю только, зачем он сердится на то, что можно бы оставить без внимания и на что даже грех сердиться. Недавно я попросил у него перчаток, он рассердился и разбил. Не угодно ли вам его изречение: «Тебе далеко ходить? Ничего, от этого не умрешь». Если я стану в чем-нибудь оправдываться, он скажет: «Поэтому я не знаю, чего от тебя требовать». Помните стихи:

«Поэтому я лгу»? Да слыхана ли такая дерзость в свете? Басня — «Волк и ягненок». Но более всего мне нравится его изречение: «Если я тебя много браню, так это за поступки, которых я не знаю». Славное правило! Я всегда вспоминаю его, когда иду к дядюшке. Вероятно, он сам ошибается, налагая на себя тяжелую обязанность браниться. Софизмы происходят от увлечения. При всем том, что я считаю это вероятным, — его брани и привязчивость могут показаться странным ожесточением. Особенно, когда послушать, что он говорит о сиротстве и своих отношениях к нам. Ни капли любви! Ужас!... Но поверьте, отец Иоанн, я не верю даже всем признакам эгоизма. Боже мой, Боже мой! Неужели вам не жалко меня. Я ищу любви, я жажду любви, а ее нет и нет!... О, если бы вы были подле меня! Как часто я долго не засыпаю, утомленный суетою, и думаю, и грущу... Напрасно! Ангел не прилетает, некому успокоить меня... Я один..., один в целом Петербурге! И что если я буду вечно один? Душа рвется на части, как капля воды на раскаленном железе. Теперь я молод как распуколка³⁵ розана, невинен как теленок, жив как ртуть, беспечен, как стрекоза, я забываю свое горе, перестаю жаждать и гореть, засыпаю, просыпаюсь медленно, пью чай с сухарями... Но после, когда все это пройдет, как все проходит? Тридцать... сорок... лет... карты... честолюбие... сорок пять... деньги... Аллах, аллах! Кто спасет меня? Кто?... Никто!... Суета сует, все суета! Что пользы человеку во всем труде его, которым трудится под солнцем? Что найдет он на земле лучше вина и красавиц? — Люди — или бывают ничтожны, или бывают злы, а природа бесчувственна, хоть и прекрасна. На что же человеку сберегать в груди своей пламень, разжигающий душу, как трубку табаку? Кому подарит он его?... Я не знаю... А земля стоит вовек!

20 декабря. Вчера я, кажется, был немного расстроен, а все потому, что читал философию моего дядюшки Карпова. К счастью меня разбудили сегодня рано, и притом день прекрасный после вчерашней мятели. Я доволен и спокоен.

³⁵ Цветочная почка, бутон.

³⁶ Митрополит Антоний (Рафальский) (1789–1848) — епископ Русской православной церкви, в 1843 г. был назначен митрополитом Новгородским, С.-Петербургским, Эстляндским и Финляндским и архимандритом Александро-Невской лавры. В декабре 1845 г. был поражен параличом. Важно отметить, что по его ходатайству в Петербурге был возобновлен Воскресенский Новодевичий монастырь, на кладбище которого похоронен Н.Н. Страхов.

³⁷ Bouchardat — вероятно, Николай Николаевич хотел перевести малоизвестную работу французского химика и гигиениста Аполлинера Бушарда (1806–1886), автора многочисленных брошюр по физике, химии, физиологии, медицине и гигиене, земледелию и пр.

³⁸ Работы Фомы Аквинского

Напишите мне, отец Иоанн, чувствовали ли у вас, в Костроме удар, бывший с митрополитом Антонием³⁶? Вся Петербургская метрополия чувствовала дрожь. Это случилось как-то вечером, часов в восемь. Митрополит, очень полнокровный, пошел с бумагами к своему бюро. Одна бумага выпала; он нагнулся, чтобы поднять ее, и в это время почувствовал удар, отнявший у него всю правую сторону. Потом он начал понемногу поправляться, но сегодня в два часа ему сделалось хуже. Больше я ничего не знаю. В городе давно говорят, что он помер. Не знаю, правда ли это. Наследник принимает большое участие в болезни митрополита; говорят, плакал, когда услышал, что ем у лучше. Преосвященный (Нафанаил) будет, вероятно, опять целые дни просиживать у постели больного. Это — самая важная новость. Кроме того, есть еще новости о министрах, графах, князьях и проч.; которых я слышался, но...

У нас, т.е. в университете начались зимние каникулы вчера — до 12 января. Если преосвященный не пустит меня, так я много сделаю в это время. Университетские занятия мои нисколько не подвигаются вперед. Да и что за беда! Еще успею. Впрочем, я не слишком самонадеян и скоро начну заниматься. Я с одним товарищем вздумал перевести довольно важную книгу *Zoologie de m. Bouchardat*³⁷. Университетский курс естественных наук, особенно проф. Куторги, послужит нам для значительных поправок и добавлений. Выйдет очень хорошенькая книжка для студентов и для посторонних. К лету поспеет.

21 декабря. Стихи, стихи! Да, я об этом подумаю или, лучше сказать, уже думал и теперь попробую. Что Бог даст!

Я получил ваше письмо и потому, в знак благодарности, сделаю мое письмо длиннее прежних, как вы сделали. Прежние письма были в лист, а это в полтора листа. Прежнее ваше письмецо я получил, но совсем забыл, отослал ли к вам свое письмо; вот и разгадка этой загадки.

Странная вещь, непонятная вещь! Книги оттаяли и приплыли сюда водою; кое-что подмочено. Чувствительно благодарю вас за сюрприз — *oeuvres de Thomas*³⁸. Слава, слава. Слава! Когда я пью чай и из чашки подымается пар, я себе представляю тогда тебя! Но в наших книгах есть важный недостаток: нет Библии и молитвенника. Впрочем, не беспокойтесь: здесь можно их достать еще лучше. Барометр не разбился, и я уставлял его, сколько помню, как у вас в Костроме.

Вы несколько раз повторяете мне, что пишете не по-русски и что я, может быть, не пойму. Напротив, я все понимаю и понимаю даже лучше, нежели по-русски. В вашем языке есть какая-то прелесть, какая-то простота и выразительность евангельская. Я несколько раз перечитываю письма — не потому, чтобы не понимал, а потому, что мне приятно еще раз повторить слова ваши и мысли.

Трубки для вас купил уже преосвященный сам; не знаю, хорошо ли я сделал, что сказал вам; может быть, это был сюрприз. Книжку я тоже купил и надеюсь послать при этом письме.

Напишите мне, отец Иоанн, кто теперь у вас учится? или прямее — для кого вы приказали купить книжку? Для меня это очень любопытно.

Кстати, вчера я был на пожаре; большой пожар! У нас, в Петербурге, было несколько пожаров, до пяти, и все один за другим. Их тушит здешняя полиция превосходно. Еще ни один дом не сгорел совершенно. Вчера вечером я шел по Литейной улице и мне нужно было перейти через Невский проспект, гляжу — пожар и недалеко. Горел дом княгини Белосельской, у самой Фонтанки. Я бросился туда и перешел на другую сторону Невского, против самого дома. Вижу, пламя сверкает сквозь огромное окно, сверху валит густой дым, пожарные карабкаются по двум высоким лестницам и заливают огонь, отстаивая соседний дом. Народу тьма; крик пожарных, стук повозок, спасающих имущество, огонь, дым, ропот зевак — все это перемешалось... Я вернулся в шинель и бросился бежать; часа через полтора я пришел домой и лег спать. На другой день, утром, я пошел к товарищу, у которого все было приготовлено для анатомирования кролика. Мы зарезали его, сняли кожу, рассмотрели кишки и другие внутренности и стали срезывать мускулы; завтра, я думаю, мы кончим его совсем. Выйдет славный скелет. У этого же товарища есть микроскоп, увеличивающий в несколько раз больше того, который вы мне показывали. Все это очень занимательно и при-

ятно видеть.

Сегодня я получил новые строжайшие приказания от дядюшки и, верно, принужден буду сидеть дома. Тем лучше. Я люблю наслаждаться тем, что есть, но согласитесь, что это не всегда можно сделать. Но теперь, кажется, можно. Стану сочинять стихи и переводить *Zoologie de m. Bouchardat*.

Вы давно уже знаете, отец Иоанн, что человек никогда не бывает удовлетворен тем, что он имеет. Уединение прелестно, я с вами согласен, но разве человек — пустынный философ всегда бывает доволен уединением? Теперь ко мне опять воротилось представление всей прелести труда и занятий. Но как это представление несогласно с действительностью! Оно основано на воспоминании прежде испытанного удовольствия:

Но мы под прошлого туманом
То видим только, что блестит,

как сказал я уже очень давно. Действительно, бывают минуты светлые, прекрасные, как крылья бабочки, — те минуты, когда вы, потрудившись умственно и телесно, медленно пьете кофе и еще медленнее пускаете дым из трубки. Кроме сознания труда и отдыха (сознания усладительного), перед вами проносится в светлых и туманных очерках вся жизнь ваша, и вы говорите, как древний мудрец: «Только одну заслугу я себе приписываю, что я никого не сделал несчастным», — забывая, как много вы сделали счастливых. Бывают такие минуты и у меня; только у меня, вместо воспоминаний, надежда на будущее. И можно предаться уединенной жизни всею душою и сердцем: так и было в Костроме со мною. Теперь не то. Много прелестей и в жизни разнообразной, пылкой, живой, кипящей, бешеной. И для кого эта жизнь более увлекательна, чем для меня? Воспоминания этой жизни так живы, что я не могу писать к вам. Голова кружится, я невольно вскакиваю со стула, чтобы взглянуться в образы, летающие вокруг меня... Но, поверьте мне, никто так живо и не чувствует опасности такой жизни, как я. Я решил и решение мое твердо — заниматься самым приятным образом. Это я надеюсь сделать с помощью терпения и труда, в которых у меня нет недостатка, как вы уже заметили. Скажу вам откровенно, что меня часто пугает необозримость науки. Можно ли все знать? А я хочу все знать. Мне кажется, что это возможно. Примеры — Гумбольдт барон, барон Брамбеус³⁹ и г. Куторга. Они многое знают и знают очень основательно. Мне хотелось бы быть чем-то вроде Брамбеуса, Кукольника⁴⁰ и Куторги вместе. Постараюсь! Кто знает, может быть, быть таким, как они, легко.

Сейчас же как кончу письмо к вам, займусь сочинением поэмы «Арап», которую думая поднести преосвященному на праздник, а потом напечатать. Я очень рад, что преосвященный рассердился на меня перед самым праздником; в первый день он простит меня. Потом я займусь переводом и пойду в баню. После бани напьюсь чаю и лягу спать. Завтра утром отдам письмо на почту и пойду анатомировать кролика. Потом все пойдет прекрасно...

Что я буду делать праздниками? Неужели преосвященный заставит нас сидеть часто у себя. Пресмешная история? Представьте себе комнату, довольно хорошо меблированную и украшенную. В этой комнате на среднем диване и около сидят дядюшка, Федя⁴¹ (это бывает по праздникам) еще человека 2–3. Против этого дивана сидим мы двое и смотрим на дядюшку. Дядюшка говорит и говорит — все о себе.

³⁹ Барон Брамбеус — псевдоним Осипа Ивановича Сенковского (1800–1858), служившего в 1822–1847 гг. ординарным профессором Санкт-Петербургского университета по кафедре арабской и турецкой словесности. Опубликовал несколько исследований по истории, филологии и этнографии мусульманского Востока, выпустил ряд переводов из арабской классической литературы и стал фактическим основателем школы русской ориенталистики. При приеме на должность переводчика в Иностранной коллегии в Петербурге Сенковского экзаменовал знаменитый ориенталист академик Х.Д. Френ и написал в официальном заключении, что познания экзаменуемого в арабском языке превосходят познания экзаменующего. О.И. Сенковский основал первый русский многотиражный журнал «Библиотека для чтения», в котором Н.Н. Страхов опубликовал ряд статей в 1863–1865 гг.

Другие молчат, едят яблоки и груши и иногда прерывают речь похвалой им... Дядюшка говорит прекрасно, славно говорит; когда вовсе не о чем говорить, он и тогда говорит, но слушать его так часто, как мы слушаем, — просто мука. Что если на рождество пойдут такие веселые вечера? Я буду плакать, только не от радости. Мне хотелось бы об рождестве побывать на вечерах, на балах. Ничто так не облагораживает человека, как обхождение с дамами: это аксиома.

Меня восхищает надежда на лето. Я буду собирать животных, насекомых, цветы и проч. Часто буду гулять по дачам знакомых... Знаете ли, что никто так пламенно не желает архиепископства преосвященному, как я. Тогда он будет принужден оставить меня одного и высылать мне деньги. Через год, через полтора... О, как долго! Впрочем, время быстро летит...

Мне еще три с половиной года быть студентом. О, как я рад! А потом за границу... тсс... какая дерзость! Действительно, мне хотелось бы ходить с тросточкой по Парижу и Лондону. Но еще более мне хотелось бы перенестись хоть на год в древние времена, в Вавилон, в Рим, в Афины. Всего долее мне хотелось бы пожить в Вавилоне, роскошном, волшебном — Вавилоне!...

Сознаюсь, отец Иоанн, сознаюсь, что этот листок и лишний и незанимательный, но что же делать! Я хотел сдержать слово и пишу после обеда, когда у меня голова притом болит.

Прощайте, желаю вам доброго здоровья, которого одного у вас недостает. Я — совершенно здоров. После Нового года пришлю вам другое письмо, которое буду писать всю неделю вроде дневника. Желал бы исправиться к Новому году.

Прощайте, будьте здоровы и спокойны, как ваш ученик

*Н. Страхов.
1845, декабрь.*

21

О. Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову

Дорогой друг!

Поздравляя вас с Новым годом, желаю вам всякого благополучия, а в особенности хорошего здоровья и большого успеха в науках; Желаю вам получить степень кандидата философии.

Господин Свенцицкий уехал в Витебск, где останется до конца месяца. Между тем на его имя из Петербурга получена посылка. Я угадываю, что это от вас, и весьма жалею, что мне придется ждать вашего письма четыре недели. Вот почему я отвечу вам только в феврале.

Я думаю, что ящики преосвященного и ваши книги уже получены, но меня интересует, в целости ли получен барометр и книги ваши все ли по описи? Вот что я хотел бы знать, да еще — пешком ли до сих пор ходишь в университет, что очень не удобно, а особенно в холодное время.

Еще 17 декабря приехал новый настоятель нашего монастыря, архимандрит Агафангел, очень хороший человек и ко мне очень ласков. Он желает возобновить в богослужении порядок, заведенный его предшественником Нафанаилом. Вчера изобильно угощал преосвященного и губернатора и вместе учителей семинарии, позван был и я. После всего потчевал монастырскую братию и тем окончил праздник.

⁴⁰ Кукольник — очевидно, Василий Григорьевич Кукольник (1765–1821), выдающийся российский учёный и педагог, отец знаменитого поэта Нестора Кукольника. Два других его сына, Платон и Павел Васильевичи, тоже были видными педагогами, чиновниками и общественными деятелями. Старший Кукольник весьма продуктивно занимался многими науками — физикой, химией, юриспруденцией, экономикой, написал учебник по агрономии; был профессором Петербургского университета и дважды исполнял обязанности директора Главного педагогического института.

⁴¹ Сын Нафанаила, служивший потом в военной службе.

Мое здоровье плохо, но что делать: может быть, я начал последний год жизни *Fiat voluntas Domini*⁴²! Указа на выезд мой в Саратов губернатор до сих пор не получил. Я думаю, что и не будет. Может быть, скорее получу указ с неба, чтобы дать отчет Царю Небесному о моей жизни. Этим кончится все. Однако же, пока жив, буду любить тебя непрестанно, да и по смерти, если буду пред Богом, стану молиться, чтобы ты был счастлив и долголетен на земле. Чего от всего сердца желает ваш друг

Иоанн Скивский.
8 января 1846.

Heu! fuge crudeles terras,
fuge littus avarum.
Virg.

Мой дорогой отец Иоанн!

Вместе с вами повторяю этот стих Вергилия, но уже поздно. Я не избежал гнева преосвященного. И в наказание мне я должен сам известить вас об этом. Из прежних писем моих, где я откровенно рассказывал вам о себе, вы можете узнать, за что постиг меня этот гнев и увидеть его справедливость. Очень больно для меня извещать вас об этом, но, может быть, вас утешит мое обещание вести себя впредь как можно лучше — так, что через месяц или два преосвященный, как теперь, прикажет мне написать вам, что он очень доволен мною. Это обещание мое так искренно, что я сегодня же начну переводить Тацита и завтра прослушаю лишнюю лекцию в университете. Жалко что в моем Таците вырвано почти все *de moribus Germaniae* и что, по отдаленности ходьбы я пропустил много лекций арабского языка, как я вам о том уже писал. На праздниках, сидя постоянно дома, я перевел несколько од Горация и несколько мест *Aeneidis* Вергилия, но главным образом я с Оранским, посещавшим меня, занимались переводом *De arte poetica*. Тот перевод, который я сделал под вашим руководством, послужил мне и теперь, хотя я очень мало помнил его. Да будут благословенны классики! Несмотря на мертвый язык и на мое плохое знание его, многие места и выражения кажутся мне прекрасными, например, *Aen. Virg. III. Lib*⁴³.

v. 3... *A omnis humo fumat Neptunia Troia*⁴⁴.

v. 37... *Aggredior, genibusque adversae obluor arenae*⁴⁵.

v. 47. *Obstipui steteruntque comae et vox faucibus haesit*⁴⁶.

И многие другие. *De arte poetica* мы перевели половину, а другую будем оканчивать по воскресеньям, когда Оранскому можно приходить ко мне. Оранский по-прежнему. Изящные люди не образуются, а рождаются, как и поэты.

Недавно я, хотя и не поэт, начал поэму, настоящую байроновскую, именно — «Арап». Мысль мне самому очень нравится, исполнение полуудачное. Впрочем. В некоторых местах стихи гладки, так, даже, что приятель мой не заметил в них никакого размера, так они подходят к прозе естественностью. Сти-

⁴² Пусть исполнится воля Бога

⁴³ Энеида. Книга III.
Дано в переводе с лат.
С. А. Ошерова под ред.
Ф. А. Петровского.

⁴⁴ ... простерлась, дымясь,
Нептунова гордая Троя

⁴⁵ Твердо коленом в песок
упершись

⁴⁶ Волосы дыбом встают,
пресекается голос в гортани

⁴⁷ Последнее письмо
Николая Николаевича
помечено 11-м января.

⁴⁸ Преувеличенные сведения
о поведении Николая
Николаевича сообщены
были отцу Иоанну братом
Петром.

хи для меня и легки, и тяжелы. Легки. Когда я пишу произвольно, не стесняясь мыслью, т.е. здоровым смыслом, — тяжелы, когда я держусь какой-нибудь стези, например, если я рассказываю правду или передаю заранее задуманное. Впрочем, первые стихи бывают часто лучше последних.

Мои занятия пришли в страшный беспорядок. Нет ничего скучнее, как заниматься одному, особенно языками. Язык есть такая вещь, которую нужно говорить, потому что язык — язык. Кому же я буду говорить один? Кому поправить, указать правило? Впрочем, нужно привыкать — заниматься одному, хотя я все еще изучаю начатки. Говорят, что книги нужно читать с пером в руках. Попробую. Но что записывать? Краткий ли очерк прочитанного или отдельные мысли, или критику на писателя, согласие или противоречие его мыслям? Или все это вместе? Много труда и у меня нет книг стоящих его. Где же их найти? Более всего в ходу журналы; но разве журнальная статья стоит изучения? Тут я должен, без сомнения, руководиться авторитетом, как и везде. Потому-то я взял теперь в руки классиков, которые давно уже признаны сливками мудрости.

Хочу научиться по-гречески, чтобы переводить Гомера. Стану заниматься по-немецки и итальянски. Итальянский язык будет очень легок при знании французского и латинского. Другие науки пойдут своим порядком. В эти полгода я думаю многое сделать. Хочу = могу = сделано. Впрочем. Это у других, а не у меня. У меня очень живое воображение, но мало воли. Одно не совсем заменяется другим. Но что я стану делать зимою один? Наука есть единственное наслаждение не запрещенное, не предосудительное и бесконечно разнообразное. Я жду лета; но если иногда меня утомляет одиночество зимнего дня, как будет томить летнее! А я иногда готов разбить голову об стену для разнообразия. Вы скажете — лень! А я скажу — жажда труда и жизни! Я повеселею, когда стану ходить в университет. Завтра начнутся лекции. Боже, благослови на труд! О, зачем я не в Костроме и не с вами!

Если ваше здоровье сколько-нибудь пошатнулось (Боже сохрани!), то желаю вам полного выздоровления и совершенного здоровья.

*Остаюсь вечно вам преданный ученик ваш Н. Страхов.
11 февраля 1846 г.*

23

О. Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову

Дорогой Николай!

Как болезни тела передаются через прикосновение, так точно и болезни души. Сколько уже раз я вам повторял это изречение одного из древних мудрецов, и вы обещали мне запечатлеть это в своем сердце, но вот как скоро вы это забыли.

Ваше письмо от 13 января⁴⁷ ... Я получил с величайшим удовольствием; но когда я его прочел, я расплакался и в продолжение двух дней не был в состоянии говорить с кем бы то ни было ... Мой милый! Большая надежда, что вы окажете помощь матери и всей семье вашей, теряется, тот, которого я так сильно люблю, за которого я ежедневно прошу Бога, делается нехорошим человеком. Это гениальный человек по части поэзии и других наук хочет погубить свою будущую славу в пьянстве и распутстве⁴⁸. Пусть Бог милует. В моем удрученном состоянии духа я начал, по-обыкновению, просить о Божьей помощи, которая зародила в душе моей искорку надежды, укрепившей мои силы и давшей мне возможность написать вам. Если бы вы были в академии (духовной), как Оранский, вы не имели бы возможности испортиться. Но я думаю что ваше обещание твердое. Вы уже испытали, как результаты дурных поступков невыносимы для благовоспитанного человека, носящего в своем сердце твердое начало религии и нравственности. Опыт — лучший учитель, но суровый. Сколько гениальных людей погибли от невоздержно-

сти в молодые годы. Почему я вам и повторяю: не доверяйте самому себе. При настоящем положении вы более подвержены опасностям чем в детстве... Как жаль, что я не с вами! Но ведь вы имеете там епископа. Надо просить у него прощения и в будущем слушаться его советов...

Поверьте мне, мой милый, вы будете или отличный человек и ученый, или очень нехороший... Если вы не потрясены этим предсказанием, вы уже наполовину испорчены. Извините, милейший, что я осмеливаюсь писать вам эту правду. Я не перестану молить Бога, чтобы вы были отличным человеком.

Я удивляюсь, что у вас остается так много времени от университетских занятий на переводы. Я в университете писал сокращенно каждый урок. Дома прочитывал то, что писал, а затем, идя на другой урок того же учителя, снова прочитывал написанное. Уроков не советую пропускать. Учитель целый день читает о том, что думает сказать на лекции; он имеет большую библиотеку, читает то, что не всякому читать можно, — при том же, с чем пойдешь на экзамен? Кроме того, профессора не любят, если кто не бывает на уроках.

Писать поэму для тебя еще рано. Пиши отрывки и переводы, а также стихи и отдавай печатать в периодических изданиях. Потом напишешь комедию, драму, а, напоследок, и поэму.

Книги читать, в самом деле, полезно с пером в руках, а по крайней мере с карандашом, чтобы заметить лучшие места, дабы, в случае надобности, можно было найти их скоро, не читая вновь целой книги.

Мне кажется, все силы нужно употребить на то, чтобы верно понять и изучить преподаваемое в университете: там вся мудрость — кратко и ясно. Профессора любят, если ученики задают им свои вопросы по поводу материала, прочитанного на лекции, или когда просят разъяснить что-либо более подробно, так как это служит доказательством прилежания. Делай вопросы профессорам.

Переводы и стихи можно оставить для свободного времени.

Пишешь, что вежливые люди рождаются, а я думаю, что воспитание сильно действует на характер человека и если молодой (человек) захочет, то может сделаться добросердечным и вежливым, по польской пословице: «Можно сделать себя козлом или бараном». Если ты можешь, сделай из Оранского вежливого человека; он все сделает для тебя, так как любит тебя чрезвычайно...

Свенцицкий еще не возвратился с дороги, и посылка лежит на почте с письмом.

Прощай, мой друг; будь уверен, что я живу только твоей любовью. Советую тебе не слушаться более советов твоего искусителя (товарища). Можете ему сказать, что вы прибыли сюда для того, чтобы учиться, а не гулять и напрасно терять драгоценное время молодости, что вы имеете дорогую мать, которой должны помочь в ее нужде и что потому вам надо работать.

Будьте здоровы и любите вашего искреннего друга.

Иоанн Сквивский.

1 февраля 1846 г.

P.S. Сегодня погребение тела покойного архиерея Виталия. Прочитай молитву Господню за его душу.

Он умер от водянки.

Дорогой друг!

Свенцицкий, наконец, возвратился из своего путешествия и привез мне ваше письмо и книгу. Какая радость для меня! Я читаю и перечитываю ваше письмо⁴⁹. Мое расположение к вам все растет. Я расчувствовался до слез, так как я убедился, что вы были печальны, когда писали это пись-

⁴⁹ Письма не нашлось.

мо. Вы слишком много придаете значения ничтожным обстоятельствам и потому печалитесь. Но я вас не утешу, мой милый: это лишь начало несчастий, которые каждый человек должен испытать в своей жизни. Это верно, что свет имеет свои прелести, но они всегда перемешаны с горестями. Чем вы будете старше, тем более испытаете неприятностей. Это — удел человеческой жизни. Польский поэт верно сказал: «Трижды счастлива молодежь, которая живет под заботливой опекой, — это возраст во всех отношениях благословенный». Вы хотите быть свободным во всем: через три года и будете. Но горе вам, если вы не победите ваши страсти в это время!.. Вы должны хорошо запечатлеть в вашем сердце ту великую истину, которой никто не оспаривал, что «от скромной молодости зависит долгая жизнь и здоровая старость». Я знаю, что вы подумаете: «Ворчливый старик, хвалит прошлое, а настоящее порицает и всегда беспокоит меня своими изречениями». Но поверь мне, мой милый, я говорю об этих вещах по опыту. Всякий человек, который говорил мне правду, был мною почитаем за врага. Я очень хотел быть свободным, а когда достиг этого, пожалел о молодости. Не весте, чего просите. Дорогой друг! Вы умный человек, вы прекрасно судите о всех вещах, скажите же мне, пожалуйста, почему ваш дядя, епископ, не позволяет вам идти туда, куда ведут вас ваши страсти? Неужели он делает это для того, чтобы огорчить вас? Боже упаси! Возможно ли, чтобы такой добрый человек, как епископ, находил удовольствие в том, чтобы обижать кого-нибудь, а тем более своего родственника, которого он чрезвычайно любит... Поэтому согласитесь, что только сильная любовь к вам побуждает его следить за вашим образом жизни, которой грозят опасности.

Твое благородие говорит, что тебя никто не любит. Как! я первый (люблю) равно, как свою душу. Если бы кто доказал, что твое счастье начнется после моей смерти, я бы немедленно охотно умер, чтобы ты был счастлив. Ты в моей мысли ангел, и я уверен, что все тебя любят и будут любить, пока ты будешь таким невинным, как в Костроме.

За такое длинное письмо покорнейше благодарю. Из него я удостоверился, как развились твои таланты; в нем поэзия ощущается везде, «как шило в мешке». Твое благородие — *natura poeta*. Таланта этого не оставляй, он тебя прославит... Впредь не пиши так много; мне жаль твоих трудов и времени, которое для тебя драгоценно.

Благодарю Бога за твое здоровье и молюсь, чтобы оно всегда тебе служило.

Благодарю за устройство барометра и радуюсь, что он не испортился в дороге. Я очень доволен книгою, мне присланною; не знаю только, дал ли Ольшевский деньги и не должен ли я еще.

Что касается моего здоровья, то оно одинаково, как и прежде, и живу я по-прежнему. Обучаю двоих бедных семинаристов.

Присланная мне книжка нужна была для окончившего гимназию и желающего приготовиться в университет. Но он хотел знать все без труда, и когда я сказал ему слова правды, он отвязался от меня. Новый ректор не худой для меня; занимается наукой и читает много книг. Притом же я ничего не требую от монастыря, кроме келии. Я бы и эту оставил, но на высылку меня в Саратов нет указа.

Зима нынешняя холоднее прежних; в моей комнате холодно, хотя и много дров употреблено. Я часто думаю, как неприятно тебе ходить теперь в университет. Необходимо перевестись в педагогический институт: все бы оно лучше — быть на глазах учителей и не ходить так далеко.

Не сердись на меня, если я наскучил тебе своими моральями. Я — как цыган, который, посылая по молоко сына, высек его розгою, и когда его спрашивали соседи, за что он наказывает сына, отвечал: дабы не пролил молока, так как поздно уже наказывать, когда прольет, ибо молоко не возвратится. Пока ты принимаешь мои советы, то я прошу и молю: не соблазняйся, любезнейший, живя между многими соблазнами... Мне тебя очень жаль. Я молюсь, дабы Господь сохранил тебя от искушения.

Да благословит вас Бог и подаст вам всякое благополучие... Я желаю слышать о твоем счастье.

*Иоанн Скивский.
8 февраля 1846 г.*

Почтеннейший отец Иоанн!

In herbis iuvenis, tandem custode remoto,
Gaudet equis canibusque et aprici gramine campi,
Cereus in vitium flecti, monitoribus asper,
Utilium tardus provisor, prodigus aeris,
Sublimis cupidusque et amata relinquere pernix.
Hor⁵⁰.

Гораций, написавший эти стихи, был верный наблюдатель человеческой природы. Ваши предсказания и эти стихи совершенно исполнились надо мною. Но я желаю исправиться, я с ужасом смотрю на то, что уже прошло и надеюсь, что оно никогда не воротится. Порукою в этом может служить то, что я просил прощения у преосвященного и он уже простил меня. Наступает время, когда я приступлю к таинству разрешения грехов, и я, еще прежде этого, хочу перед вами искренно высказать мою виновность и милость ко мне преосвященного.

Начиная с Рождества и почти до самого поста, он не позволял мне никуда ходить, кроме университета, и не допускал к себе. Наконец, уже на масленице, он призвал нас обоих к себе. Первый его вопрос был о письме, которое он приказал мне написать к вам. «Для чего я приказал тебе написать это письмо?» Я отвечал, что на это могло быть две причины: 1) чтобы этим наказать меня и 2) чтобы вы подействовали на меня своими побуждениями к исправлению. Преосвященный ответил мне, что 1) ему вовсе не хочется наказывать меня и 2) что, если бы он надеялся на ваши убеждения, это значило бы, что сам он потерял всю власть надо мною, а такого дурного мнения обо мне он не хотел никому подать. Поэтому у него была иная причина; именно — он надеялся, что если к нему я потерял столько уважения и любви, что не захотел раскаяться и просить у него прощения, то, может быть, в письме к вам, со стороны более чувствительной, я признаюсь в моей вине, покажу хоть какие-нибудь признаки раскаяния. Этого преосвященный ожидал от меня, и я не исполнил его надежды. Потом он начал мало-помалу раскрывать мою вину. Спрашивал и требовал чистосердечных ответов на свои вопросы. Таким образом, он показал мне во всей полноте, как сильно я оскорбил его, и наоборот, как много я должен любить и уважать его. Я вполне увидел, на какой дороге стою я и, каюсь в моих проступках, просил у него прощения. Он был так великодушен и снисходителен ко мне, что без упреков простил меня с условием исправления. Теперь я, как можно, стараюсь заслужить это прощение.

Наконец, пришло ваше письмо. После того, как я, брат и Оранский прочли его, брат мой пошел и показал ваше письмо преосвященному. Преосвященный призвал меня и спросил, почему я так же не сделал? Я сказал — потому, что никогда прежде я не показывал ему ваших писем. Он ответил, что это не причина. Потом сказал, что, может быть, я не хотел показать письма потому, что мне было стыдно упреков, которые вы мне делаете. Признаюсь вам, отец Иоанн, что эта причина побуждала меня не показывать

⁵⁰ Юноша с первым пушком на щеках, избавясь от дядьки, Рад и псам, и коням, и зелени Марсова поля, К злomu податлив, как воск, а добрых советов не слышит, Думать не хочет о пользе своей, тратит деньги без счету, Самоуверен, страстями горит, что разлюбит, то бросит. Квинт Гораций Флакк. Наука поэзии. Перевод с лат. М. Гаспарова. Ст. 161–165.

⁵¹ Камера-клара (камера-кляра, камера-люцида) — прибор, в котором лучи, идущие от какого-нибудь предмета, проходят через призму, попадают в наклонно поставленное зеркало и затем дают отраженное изображение на бумаге.

⁵² Полный курс знаменитого метеоролога Людвига-Фридриха Кемца (Kdmtz) (1801–1867) "Lehrbuch der Meteorologie" (3 т., 1831–1836), переведенный на многие языки, в том числе на французский и русский.

⁵³ Ленц — Эмилий Христианович Ленц (1804–1865) — выдающийся русский физик немецкого происхождения («правило Ленца», «закон Джоуля-Ленца»), профессор и ректор (1863–1865) Императорского Санкт-Петербургского университета.

этого письма Оранскому и брату и, вероятно, беспокоила бы меня, если бы я вздумал представить письмо преосвященному, что однако мне вовсе не приходило на мысль. Преосвященный приказал мне написать все это вам и, кроме того, объяснить вам, почему я лишился денег на извозчика. Сначала, когда еще только вышло определение о выдаче мне денег из казны, преосвященный обещал мне отдать их на извозчика. Но когда он увидел, что я, возвратясь из университета, опять ухожу куда-нибудь, то он заключил, что у меня есть много свободного времени и что я могу не только ходить пешком в университет, но и после этого не устану. Поэтому, видя притом мое дурное поведение и опасаясь, чтобы я не употреблял деньги на что-нибудь худое, он решил употребить их в уплату за мое платье, сшитое по форме. Таким образом, я сам лишил себя облегчения в ходьбе. Впрочем, преосвященный так добр, что, даже и теперь, отделяет часть денег для извозчика.

Вы, может быть, удивляетесь, отец Иоанн, что я так спокойно говорю обо всем этом. Это происходит оттого, что теперь я стою на прямой дороге, твердо решился загладить мои прежние проступки и с Божьей помощью надеюсь исполнить это решение. В продолжение трех лет, в которые я не видал преосвященного, я отвык любить и уважать его так, как любил и уважал прежде, точно так же, как отвык теперь заниматься с таким ревностным прилежанием, с каким занимался в Костроме, при вас. Преосвященный возвратил меня к моему долгу в отношении к нему, и я воротился к моему прилежанию. Без первого не было бы второго. Теперь при взгляде на то, что было, я вижу, что едва ли бы я достиг предположенной цели, если бы преосвященный не поспешил меня исправить. И чем более времени я остаюсь в полном повиновении к нему, тем более возрастает во мне уважение и любовь к нему и презрение к самому себе за оскорбления, нанесенные мною. Тем более я делаюсь прилежным и ревностным в моих занятиях.

В прежних письмах я писал к вам, что преосвященный очень много заботится о доставлении мне нужных книг. Недавно я попросил у него микроскоп, тот самый, который вы поправляли. Он не только дал мне микроскоп, но и camera clara, которая также, кажется, была у вас. Микроскоп необходим мне для изучения органографии и физиологии растения; но он, кажется, недостаточно увеличивает. Фокус его очень далек от стекла, тогда как в других микроскопах при малейшем выдвигании трубки предмет исчезает.

Недавно я захотел посмотреть на инфузорий и развел их в стакане воды; они показались мне величиною в одну линию в длину, или даже еще меньше: овальной формы и как бы с вырезкою на одной стороне. Больше я ничего не мог различить. Удивляюсь, отчего при солнечном свете все предметы видны очень неясно: края их не резко очерчены, радужны и проч. Кроме того, каждый предмет как будто состоит из малейших шариков. При дневном свете предметы ходя довольно ясны, но все же смешаны. Лучшее освещение для моего микроскопа — свет стеаринового огарка. При этом свете я видел даже мелких, червобразных инфузорий, которых не мог заметить днем. Большое достоинство моего микроскопа состоит в том, что предметы резко очерчиваются, тогда как в других они неясны, водянисты, так что прозрачных инфузорий в них нельзя и видеть. Микроскоп, стоящий 60 р. ас., увеличивает вдвое больше, чем мой. Camera clara⁵¹, прекрасного устройства, может мне служить для снятия видов по правилам начертательной геометрии, а также и для рисования.

Кроме микроскопа и камеры кляры, я приобрел еще две книги: стихотворения Шиллера, которые у нас переводят, и Cours complet de Meteorologie par m. Kaemtz⁵². Вы знаете эту книгу на русском. На французском она лучше расположена, дополнена новыми наблюдениями и новыми чертежами. Язык легкий и простой, так что я без большого труда читаю ее. Знаменитый Ленц, наш профессор, избрал эту книгу для руководства в метеорологии. Впрочем, он пополняет ее новыми наблюдениями своими и чужими. Имея такое прекрасное руководство, я мог бы с охотою заниматься в особенности метеорологию, которую любил еще в Костроме. Но у меня нет самых необходимых для этого приборов — термометра, барометра, гидрометра и проч., и притом Ленц⁵³ так много говорил о совершенствах, которые должны иметь эти инструменты и о предосторожностях при наблюдении, что я при каждом наблюдении буду бояться сделать ошибку. Метеорология входит в состав физической географии,

которую у нас Ленц читает очень пространно. Он поместил в нее очень многие науки в известном отношении их к земле, например орографию, геологию, метеорологию и друг.

Шатобриана, которого вы мне советовали читать, я достал одно сочинение: *Essai sur les revolutions anciennes et modernes*⁵⁴. Мне кажется, что слог у него старинный потому что я встречаю слова, которых в новых французских книгах нет. Эта книга написана так тщательно, что малейшие отступления внесены в примечания. Он писал, как классик, который взвешивает каждое слово; оттого главы у него маленькие и вся книга очень раздроблена делениями. Я еще не много прочел его.

Экзамены у нас начнутся с 1 мая, как и всегда, и кончатся в начале июня. Лекции опять начнутся с половины, а может быть и с 20-х чисел августа. Времени будет очень много, и я употреблю его на изучение растений и насекомых. Богатую пищу для этого представляют сады со всех сторон монастыря. Летом ничего не может быть приятнее, как жить в монастыре. Это — дача, самая близкая к городу. Можно будет делать *excursions botaniques* с микроскопом в одной руке и с книгой в другой. Будущее всегда лучше настоящего и даже прошедшего. Мне уже очень наскучила зима и грязь, которою здесь начинается весна.

Будьте здоровы, отец Иоанн. Желая скорее дожидаться теплого времени, к которому вы привыкли. Преданный вам ученик ваш

*Н. Страхов.
Март 1846 г.*

25

Н.Н. Страхов — о. Иоанну (Скивскому)

Дражайший и любезнейший отец Иоанн!

Боже мой! уже 22 марта, а ваше письмо от 8 февраля. Не вините меня в позднем ответе. Вы не поверите, как я был обрадован вашим вторым письмом после первого. Тогда я решился отплатить вам тем же: послать два письма одно за другим. Вы уже читали первое.

Скажите мне ради Бога, отец Иоанн, к чему может повести подобное принуждение совести? Довольно того, что я повинюсь преосвященному, — нет, он заставляет меня еще писать к вам то, чего я почти не чувствую, и мое письмо должно проходить чрез его руки! Знаете ли, для чего все это? Чтобы оправдаться перед вами, потому что я сказал ему (когда он спрашивал меня), что я писал вам об нем с дурной стороны. И разберите хорошенько все эти разговоры мои с ним, подумайте об их цели, и вы увидите, какое множество хитростей, уловок и сплетений употребляет этот умный человек, чтобы отделаться от моих обвинений. Он гордо говорит: «Я ничего не писал к отцу Иоанну», т.е. я не оправдываюсь перед ним. А кто приказал брату написать вам обо мне дурное? Он никогда прежде подобного не писал. А представление письма преосвященному есть ясное доказательство, что он хотел знать следствия приказания. Этого никогда не было. Не знаю, считает ли он нас очень глупыми, или себя очень умным, но только во всех его разговорах так много жестокости, так много оправданий, ложных силлогизмов, он так часто увлекается и потом старается обратить в иную сторону свою речь, что поневоле можно усомниться в его любви.

⁵⁴ *Essai historique, politique et moral sur les révolutions anciennes et modernes, considérées dans leurs rapports avec la Révolution française, 1797* (Опыт исторический, политический и моральный о революциях старых и новых, рассматриваемых в соотношении с Французской революцией).

⁵⁵ Сын Нафанаила.

⁵⁶ Шиховской Иван Осипович (1805–1854), профессор кафедры ботаники Петербургского университета, преподаватель ряда гимназий; устроитель ботанического сада при университете для учебных целей, исследователь флоры Петербургской губернии. Читал курс «Органография растений» на физико-математическом факультете, где и когда учился Н.Н. Страхов.

Но этими-то хитростями и оборотами он старается, и удачно, загладить те невольные слова, которые так резко выказывают состояние его души и притом, в продолжение пяти лет, он так был грозен для нас и приобрел такую власть над нами, что редко случается понять, как тяжела эта неволя, эти упреки в каждом куске хлеба. Однажды я пришел к нему просить перчаток и карандашей. Он отказал, и я на это не жалею; я не имею права требовать. Но он разругал меня за то, что я просил таких ненужных и роскошных вещей!.. Он унижает нас при всех. Это ужасно!.. Однажды перед экзаменом я пришел к нему в прическе a la Russe. Он поворотил меня и сказал: «Рекомендую вам, господа, лавочника!»... А каков его силлогизм касательно денег на извозчика?.. И мало ли еще чего!.. Только он успевает сгладить это, или я по моему рассеянию и слабому вниманию не помню.

Поверьте мне, отец Иоанн, что я несколько не изменился с тех пор, как из Костромы. Скверный товарищ? А позвольте спросить господ обвинителей, что я дурного сделал с ним? Они ничего не знают. Разве это большая вина, что я был у него, брал книги, анатомировал животных, ходил за растениями, ездил кой-куда? Да, правду сказать, сами обвинители не столько знают, как я, сколько в нем дурного и совсем не знают, что есть хорошего? Он привязан ко мне больше, нежели все монастырские, а дурные советы его я не раз отвергал и даже чуть не ссорился за это.

Что касается до моего ужасного преступления против преосвященного, то слишком долго было бы рассказывать обо всем. Скажу только, что преосвященный испугался этого больше, чем следовало, и что я переменял свое упорство на мир, когда он с своей стороны переменял грубость на ласковость и ругательства на некоторое уважение ко мне. Кроме того, я увидел, что он может многое сделать против меня. Теперь он даже чуть ли не боится меня. Пресмешная комедия! Последняя попытка примирения удалась ему. Но это была не первая. Однажды он позвал нас и начал говорить со мною кротко, как будто с Фединькою⁵⁵. Я отвечал очень удовлетворительно. Но... он начинает ругаться, а я начинаю возражать. Это его ужасно рассердило. «Смотри! — сказал он брату, — я убеждал его кротко и тихо, а он еще возражает!»... Тем и кончилось. А сколько, бывало, он старался действовать на меня через брата! Одним словом, для тонкого наблюдателя, каким я себя не считаю, открылось бы очень многое, чего я не замечаю и чего некому заметить. В моем мнении о преосвященном я очень сильно утвержден и я не вижу ни в прошедшем, ни в настоящем того, что бы ему противоречило. Напротив, прошедшее еще больше укрепляет мое мнение или, если угодно, сомнение, потому что источник всех действий дяди скрыт глубоко. Это обстоятельство еще больше, может быть, усиливает самое сомнение... Боже мой! неужели вы думаете, что я сильно обвиняю преосвященного? Совсем нет. Поступки его, которые, в наготе своей, показались бы совсем не родственными, он сам скрывает от себя и от других софизмами; все это делается невольно, по увлечению, по привычке и т.п. Но во всяком случае он не оправдывается этим и часто действует намеренно и соразмерно. Чувствительного слова вы от него никогда не дождетесь; он говорит холодно, силлогизмами, не всегда впрочем правильными. Показать свою привязанность к нам — вредно для нас, как он говорит; а почему? «Этого вы не понимаете». Не правда ли искусно? Можно бы насказать много контра и ничего за. Книги? Но это единственный предмет, который я могу требовать. Слава Богу!

На будущий год я поступлю на казну; это будет большая радость и для меня и для преосвященного. Я уверен, он тогда совсем переменится ко мне.

Еще раз я прочел ваше письмо и еще раз обрадовался. Оно принесло мне много радости, когда я получил его после предпоследнего. Вы увидели, что я не совсем виноват. Я бы тотчас отвечал на него, но задержало то письмо, которое вы, надеюсь, получили. Это письмо ясно показывает вам, что дядюшка хочет оправдаться и, следовательно, боится меня. Поэтому могу вас уверить, что я совсем счастлив; жду лета и начинаю приготовляться к экзамену. Преосвященный не трогает меня, и я живу как бы отдельно от него.

Недавно мне сшили летнюю шинель, и я купил резиновые калоши, так что ходить легко и сухо. Я набрал себе много книг у разных лиц и завалил ими свой стол. Покамест, до экзаменов думаю протвердить орфографию ботаники, которую не мог понять, слушая Шиховского⁵⁶. Потом, летом я думаю заниматься метеорологией. Как-нибудь достану себе инструментов. Ско-

ро, я думаю, у меня будут деньги, и я на стеклянном заводе выберу несколько лучших барометрических и термометрических трубок и пришлю вам. Потом попрошу вас сделать тончайший барометр и термометр и прислать сюда. Давно уже я мечтаю об этом. Каждый день я в определенные часы буду вспоминать об вас — и наблюдать.

Потом я еще думаю в особенности заняться насекомыми. Предмет очень удобный для занятия летом, в саду. Я уже собираю источники. Главный из них: Histoire des insectes par Emil. Blanchard. 1845 an. 2 volumes, avec de planches⁵⁷. Потом еще две статьи «Библиотеки для чтения» — «Пчелы» и «Зодчество насекомых»; далее, прошлогодние зоологические лекции Куторги, где он говорил пространно о насекомых. Они у меня еще сохранились и записаны с неподражаемою подробностью. По части ботаники я займусь садоводством. Руководство — «Садоводство» Линдлея, перевод Шиховского, 1845 г.⁵⁸; надеюсь, что преосвященный мне купит его. Я завладею уголком какого-нибудь сада и разведу в нем что мне угодно; буду делать опыты, наблюдать развитие растений и проч. Кроме того, в часы отдыха буду переводить «Aeneidís» Вергилия и учиться по-немецки. Научусь плавать, биться на кулачки, фехтовать, ездить на лошади, танцевать и рисовать. Не правда ли, что занятия счастливо придуманы? Наблюдать перемены погоды, смотреть на облака и на зарю, ловить насекомых, копаться с растениями — самые летние занятия. Кроме того, есть прекраснейшие новые руководства.

Экзамен думаю держать хорошо — всего четыре предмета и полторы недели приготовления к экзамену из каждого предмета. Правда, я ленился, но я ленился еще больше перед приемным экзаменом и тогда было вдесятеро труднее, тогда в четыре дня я должен был подготовиться из предмета и по нескольким предметам должен был сдать экзамены в один день. Предметы вот какие: 1) физическая география — есть записки, я всегда слушал и хорошо знаю физику; 2) начертательная геометрия — нетрудная наука и есть руководство; 3) тригонометрия — тоже и аналитика — есть руководство; эти науки составляют один предмет; 4) богословие — нечего и говорить. В июне я свободен — до 20 авг. Жду и жду лета. Но экзамен уже близко и тревожит мою мечтательную лень.

Нева еще не разошлась. Главная грязь прошла. Я думаю, вы уже начали работу в своем садике. Дай Бог, чтобы весна благодетельно действовала на вас в отношении здоровья. Здесь теперь много больных гриппом и тифом. Петя побаливает иногда, а я совсем здоров, потому что хожу. Нет худа без добра, нет добра без худа. Я вижу теперь, что если хочу, как следует, заниматься книгами, меня окружающими, то для меня мало времени. Я чувствую, что надо много учиться и не знаю, как все это сделать. Впрочем, лень уступает теперь место занятию, которое иногда наводит на меня тоску. Я один. Как бы мне хотелось быть с вами! Я был тогда счастлив... может быть своим невежеством, или лучше незнанием о своем невежестве...

Но мы под прошлого туманом

То видим только, что блестит...

Вперед! Вперед!.. Как медленно иду я!.. Прощайте, отец Иоанн, будьте здоровы!

Н.Страхов.

22 марта 1846 г.

P.S. Деньги для книги Ольшевский дал мне. Недостатка в наших книгах важного нет. Если Библия у вас, то пусть останется, а иконки хотелось бы воротить: они подарок дяди.

⁵⁷ Histoire des insectes par Emil. Blanchard —

Полное наименование: Emile Blanchard. Histoire naturelle des insectes: leurs moeurs, leurs mÿtamorphoses et leur classification, ou Traitÿ ÿlÿmentaire d'entomologie, 1845, an 2 volumes, avec de planches. Эмиль Бланшар. Естественная история насекомых: их привычки, их метаморфозы и их классификация, или Элементарный трактат энтомологии. В 2 томах, Париж, 1845. Шарль Эмиль Бланшар (1819–1900) — французский зоолог и энтомолог. В 1862 г. Бланшар стал членом секции анатомии и зоологии Французской академии наук, а в 1883 г. — президентом Академии.

⁵⁸ «Линдлей, Джон (1799–1865). Теория садоводства, или Опыт изъяснения главнейших производств садоводства из начал растительной физиологии: Пер. с англ. / Соч. И. Линдлея, философии д-ра, вице-секр. Лондон. о-ва садоводства и проф. ботаники при Ун-те; Изд. с разными доп. и примеч. И. Шиховский; [Предисл. пер.: И. Шиховский]]. — Санкт-Петербург, 1845. — [4], XIV, 418 с. : ил.; 21». — карточка книги Джона Линдли (John Lindley) в Российской государственной библиотеке.

Дорогой Николай!

То, о чем я вам хотел написать, а именно — изображение молодого человека по Горацию, вы сами мне написали. Это меня весьма радует, так как я уверен, что вы хорошо поняли ваше настоящее настроение и, как благоразумный человек, вы убедились, что наклонности молодого человека не всегда хороши. Прости, мой милый, что я тебе всегда пишу о твоих нравственных недостатках. Это мое сердце диктует мне эти слова. Теперь я уверен, что с этого времени никто не будет сердиться на вас, и я не напишу вам таких писем, как последние. Вы сами испытали, что такое зло и будете остерегаться его в будущем. Тогда вы постараетесь, чтобы начальство было о вас хорошего мнения, чтобы вы были, таким образом, уверены в том, что вас пошлют за границу для окончания образования. Мне остается об одном еще вас просить, а именно: будьте справедливы и помните ту великую истину, что как болезни телесные передаются через прикосновение, так и болезни души; и когда вы получите от кого-либо из начальников выговор, который вас проймет, вспомните изречение Горация: «luvenis imberbis»⁵⁹... etc.

Я буду молить Бога, чтобы вы во время предстоящего экзамена составили хорошее мнение о ваших профессорах. По окончании экзамена вы мне сделаете большое удовольствие, если уведомите об этом письмом на французском языке.

Я удивляюсь, почему я не положил в сундук Библии; она мне не нужна: печать мелкая и я читать ее не могу, разве в крайней нужде. Я пришлю ее вместе с иконами.

... Я с большим удовольствием дам вам мой барометр, по которому делаю наблюдения пятый год, и термометр, но как их послать? никто не едет на своей повозке, а на перекладных извозчики непременно расшибут. Я очень рад буду случаю, который бы дал мне возможность сделать тебе удовольствие доставлением инструментов. Но для точного наблюдения надобно иметь барометр Deluca или, по крайней мере, Магелляна⁶⁰...

Из писем твоих я не могу заключить, какой твое благородие избрал главный предмет, в котором желаешь быть совершенным, ибо не было человека совершенного во всех науках. Надобно избрать один предмет и в нем совершенствоваться, а прочие изучать, как пособляющие первому, принципиальному. Необходимо знать все предметы, хотя не совершенно.

Я с нетерпением ожидаю последствий майского экзамена и прошу сделать мне удовольствие — написать о нем подробно. А я зато постараюсь снабдить тебя барометром и термометром. Однако же надобно знать, что точное наблюдение будет отнимать много дорогого для тебя времени, ибо каждый раз надобно считать температуру, прибавлять и убавлять миллионные доли. Я твоему благородию серьезно заниматься этим не советую. Можно иметь барометр для любопытства только, а наблюдения оставить на свободное время.

Об «Арабе» твоим ничего не упоминаешь: напечатан он или лежит в тетрадке. Надобно что-нибудь напечатать в журнале, этим приобретешь и себе уважение и утетишь высокопочтенного дядю и нас

⁵⁹ Буквально: «безбородый юноша» — см. прим. к письму 25.

⁶⁰ Во времена Фернана Магеллана (1480–1521) барометра еще не существовало (изобретен в XVII в.); можно предположить, что о. Иоанн имеет в виду известного производителя метеорологических приборов (по аналогии с современными фирмами, многие из которых носят имя Магеллана). Жан Андре Делюк (Jean Andrieu Deluc, 1727–1817) — физик, гидролог и метеоролог, создатель усовершенствованного (сифонного) барометра.

всех, тебя любящих.

Я был болен перед праздником и после праздника немного, а теперь, благодарение Богу, здоров; но я чувствую скорое мое преложение от мира сего. В марте я начал 70-й год моей жизни и не в силах жить 80 лет: fiat voluntas Domini!⁶¹

Хотя читаю теперь хорошо и легко твои письма и с большим удовольствием, однако жалею дорогого твоего времени и трудов; не пиши так много. Я получил два письма сразу — большое спасибо. Я не в состоянии отплатить тем же, так как я стар и не могу так много писать. Я приближаюсь к вечеру и уже не тот, каким был вчера. Тем не менее будьте уверены, что до тех пор, пока жить буду, я не перестану вас любить и быть вашим другом и слугою.

Иоанн Сквивский.

15 апреля 1846 г.

⁶¹ См. прим. 42.

27 О. Иоанн (Сквивский) — Н.Н. Страхову

Дорогой Николай!

Г. Вертоградов представил мне случай отослать вам ваши иконы; я уверен, что вы их получите. Остается еще отослать Библию и барометр, которые пошлю через учеников, едущих в Петербург для поступления в высшие учебные заведения.

Я вам писал через г. Таборовского... Теперь не могу вам больше писать, так как я занят, да и Вертоградов уезжает сейчас.

Иоанн Сквивский.

6 июня 1846 г.

28 Н.Н. Страхов — о. Иоанну (Сквивскому)

Дражайший отец Иоанн!

Это случилось вот каким образом.

В одно прекрасное утро товарищ мой пригласил меня идти вместе с ним в Парголово, деревню, отстоящую от Петербурга верст на двадцать. Я обещал вечером явиться к нему часов в 5, и мы отправились. Надобно еще прибавить к этому, что я не спрашивался у преосвященного, надеясь, что он меня не пустит и что я незаметно ворочусь на другой день, как это иногда случалось. Прогулка наша была довольно весела: мы собрали дорогою травы для изучения петербургской флоры и ловили бабочек, стрекоз и жуков. После различных приключений, более или менее занимательных, приятных и неприятных, мы воротились на другой день домой, но в 10-м часу. Я остался ночевать у товарища. На другой день сходил в университет и воротился домой. О, ужас! Преосвященный все узнал и через кого? через наше-

го повара Николая. Надобно вам сказать, что этот Николай — пьяница и силач с атлетическими формами, физиологического темперамента, как говорит Куторга. Однажды он вздумал распорядиться моим табаком, и когда я запретил ему это, он, пьяный, вздумал говорить мне грубости. Тогда я сказал ему, что если он еще раз возьмет мой табак, то я ему рожу разобью (студенческое выражение). Он замолчал и донес на меня не в том, что я курю (преосвященный давно это знает), но в том, что я не ночевал две ночи и грозил ему. Когда я воротился из путешествия, мне сказали от имени преосвященного, чтобы, пока я здесь живу, я не выходил из его воли и не ходил бы в город без спросу. Из этого исключался университет. Возвращаясь оттуда я зашел к родственникам, Липенским. Тут случилось одно происшествие... и меня просили переночевать. Я — человек добрый и вместе отважный. Я согласился. Преосвященный узнал и об этом. Вот вам рассказ самого дела; теперь нужно изложить его последствия.

После всех этих происшествий я думал, что мне придется просидеть три или четыре недели дома и потом просить прощения, что всего труднее. Я уже приготовил прекрасное расписание, чем заниматься в это время, как вдруг меня зовут к преосвященному. Одеваюсь и иду. Спрашивает, где я ночевал; я рассказываю. «Зачем ты ночевал у Липенских?» — спросил он. Я отвечал, что обещал не говорить, почему я ночевал там. «А! так ты хочешь лучше слушать Авдотью Яковлевну, а не меня? хорошо!» После нескольких вопросов, в продолжение которых преосвященный больше и больше сердился, он сказал: «Позвать Николая!» Призвали Николая. «Ты обидел его, кланяйся ему в ноги!» Это меня раздражило. «Ваше преосвященство! — отвечал я, — он сам меня обидел и должен просить у меня прощения». «Кланяйся ему в ноги, а не то худо будет!» — повторил он. Я молчал и не трогался с места. «Я приказываю тебе!» — кричал он, быстро ходя по комнате. Надобно вам сказать, что это происходило в присутствии служителей. У меня брызнули слезы. «Увольте меня от этого, — сказал я, — я не могу этого сделать». «А! так ты не хочешь делать, что я тебе велю?» «Не хочу», — отвечал я. «Помни же, что ты начал этим. Понимаешь?» Я не понял. «Понимаешь, что ты начал, не слушаясь меня?» «Понимаю», — отвечал я, хотя далеко не понимал. «Ну, так что же ты хочешь от меня?» «Я ничего не хочу от вас». «Что ты хочешь, чтобы я тебе сделал?» Я подумал и отвечал: «Я покорнейше прошу вас, позвольте мне оставить монастырь!» «А! тебе вот чего хочется! Александр! Возьми у него платье. Ты не должен этому противиться», — прибавил он, оборотясь ко мне. Я хладнокровно начал расстегивать свой сюртук. Потом преосвященный отдал следующие приказания: мне никуда не ходить; давать мне хлеб и воду; гонять моих товарищей, если они придут ко мне. Какие мудрые распоряжения! Они скоро исполнялись, потому что исполнителем был Николай, который попал в большую милость у преосвященного, так что мог входить в его кабинет.

Так прошло три недели.

На четвертой неделе случились вещи гораздо невероятнее предыдущих. В одно прекрасное утро преосвященный позвал к себе Петю и чрез него предложил мне написать прошение об увольнении меня из университета с тем, чтобы отправиться в Белгород; если я захочу там поступить (обратно) в семинарию, то он обещает поместить меня на казенный кошт; во всех других случаях он отказывается помогать мне. Сначала я не решался на увольнение из университета, но потом написал прошение, думая выиграть чрез это у Нафанаила и ничего не потерять в университете, куда меня приняли бы снова. Подавая прошение, я просил (просьбы мои всегда были письменные, потому что он не хотел меня видеть), чтобы он позволил мне оставить монастырь. Тогда преосвященный торжественным посольством при двух человек (брата и еще чиновника) предложил мне: 1) ехать в Белгород, чтобы поступить в Харьковский университет и, если я отправлюсь, ждать от него помощи; 2) если я соглашусь на это предложение, он возвращает мне мое платье, отправляет меня на свой счет и скрывает от маменьки мою вину; 3) если я не соглашусь, он возвращает мне столько платья, сколько я заплатил из моей стипендии, и отпускает меня на все четыре стороны. После некоторого колебания я согласился ехать в Белгород, но отвечал, что я потеряю здесь стипендию в 6 руб. с. и в Харькове не буду получать этих денег каждый месяц. Преосвященный отвечал, что там у меня есть дядя Николай Никитич, который брал все на себя, кроме квартиры. Этим кончились перегово-

воры, и я жду теперь только прогонов, чтобы лететь в Белгород, на родину.

Скажите, ради Бога, что вы думаете обо всем этом? Я ровно ничего не думаю и потому прошу вашего мнения. Я теперь занят совсем другим — сладкими мечтами о родине и о счастье. Не правда ли, что я чудесно выиграл у преосвященного то, о чем давно думал? Как бы там ни было, сообразите, какие для меня выгоды: 1) родина, 2) родные, 3) юг, 4) большая свобода, 5) новость, 6) уважение ко мне как столичному жителю. Скажите, неужели все это не стоит этого дрянного, серого, как гранит, Петербурга? Я уже с год думаю оставить его, но не было никакой возможности. Я не пишу к вам, кроме того, о всех мелких неприятностях здешней домашней моей жизни, но они ужасны, потому что падают на меня каждый Божий день. И с каким пренебрежением смотрю я теперь на здешнюю природу, на здешнее лето и здешних людей!

Я в таком восторге от одной мысли — быть в Белгороде, что готов хоть сейчас писать стихи. Но вместо стихов, мне кажется, лучше написать вам ответ на ваше письмо. Однажды, в праздничный день, я ушел купаться. Придя домой, я нашел на столе посылку и письмо, которое было (я потом узнал) от вас. Я раскрыл посылку, за которую очень вам благодарен, и прочел письмо, за которое еще более благодарен. Когда явился Николай, я спросил, откуда то и другое. Он отвечал, что принесли три дамы, из которых одна молоденькая, что они называли себя Калашниковыми. Что это за три дамы, из которых одна молоденькая, спросил я сам себя. Тут я вспомнил, что в Костроме были какие-то Калашниковы. Через несколько дней к нам пришел отец Серафим, который теперь возвращается к вам, в Кострому. Он объяснил мне, что Вертоградов живет у Калашниковых. Несмотря на все эти пояснения, в вашем письме осталась для меня еще одна загадка — г. Таборовский. Я не слыхал об нем здесь и не получил вашего письма. Слышал я о директоре Таборовском, но то было давно, в Каменце, восемь лет назад. Мне жалко потерять ваши письма. Они для меня очень дороги, так что я сшил их в тетрадку, которая не наскучит мне и тогда, когда наскучат все книги. Жду от вас с нетерпением письма и желаю вам быть также здоровым и веселым, как я. Прощайте! Я надеюсь, что вы будете скоро писать ко мне в Белгород — так же, как теперь пишете в Петербург. О, Белгород, Белгород! Скоро ли я увижу тебя?.. Прощайте! Я еду в Белгород!⁶²

Ваш покорнейший и искренно любящий вас ученик и слуга Н.Страхов.

9 июля 1846

PS. Оранский думает писать к вам... Он очень несчастен. Его обвиняют в каком-то преступлении, которого он сам не знает. Прощайте! Иду купаться. Я плаваю, как рыба, и еще немножко лучше.

29

О. Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову

Дорогой Николай!

Ожидал я вашего письма в первых числах июня, но вот июль идет к концу, а от вас никаких вестей. Это четвертый раз я пишу к вам, не получая ответа... Что это значит? Неужели мои письма вас огорчают?

⁶² «Билет», выданный Нафанаилом Николаю Николаевичу на проезд в Белгород: «Объявитель сего, студент С.-Петербургского Императорского университета Николай Николаевич Страхов, родной мой племянник, проживавший при мне, в С.-Петербургской Александровской Лавре, отправляется ныне, по увольнении из означенного университета, в город Болгород Курской губернии для поступления в другое какое-либо учебное заведение. 13 июля 1846 г.»

⁶³ См. прим. 59

⁶⁴ Чего бы вы ни хотели, я оскорблен. (Мольер)

Правда, они не лестны вам, но я льщу никому. Будьте так добры, выведите меня из недоумения. Здесь насчет вас распространяются весьма неприятные для меня слухи, а именно — будто вы совсем отказались следовать советам вашего величайшего благодетеля, почтенного дяди. Если это правда, то ничего нет удивительного в том, что вы презираете ворчливого старика, который вам ничего хорошего не сделал. Но я знаю хорошо ваше сердце и так не думаю. Такое поведение достойно только варварского сердца, так как неблагодарный человек — это изверг рода человеческого. Я подозреваю, что кто-нибудь, желая меня огорчить, пустил этот слух. Вы сделаете мне уже последнюю милость, написав, как вы поживаете, благосклонен ли к вам епископ и как прошли ваши экзамены.

Что касается меня, то я все одинаков, нахожусь в том самом состоянии, в каком вы меня оставили. 9-го июля послал почтой прошение Государю Императору о переводе меня в одну из западных губерний. Не знаю, буду ли иметь успех..., но если уеду из Костромы, напишу вам. Будьте уверены, что, в каком бы месте я ни был, я буду всегда вашим искренним другом.

Я много раз предостерегал вас относительно выбора себе друзей. Последний раз прошу вас: слушайтесь старых людей, если хотите быть счастливым и жить долго. Ваша натура такая самая, как у всего человеческого рода — *iuvenis imberbis*⁶³ ... etc. Старые люди практичны, знают, что вредно юношам, а что полезно. Это верно, что опыт — лучший учитель, но строгий. Относитесь с большим почтением к вашему благодетелю, так как это долг честного человека. Если последуете дурным влечениям, вы пожалеете о том, уверяю вас.

После того, как я написал это, отец ректор принес мне ваше письмо. О, Господи! Какое несчастье для меня! Долго я плакал и теперь пишу со слезами на глазах. Вот последствия дурного выбора друга! Вот что я предвидел и о чем столько раз писал вам. Вы во всем виноваты. Вы не можете и представить, какой вы сами принесли себе вред. Вы позволяете вашим страстям брать верх над рассудком. Это ли мудрость? Мудрость состоит в победе над страстями. Читайте философов и в них вы найдете много средств для победы над страстями, но самое верное средство даст нам вера. Как можно не слушаться своего благодетеля, который для вас — более, чем отец. Вы не слишком строго наказаны; в наказании видна еще любовь к вам того, кем вы наказаны.

Если еще не поздно, упади к ногам (дяди), исповедуй свои грехи и проси, чтобы тебя отдали в казенный институт под строгий надзор, который тебе, как молодому, нужен. Вот мой искренний совет.

Теперь надо жалеть о своих поступках и исправиться, потому что если и в Харькове продолжать будешь самовольствовать, то возвратят в семинарию... В академии (духовной) не было бы возможности делать таких преступлений. Пропала моя надежда! Но еще можно восстать, если захочешь: исправишься в Харькове и потом опять будешь проситься в Петербург.

После напишу более. Прощай! Слезы не позволяют писать более.

Иоанн Сквивский.

Июнь 1846 г.

30

Н.Н. Страхов — о. Иоанну (Сквивскому)

Достолюбезнейший отец Иоанн!

He, quoi dont voulez vous
que j'ai de l'affront. ⁶⁴

Moliere.

Однажды — это было еще в Белгороде — я спокойно сидел в креслах, передо мною было открыто окно, в которое виден был монастырь, надо мною китайская роза распустила свои ветви; подле меня, в другом кресле, сидела моя кузина. Я ничего не делал и наслаждался. Вдруг, о mon Dieu! как говорите вы, мне приносят ваше письмо, присланное из Петербурга. Схватываю, разворачиваю, читаю, кузина смотрит через плечо... Ухожу в свою комнату и закуриваю папиросу, но это не успокоило меня; я был опечален и рассержен. Для меня было довольно странно, что вы из моего собственного письма сделали такое заключение. Я этого никак не предполагал. Я виноват во всем!.. Но позвольте спросить в чем? Прекрасно! Неужели, если бы вы были при мне, вы бы стали убеждать меня поклониться повару?..

Давайте разбирать дело. Вы говорите: человек неблагодарный есть чудовище. Но разве благодарность обязывает ко всему? Почему я неблагодарен? За кусок хлеба, который мне дал Нафанаил, я могу заплатить ему впоследствии, а больше он ничего не может требовать от меня. Но я проклинаю тот день, когда я вступил под его покровительство, потому что целые годы недостаточны для того, чтобы истребить вред его воспитания. Хорошо воспитание!.. И за такое воспитание я должен быть благодарен. Неужели я обязан благодарить человека за кусок хлеба, тогда как он убивает во мне всю силу души, всю свободу воли и мышления? Человек, с самого малолетства находящийся под гнетом деспотизма, падает духом и телом; он — не живой человек, он становится существом странным, бесцветным, которое не имеет ни твердых правил, ни живости мысли, ни решимости воли, ни силы ума. Все это убито, уничтожено! И неужели вы думаете, что наставления Нафанаила хороши? Послушайте, что он беспрестанно повторял нам: «Я вас взял к себе только потому, что моя мать⁶⁵ привезла вас, иначе я никогда бы этого не сделал. Вы должны слушать и исполнять мое желание... Зачем думать? Думать не ваше дело, за вас думают старшие, вы должны только делать, что вам приказывают... Вы думаете, что мне содержание вас мало стоит?» Слушая такие вещи и притом с трепетом и благоговением, немудрено совсем с ума сойти. Теперь очень понятно, почему Нафанаилу вздумалось заставить меня кланяться повару.

Но... несмотря на то, я повиновался ему, я поехал в Белгород. Я сделал самую ужасную глупость, в которой после раскаялся. Но не забудьте, что тут была не моя воля. Когда я приехал в Белгород, все родные кричали — зачем, как, почему? Я рассказал, но то было так странно, что никто не поверил. Меня упрекали, зачем я не остался в Петербурге, против воли Нафанаила. Маменьку и меня снарядили в путь обратно в Петербург. Мы приехали сюда, и тут маменька поверила всему, что я рассказывал. Нафанаил свою родную сестру принял только на третий день! В первый день нашего приезда он плакал с досады. Он хотел, чтобы мы ехали назад, но я не согласился; он грозил, и маменька по слабости своей заставляла меня ехать; я остался, и маменька благословила меня, потому что это было согласно с тайным ее желанием. Маменька уехала, а я остался на произвол судьбы. Я подал прошение в университет, но услышал, что Нафанаил не желает, чтобы я был в университете. Спустя несколько времени, по моей оплошности, мне

⁶⁵ Т.е. бабушка Николая Николаевича.

возвратили прошение. Мой родственник Семен Илларионович Липенский, у которого я живу, просил попечителя; дело началось снова, но попечитель уехал в Псков, и я должен ждать, пока он приедет.

Теперь спросите вы у Нафанаила..., какая причина заставила его испугать и наделать неприятностей всем родным и даже своей матери, огорчить мою маменьку... и вдобавок ко всему ... портить всю мою судьбу? Какую благую цель вы отыщете тут? Я знаю эту цель и эту причину, но не скажу вам... Может быть вы скажете, что он хотел меня исправить! Пустая фраза! В чем исправить? Какие у меня пороки или преступления, как вы говорите? Напишите, пожалуйста, я вас прошу об этом, потому что я хочу оправдаться в ваших глазах. Я для того написал и это письмо, чтобы показать вам, что я не боюсь обвинений и что мне было бы больно остаться виноватым в ваших глазах.

Письма вашего, посланного в Харьков, я не получил, а вы не получили моего письма, в котором я описывал мои экзамены; но распечатал вместо вас Нафанаил... Прошу вас еще раз, пишите ко мне. Никакое удовольствие не сравнится для меня с вашим письмом. Я читал, как вы обещаетесь брату моему не писать ко мне. Прошу вас не исполнять этого обещания. Я не думаю, чтобы вы перестали любить любящего вас; но вы можете и не отвечать мне на мое письмо и передать все, что я написал, Нафанаилу, как вы ему обещались. Я вам буду даже очень благодарен за последнее; только прошу вас не прибавлять. В том письме вы сказали, что я не поклонился повару, боясь унижить честь студента; я этого не писал. Кто бы я ни был, я никогда бы этого не сделал, потому что унижение и низкопоклонство унижает благородство души, которым всякий должен гордиться и которое должен беречь, как сокровище.

Вы жалеете, что не советовали отдать меня вместо университета в академию, а Нафанаил жалеет, что не поместил меня вместо университета в консисторию. Мне кажется, что в этом случае Нафанаил добрее вас.

Прошу вас написать и Нафанаилу, что «мудрость состоит в покорении страстей разуму».

Н.Страхов.

1 октября 1846 г.

31

О. Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову

Дорогой друг!

Письмо ваше от 1 октября, писанное в состоянии огорчения, получил вчера и сегодня спешу ответить вам.

Я взвесил ваши оправдания, ваши доказательства, ваше самолюбие и удивляюсь всему этому... Боже мой! какая катастрофа! Я всю ночь думал об этом и тем не менее не знаю, что вам отвечать.

Вы думаете, что я в заговоре с преосвященным, но вы совершенно несправедливо так обо мне думаете. Впрочем, напрасно я буду оправдываться, все равно вы не поверите и не послушаете меня, потому что здесь играет роль задетое самолюбие. Но если вы человек справедливый, я хотел бы поговорить с вами, не огорчая вас. Вы согласитесь, что никто не может быть судьей своих дел.

Молодой человек! Вы обладаете большим умом, талантом, находчивостью, самолюбием, но у вас недостает практического разума. Вы не смотрите в будущее, вас занимает только настоящее и потому вы судите нехорошо о всех делах. Я вам обещал

не делать более наставлений, но с другой стороны вы желаете, чтобы я доказал справедливость моего мнения, поэтому я решил написать вам в последний раз.

Вы желаете знать, в чем вы виноваты? Я вам отвечаю: 1) Ходить и не ночевать две ночи молодому человеку без ведома — похвально ли? Похвалит ли это начальство университета? Ей не похвалит. 2) Не сказать своему благодетелю, почему ночевал у родных, — означает, что там было что-то худое. 3) Правда, что со стороны преосвященного было много уже — приказывать снимать одежду и кланяться в ноги повару, но то уже было следствием раздражения и род наказания. Но в таком случае я бы поклонился самому преосвященному и сказал, что я вам должен кланяться, ибо вы мой благодетель, а от поклона повару прошу милостиво меня уволить. Кланяться в ноги архиерею не стыдно; были времена, что сами цари кланялись папам. Что же папа — не архиерей ли, как и другие? Когда бы я находился в то время, я бы сам поклонился в ноги за тебя. 4) Но наибольшая вина в том, почему при выезде из Петербурга не просил прощения? Надобно было сказать: «Благодарю вас за ваши милости и прошу всепокорнейше прощения в моей молодости за огорчения, которые вам причинил. Вот бы и конец был всему и в Белгород не ехал бы. Преосвященный бы сам заплакал, поцеловал бы тебя и оставил (в Петербурге); а теперь — какие последствия от гордости! От этого неприятность всей фамилии, особенно горесть для почтеннейшей маменьки, а для тебя много препятствий в будущей жизни, потому что если узнают в университете об этих происшествиях, иначе к тебе будут относиться, другими глазами смотреть, не скажут, что это — невинный ягненок, но кошка; и долгое время нужно для того, чтобы затереть это пятно. Я знаю, что у тебя другое об этом суждение. И я был молодым и даже находился в подобных случаях в отношении учителей, а все это происходило от дурных товарищей, которым я верил... И только через три года я убедился в моем заблуждении, плакал, но не был в состоянии вознаградить потерянного. Вот сколько могут (причинить) дурные товарищи. Я уверяю тебя, что через два, а наиболее через три года убедишься в этом и другое суждение будешь иметь о вещах, а между тем за это время потеряешь много, что касается будущей жизни. Это будет препятствовать и отправке тебя за границу. Вот несчастные последствия от худых товарищей. Я, как опытный, это предвидел и потому так много говорил тебе о выборе хорошего друга. Да и ты сам писал, что сердце твое, как воск.

Благодарность знаменует благородную душу, а неблагодарность худое сердце. Ты пишешь, что можешь вознаградить дядю за кусок хлеба. Но неужели он брал тебя на воспитание, чтобы получить награду? «Parentibus et preceptoribus nunquam satis»⁶⁶, — говорит один из древних мудрецов. Но лучше всего поставь себя на место преосвященного, вспомни все труды и издержки и спроси себя: приятно ли было бы тебе, если бы твой воспитанник был неблагодарен? Мало ли он потерял здоровья, получая такие неприятности! «За мое жито меня и бито», — гласит хохлацкая пословица.

Мой милый! Мысль эта: «Человек, от самого малолетства находясь под гнетом деспотизма» и проч., — опасна. Откуда она взялась в твоём уме? Оставь ее навсегда: она погубила многих и между прочим поэта Пушкина. А наставления Нафанаила имели целью возбудить в ваших сердцах⁶⁷ благодарность за его труды и издержки. Если любишь себя и будущее благополучие свое, то думай не так...

Я буду молиться Господу, чтобы устроить. Вот при маменьке был хороший случай поклониться дяде и все было бы кончено, а так никогда не будешь покоен...

Теперь я начну объяснение моих писем. Архиерей писал ко мне, что он тебя жалеет, что за непослу-

⁶⁶ Родителям и учителям никогда не достаточно (лат.).

⁶⁷ Имеется в виду и брат Н.Н. Страхова.

⁶⁸ Всё, что есть во мне, вложено в меня. (Цицерон. О дружбе.)

шание должен был отослать тебя на родину, что и там будет заботиться о твоём воспитании. Он прислал мне 10 р. на почтовые расходы, чтобы я к тебе писал. Из этого видно, что догадки твои несправедливы, равно как и подозрения. Он тебя любит, но желает твоей покорности. Желая уменьшить твою вину, я написал, что ты не поклонился повару, чтобы не унижить чести студента. Эта причина казалась мне более верной, чем твое унижение благородства души, ибо по природе мы все равны и повар имеет благородство души, а потому никто никому кланяться не может. Я писал тебе в Харьков, чтобы ты письменно просил дядю о прощении и хотел быть посредником примирения, ибо и Христос сказал: «Блаженны миротворцы»... хотел снова писать к архиерею и просить о прощении, когда получу согласие твое. Но от брата Петра получил я письмо, в котором он выражает отчаяние по поводу выезда твоего без прощения, и написал ему, что не буду писать к Николе потому, чтобы кто не подумал, что я был этому причиной. Ты знаешь мое положение, в котором я нахожусь, и подозрение, высказанное князем Трубецким, я всего боюсь... А ты поступаешь очень смело, забывая, что этим портишь свою судьбу на всю будущность. Надобно иметь в мыслях изречение одного мудреца: «Что делаешь, делай хорошо и смотри, каков будет конец».

Со времени твоей ссоры я писем твоих не показываю никому, ибо сам теперь легко их читаю. Одному только Александру Дроздову показал твое письмо о твоих авантюрах... В Костроме об этом никто не знает. Вот видишь, что я не изменяю и не изменю моего сердца к тебе. Я всею душою рад помогать тебе, но скажи — как? Что сделать, чтобы примирить тебя с дядей? Скажи, что сделать, ибо я чувствую, что это нужнее всего; без этого университет будет смотреть на тебя странными глазами. Сделай милость, оставь либеральную гордость, напиши смиренное письмо к архиерею, этим успокоишь его и всю фамилию, а меня утетишь. Я готов за тебя лежать в ногах (архиерея) целые сутки. Не слушай товарищей молодых. Я уверяю, что через три года будешь каяться и порицать настоящие твои поступки. 18, 19 и 20-й год жизни — самый бурный, самый отчаянный. Помни, чем все это окончится. Смирение есть добродетель, украшающая юношу. Ты сам писал об этом рассуждение. Кто начинает от смирения, вознесется высоко: всяк смиряясь вознесется, а возносящийся падает. Решись написать архиерею, прошу и заклинаю тебя именем Божиим. Тишина возвратится в твое сердце...

... В вашем письме было много обидного для меня. Но что же делать? Я вам прощаю все, сделайте только то, о чем я вас прошу: просите прощения у вашего дяди и вы опять будете по-прежнему милым.

До свидания; не сердитесь на меня, а я всегда буду вашим искренним другом.

Иоанн Сквивский.

Октябрь 1946 г.

32

Н.Н. Страхов — о. Иоанну (Сквивскому)

Достолубезнейший отец Иоанн!

Omnia mea in me posita sunt.

*Cic. De amicitia.*⁶⁸

Вы можете себе представить, с каким восторгом я распечатал ваше письмо. Я уверен был, что вы еще любите меня и уверен теперь, что сумею убедить вас писать еще ко мне. Не думайте, чтобы я не верил вашим письмам; я ничему столько не верил, как им, но я толь-

ко писал вам, что вы хитрите со мною и что это напрасно. Простите меня, прошу вас, за мои упреки и жалобы; я вижу, что уже не горячая любовь водила пером вашим и от письма вашего дышит холодом, а теперь у нас морозы. Я умоляю вас оставить вашу строгость; неужели vous etes resolu de n`ecrire jamais pour m`instruire⁶⁹, как вы пишете, но мне кажется, что в ваших письмах для меня более наставлений, чем в вашем молчании. Ваше молчание будет для меня значить только, что — или вы не поняли моих обстоятельств и не любите меня, или что вы поверили каким-нибудь клеветам на меня. Но это нисколько не убедит меня в том, что я виноват, потому что молчание — не обвинение, а, напротив, знак согласия, как говорит древний мудрец. Итак, еще раз молю вас, пишите ко мне, обвиняйте меня, как вам угодно, только пишите.

Позвольте с самого начала разбирать дело по пунктам, как это вы сделали: 1) Не ночевать две ночи — еще не грех само по себе. Обыкновенно полагают, что во тьме совершаются дела темные; но надобно сказать, что тогдашние петербургские ночи были очень светлы, а недоказанные подозрения только оскорбляют меня. Начальство же унверситете вовсе и не посмотрит на то, где я ночевал — в гостинице ли за Петербургом (1-я ночь) или у товарища (2-я). А что я отлучился без позволения, в этом я действительно виноват; но я не думаю, чтобы за эту вину меня послали в Белгород и потому не считаю ее за вину. 2) Не сказать, что было у Липенских, вовсе не значит, что было за мною что-нибудь худое, а только то, что я дал слово не рассказывать ничего Нафанаилу. 3) Преосвященный был раздражен, как вы говорите, но чем? своими подозрениями? Но он, кажется, очень умен и должен бы был рассмотреть дело. Да вы еще позабыли меня: я очень смиренно выслушал приказ поклониться повару, без раздражения. Почему я не поклонился самому Нафанаилу? я скажу вам после, а прежде расскажу анекдот. Перед прошлою масленицею Нафанаил журил меня — за что, не помню. Я уже три раза произнес: простите меня, Ваше преосвященство! Все напрасно! Наконец, он вдруг сказал: «Да почему ты не поклонись мне в ноги? Это гордость» и проч. Я — бух в ноги, и он меня простил. — Я верю, что у Нафанаила имеют большую силу данные поклоны, так что он верно простил бы меня, если бы я раз десять ему поклонился; но увы! Я только со слезами просил его уволить меня от поклона повару и — я не успел. 4) Почему не просил прощения перед отъездом? Странная вещь! Меня оскорбили, потом морили голодом, посылают на меня удар за ударом, а я буду просить прощения. Я был бы виноват в этом, если бы был виноват в предыдущем. И за что же мне просить прощения? За самовольную отлучку? Я просил его, но не получил. Зачем же просить еще раз? Скажу еще вам, что из Белгорода я с полным смирением просил у Нафанаила прощения, но когда я воротился в Петербург, он объявил маменьке через Петю, что если она будет просить за меня, то он не будет с нею видеться. Он сказал, что это дело, решенное навсегда. Вы говорите, отец Иоанн, что от этого произошли неприятности в фамилии. Но разве я виноват? Разве за меня можно оскорблять маменьку? Я еще прежде просил у Нафанаила дать мне свободу и оставить в Петербурге. Он не захотел наказать одного меня; что же вышло? На мою будущность я не боюсь дурного влияния. Мне, напротив, нравится, что эта борьба укрепит мои силы. Притом я очень уверен, что Нафанаил ничего бы для меня не сделал, если бы только я сам стал содержать себя. Он ясно это показал на других... Это и внушило мне мысль, которую вы называете либеральною. Я вовсе не знал, что она либеральна, но она так ясна сама по себе, что прошу вас опровергнуть ее, если она вам не нравится. Вы знаете, что те мысли и развиваются сильнее, которые сильнее подавляются.

В университете смотрят на меня по-прежнему, все жалеют и еще никто, кроме вас, не спросил: почему я не поклонился повару? Ни в каком университете не любят ягнят. Вы напрасно обвиняете моих товарищей;

⁶⁹ Вы решили никогда не писать, чтобы наставить меня (фр.)

⁷⁰ Честолюбие, самоуважение и гордость (фр.)

если и есть между ними худые, то я не принимаю от них ничего. Товарищ, с которым я более дружен, вечно спорит со мною, потому что он совсем иначе смотрит на вещи, и несмотря на то, согласие не нарушается. Притом товарищи мои совсем не знали о моих авантюрах, и я делал все по собственному убеждению, несмотря и на советы брата. Я совершенно спокоен теперь, потому что совершенно убежден, что поступил хорошо и никогда не раскаюсь в этом. Если через десять лет я увижу худые последствия всего этого, то я только пожалею, что так худо исполнились мои юношеские мечты и убеждения, но не пожалею о том, что я следовал им. Опять я неблагодарен! Еще раз повторяю вам, что Нафанаил больше сделал мне зла, чем добра, и что я вам и своему прилежанию гораздо более обязан, чем Нафанаилу. Притом я, как только можно смиреннее, поступал во всех обстоятельствах. Нафанаил основывался на одних подозрениях, а мой отказ поклониться был высказан в слезах. Если он не ждал от меня награды, то зачем же требует благодарности. Вы пишете, что он еще любит меня; прочтите, что он сделал со мною, в конце и вы увидите, как он меня любит. С тех пор, как я решился ехать в Белгород, я бросил свою волю под лавку и стал слушаться других. Меня привезли сюда, и Нафанаил, который меня любит, не хотел ни видеть, ни слышать меня и начал действовать против меня. Это похоже на любовь? Это похоже на кротость? Еще перед отъездом, если бы он показал малейший знак, одно слово... я бы примирился. Но это примирение стоило бы мне дорого!

Рассмотрим обстоятельства. Мне все говорили, что я должен бы поклониться самому Нафанаилу, но я не думаю, чтобы это помогло. Во всяком случае, если бы я поклонился, то должен был бы потерпеть наказание: 1) Какое-нибудь унижение. 2) Я должен бы простоять 3–4 часа в то время, как Нафанаил читал бы мне нотацию. 3) Я должен был бы лгать, потому что он требует согласия и утверждения своих мыслей. 4) 3 или 4 земных поклона Нафанаилу. 5) Должен был бы никуда не выходить из монастыря все лето. 6) Я должен бы остаться в монастыре и каждый день мучиться ходьбою. 7) Я должен бы выносить оскорбления от повара и других. 8) Я совершенно был бы лишен свободы и никуда не мог бы выйти. 9) Когда я буду говорить с Нафанаилом, он всегда будет меня упрекать и проч. — Во всем этом я уверен точно так же, как в своем существовании. Потом, когда я три года пробуду в этом аду (это — ад для молодого человека), чего я дождусь?..

Напротив, теперь будущность представляется мне в радужном цвете. Я снова принят в студенты... Я свободен, как птица, и, как птица, найду средства для существования; студент не пропадет! Я буду учиться, сколько будет сил, и если меня не пошлют за границу, я буду держать на магистра сперва, — и все-таки поеду за границу, потому что это — моя единственная мечта: я буду путешествовать!

Наконец, прошу вас верить мне, что нисколько не переменялся с тех пор, как оставил вас. Если и можно обвинять меня за проступки, то по крайней мере не за пороки. Мои родные и моя маменька видели и знают меня, и они вовсе не делали мне таких жестоких упреков, как вы, и я уверен, что вы бы переменили ваше мнение обо мне, если бы видели, как я поступаю. Я совершенно чист в моих глазах и в глазах моих родных. Поэтому-то я считаю очень полезною мою поездку в Белгород. Вы напираете на то, что у меня есть *ambition, amour propre et orgueil*⁷⁰; но я не думаю, чтобы у меня было больше гордости, чем сколько нужно для человека светского. Я должен сохранить в душе хорошее мнение о себе, а для этого я должен уважать, ценить самого себя. По моему мнению никто не должен «действительно» кланяться другому в ноги. И, конечно, человек образованный тем больше не должен унижаться перед необразованным. Человек, который еще не запятнал своего благородства, не должен кланяться повару, который столько же подл, сколько пьян. Вы, разумеется. Не осудите меня, что я ставлю себя выше повара. Я потому и не поклонился ему, что это было для меня оскорбительно, а я не хочу подвергаться оскорблениям. Я готов поклониться вам, сколько вам угодно, но я не поклонюсь теперь и Нафанаилу. Я не могу исполнить вашей просьбы — просить прощения у Нафанаила, потому что это невозможно теперь ни с его, ни с моей стороны. Вы видели, что уже сделаны были все попытки, но Нафанаил не показал никакой склонности к примирению. Все кончено! И ничего столько не боюсь, как принятия меня снова под покровительство Нафанаила. Благодарю вас за ваше доброе желание и усердие; я их никогда не забуду, как всего, что вы для меня сделали, но... самая мать Нафанаила просила сына, чтобы он для спокойствия ее последних дней принял меня, и он не согласился! Моя маменька также просила за меня и передала ему мою просьбу о прощении, но он не слушал. Теперь уже не стоит унижаться больше. Я не могу просить его... не могу.

... Вы не знаете, что причина ненависти ко мне Нафанаила вовсе не там, где вы ее ищете. Может быть, он и простил бы меня, потому что я не сделал ничего преступного, но он не может простить меня, потому что далеко зашел...

В отношении к Нафанаилу вы ничего не можете сделать. Я вас попрошу о другом. В Харькове у меня есть двоюродный брат; мы провели с ним вместе первое наше детство. В Белгороде мы снова встретились и возобновили старую дружбу. Он очень жалел, что не остался в Харькове и не буду заниматься вместе с ним. За него-то я и хочу просить вас. Его мать живет здесь, моя тетка, а отец по несчастию попал под суд; он остался там совершенно один. Он живет у инспектора гимназии — Войтенкова, но инспектор уезжает из Харькова, так что мой друг теряет последнюю подпору. Прошу вас написать об нем несколько слов к знакомому вам директору гимназии. Моего друга зовут Николаем Карпенко. Он учится в гимназии, в VI классе. Все лучше будет если директор обратит на него внимание. Кто знает, что может случиться. Итак, прошу вас сделать для моего друга то, что вы хотели сделать для меня.

Еще раз прошу вас писать ко мне. Я не могу поверить, чтобы вы перестали писать ко мне. Я так любил и люблю вас, думаю и надеюсь, что и вы еще любите меня; и в этом письме, которое холоднее всех прежних, вы называете меня «votre mignon»⁷¹... На коленях умоляю вас, простите мои грубости и пишите ко мне. Вы не знаете или, лучше, вы знаете, сколько утешения для меня в ваших письмах. Неужели Нафанаил поссорит меня со всем и со всеми, кого я люблю и уважаю? Он писал обо мне маменьке. Но приехал и маменька не поверила ему; он просил попечителя, чтобы меня не принимали в университет, но я объяснил попечителю все обстоятельства, и меня приняли и еще очень ласково. Наконец, он писал к вам, и вы одни оставляете меня! Если бы вы видели, как здесь жалеют и хвалят меня, вы бы поверили, наконец, что я не виноват. О, пишите, пишите ко мне!... Если я и виноват, ... то признайтесь, что в этом деле Нафанаил гораздо более виноват, чем я; так что если взять во внимание мою молодость и его опытность и ум, то его вина к моей будет относиться, как 100 : 1. Извините, я математик!

Еще раз прошу у вас прощения и умоляю писать.

Ваш искренний почитатель и ученик

Н. Страхов.

28 октября 1846 г.

P.S. Какая посылка у Таборовского? Может быть, он отдал письмо Нафанаилу, а Нафанаил распечатал. Это вероятнее, чем ваше предположение.

Я не видал еще Пети и Оранского. Нафанаил запретил мне ходить к брату.

Я не стыжусь моих писем и готов их напечатать. Я всегда говорю правду и в письмах, и на словах.

⁷¹ Ваш милый (фр.)

⁷² Какими знает способами...
(из молитвы Пресвятой
Троице)

33

О. Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову

Дорогой друг!

Извини, дорогой Николай, что медлил с ответом на твое последнее письмо от 24 октября. Я был весьма болен и не мог поэтому писать. Теперь чувствую себя лучше и отвечаю вам.

Вы начали ваше письмо упреком, что я вам более не хочу писать. Да, мой дорогой, я вам не буду больше писать своих наставлений, так как вы в них более не нуждаетесь. То, что вы испытываете теперь, я предвидел и, желая предупредить несчастье, писал вам много об этом. Но теперь надобность в предупреждении миновала и, кроме того, вы мне не верите; вы думаете, что я заинтересован в этом, что преследую какую-нибудь свою цель, желая, например, чтобы вы были мне благодарны. Вы подозреваете меня даже в том, что я хитрю, в чем, признаться, никто меня еще не подозревал. Вот почему я вам буду писать теперь как друг, а не как наставник.

Тем не менее я осмелюсь в последний раз еще потревожить вас. Вы доказываете, что вы не виновны. Отлично, я в восхищении от этого; но предположим, что вы совсем безвинный, а все знают, что вы племянник епископа и что вы с ним в ссоре. Отсюда следует, что если вы невиновны, то ваш дядя должен быть неблагородным человеком, который обвиняет только других. Но прилично ли молодому человеку порицать дядю, и это ли благодарность по отношению к тому, который вас воспитал и любит, как отец, и который составляет гордость всей вашей фамилии. Вы жили у Нафанаила восемь лет. Как вы думаете, сколько за это время на вас израсходовано? Допустим, что он расходовал на вас 200 руб. ежегодно: это составит за восемь лет 1600 руб., и вы говорите, что он сделал вам больше зла, чем добра?! Как вы несправедливы! Он мне писал, что пришлет вашей матушке денег на ваше содержание в Харькове, а вы говорите, что он вас не любит! Кто же станет делать вам добро, если вы так неблагодарны по отношению к вашему дяде, который вас воспитал? Стыдитесь, мой милый! Это — гадко, что вы сердитесь так долго; это — признак жестокосердия. Неужели вы желаете, чтобы сам епископ просил у вас прощения? Это просто невозможно. Итак, надо вам просить прощения у него, и вы должны всякий праздник писать к нему письмо, в котором должны благодарить за его благодеяния и просить одновременно не сердиться на вас. Вы не будете просить его о помощи и, таким образом, мир мало-помалу между вами восстановится. Я его просил, чтобы он вас простил как молодого человека — понятно, если вы будете его просить об этом. Вот мой последний совет.

Между тем нужно стараться, как я давно советовал, перейти на казенное содержание в институте, а то будешь не покоен. Впрочем, ты сам лучше знаешь.

Письмо к моему другу Коржениевскому прилагаю. Пошли его к Николаю Карпенко, чтобы он лично отдал его. Если можно только, то он все для него сделает. . . Коржениевский ученый человек. Он был в Киеве адъюнктом университета. Он — поэт.

Читая твое последнее письмо, я представлял себе, сколько потерпела почтеннейшая твоя маменька за тебя и насколько она добрая, что сама ездила в Петербург. Да вознаградит ее Господь своею милостию и благополучием. Я плакал, читая другую часть твоего письма. Ты много испытал искушений. Я очень жалею тебя. . . Я молюсь Господу, да «имиже весть судьбами наставит тя на путь истинный и спасет тя»⁷².

Извини, что я так жестоко писал. У меня сердце благодарное. Я всякому желаю блага. Нафанаил сто раз менее для меня делал, чем для тебя, однако же я до смерти моей буду ему благодарен. Поэтому неблагодарность я считаю великим пороком. Я буду считать себя счастливым, если буду в состоянии возблагодарить ему.

Может быть и лучше для тебя, что потерпишь немного в молодости и научишься терпеть. Это — великая наука. Блажен, кто оную хорошо знает. Жить в мире — надобно терпеть; всякий, кто живет, терпит, а если в сей жизни не терпишь, то потерпишь в вечной.

Я тебя не могу не любить, пока ты меня любить будешь. . . Правда, что я тебе ничего хорошего не сделал, потому что не был в состоянии. В науках я тебе не помогал почти, ты сам учился и понимал, и скорым шагом поступал, а я только радовался. Если будешь без порока, Господь тебя благословит и будешь счастлив. А если, увлеченный страстями, заблудишься, то потерпишь много. Я желаю тебе первого и молюсь, да не оставит тебя Бог милостивый.

Оставайся с Богом, мой милый. Извини меня за упреки. Мои советы искренни; последуешь им, или нет, а всегда буду твоим другом и слугою.

Иоанн Сквивский.

15 ноября 1846 г.

Любезнейший отец Иоанн!

Извините, что пишу так поздно; разные обстоятельства так запутали меня, что я сто раз думал вам отвечать с тех пор, как получил ваше письмо, и теперь только отвечаю.

Помилуйте! Меня всего более тронуло ваше подозрение в недоверчивости. Еще раз уверяю вас, что совершенно верю вашей искренности. Я думаю только, что вы хотели удалить от меня всякое подозрение, будто бы вы пишете под влиянием Нафанаила, и я вам писал, что напрасно вы боитесь, что я подумаю это и скрываете от меня о письме к вам Нафанаила. Я всегда уверен, что ничто в мире не в силах изменить ваше мнение о чем-либо и что вашим пером не может водить Нафанаила рука. Впрочем ... *Vanitas vanitatum et omnia vanitas!*⁷³ Чем больше проходит времени от этой катастрофы, тем я хладнокровнее смотрю на нее, но не знаю, справедливее ли сужу о ней? Вы напрасно укоряете меня в ожесточении. Я очень хладнокровен, очень забывчив и рассеян. Меня поражает только настоящая минута, и каждый раз, как получаю ваше письмо, в первую минуту я чувствую, что я виноват и я уже с большим трудом оправдывался в последнем моем письме. Мне трудно было припомнить всю совокупность впечатлений, которая меня заставила так действовать. Поэтому мне кажется, что в самую минуту действия я лучше понимаю и чувствую причины моего действия, чем теперь. Теперь я вовсе не сердит на дядюшку. Я очень уверен, что все сделалось наилучшим образом и, следовательно, сознательно или бессознательно, но я действовал, как должно было действовать.

Но посмотрите на дядюшку и как ни судите, сколько ни оправдывайте его, я скажу только, что для него нехорошо теперешнее его отношение ко мне и ко многим родным... А, кажется, в его руках была вся власть сделать всех довольными... Зачем же он сделал не то? разве он не виноват? Если я и был сколько-нибудь виноват, то после всех происшествий я вышел совсем невинным. Главными побуждениями у него были гордость и деспотизм, а с моей стороны любовь к свободе и ненависть к унижению. Он из одной гордости хотел заставить меня все делать, я же избегал только унижения, не больше. Скажите же, кто виноват? Посмотрите дальше. Я совершенно готов последовать вашему совету, который все одобрили, потому что я вовсе не ненавижу дядю... Я думаю писать к нему на Рождество... Он говорит, что я пойму, каков дядя, когда хорошо окончу курс... Но я гораздо бы лучше видел, что дядя хорош, если бы он дал мне средства хорошо окончить курс.

Что касается до вашего рогатого силлогизма: Если я сознаюсь, что виноват, то я виноват действительно; если же я скажу, что не виноват, то буду виноват в том, что порочу дядю, — я придумал так разрешить: я не буду никому говорить, что я не виноват и, следовательно, буду невинен и в том и в другом случае; если же необходимость будет решительная на то или на другое, то я расскажу правду (это я должен даже сделать), потому что решите сами: лучше ли клеветать на самого себя или о другом говорить горькую правду. Если меня не оправдывает мое оправдание, то еще меньше оправдывает обвинение себя.

Благодарю вас за письмо к Коржениевскому, еще больше за ваше письмо ко мне. Вы так мило и так зло высказали вначале, что не хотите помириться со мною и наставлять меня, и так увлекательно, так ис-

⁷³ Суета сует, все суета! (лат.).

⁷⁴ За и против (лат.).

кренно перешли в конце к наставлениям, что привели меня в восторг. Итак, мир! ... И пусть он никогда не нарушится! ... Я прошу вас только в последний раз написать мне, как вы думаете о всех моих делах. Вы видите, что я уже вовсе не иду против дяди, готов ладить с ним, подать первый руку примирения. Я только боюсь, что это будет бесполезно, что Нафанаил только воспользуется этим моему унижению, но я постараюсь, чтобы этого не могло быть.

Прощайте! Еще раз благодарю вас за ваше письмо; с тех пор, как я прочел его, спокойствие воротилось ко мне; я уверился, что и вы — последний человек, который еще обвинял меня и которого обвинение так больно для меня, — что и вы не так дурно думаете об мне, как прежде. В следующих письмах у нас уже не будет доказательство pro и contra⁷⁴.

Я вам сообщу некоторые открытия в науках и вопросы, которые возникли у меня. Прощайте!

Ваш Н.Страхов.

4 декабря 1846 г.

P.S. Мне никак не возможно попасть на казенный счет; теперь осталось уже 2 года быть в университете, к чему же обязывать себя.

Теперь я в особенности занимаюсь физико-математическими науками. Ленц пространно читает о теориях света.

35

О. Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову

Дорогой друг!

Обещал я вам написать перед Рождеством, вот я и исполняю свое обещание. Желаю вам всех благ, а в особенности милостивого покровительства епископа, что меня весьма бы порадовало. На почтовые расходы прилагаю при сем 5 руб. с.; извини, дружок, что так мало.

Я живу еще в Костроме и не знаю, не оставят ли меня здесь до моей смерти.

Меня уведомили из Петербурга, что ваше благородие курит много. Любовь моя к вам побуждает меня предупредить вас, что это великое зло, так как оно сократит вашу жизнь. Я знал молодую девицу, которая, как вы, курила много; она умерла в 36-летнем возрасте... Ее вскрыли и нашли легкие и печень закопченными сажей, и воду, в которую погружено сердце, черною. Это было в Вильне... Доктора заключили, что это произошло от непомерного курения. Вот почему некоторые даже профессора, как Осинский, Полинский, Држевинский отказались совсем от курения. Я вам советую: или перестать совсем курить или выкуривать только три трубки в день. Я знаю, что вы останетесь верным вашей привычке, но любовь моя к вам повелевает предостеречь вас, так как мои советы идут от любви к вам. Увидите, что со временем подвергнитесь грудной болезни.

Ваше письмо я получил 4 декабря. Вы пишете мне, что ваш дядя весьма гордый..., но и вы человек гордый... Вот почему прошу вас не забывать изречения Иисуса Христа: «возвышающиеся будут унижены»... и т. д. Чрез покорность не спадет венец с вашей головы, а, напротив, вы будете всеми любимы. Я не говорю, чтобы вы были подлецом, подлизой, но нужно быть честным без гордости. Прошу вас, не порицайте, по крайней мере, вашего дядю в своих письмах. Это меня огорчает и раздражает... Он составляет честь вашей родни, и потому родня должна почитать его и слушаться. Не вменяйте ему в обязанность удовлетворение потребностей и исполнение желаний всякого; он должен исполнять обязанности своего сана и покровительствовать родне, если может. Поставьте себя на его место и вы увидите, что не всегда можно удовлетворять желаниям своего сердца. Когда вы осуждаете кого-нибудь, поставьте сначала мысленно себя на его место и спросите себя, можно ли это сделать, не причинив

вреда самому себе.

Не пишите так много и так часто: вы теряете драгоценное время. Вы хотите показать свои способности, но ведь я их отлично знаю. Вы сделаете мне большое одолжение, написав о новых открытиях в области наук; весьма вас об этом прошу.

Мое положение, как и прежде, но здоровье хуже. Приближаюсь к могиле скорым шагом. Что делать! Да будет воля божия!

Хочу послать вам барометр, по которому я делал метеорологические наблюдения, да нет случая. Когда его найду, то с барометром пошлю вам и денег и порошу прислать мне барометрических трубок.

Оставайтесь с Богом. Ваш друг и слуга

Иоанн Сквивский.

20 декабря 1846 г.

⁷⁵ Не вполне точное начало стихотворения А.И. Полежаева (1804–1838):
Куришь, табак мой! Вылетай
Из трубки, дым приятный, ...
(1829)

36

Н.Н. Страхов — о. Иоанну (Сквивскому)

Любезнейший отец Иоанн!

Вчера я пошел в университет за свидетельством. Прежде чем явился я к секретарю, швейцар сказал мне, что мне есть повестка. Откуда? — подумал я. От маменьки — рано; не от дядюшки ли Ивана Ивановича? Я бы очень был рад, если бы он прислал мне денег. Но ... это не от него. Подают повестку: По экспедицию Ярославских и Рижских почт. Откуда же, наконец? Верно от отца Иоанна! Вы не можете вообразить, какое тягостное чувство овладело мною. Мне досадно было, что вы так добры ко мне, что вы так много обязываете меня и что я не откажусь от вашего обязательства ... Иду в почтамт. От вас! ... Развертываю письмо. Вы пишете, что для писем вы посылаете мне денег и извиняетесь, что мало. Я рассчитал, что, когда я выйду из университета, и тогда еще буду посылать письма к вам на ваши деньги. Я дал себе слово возблагодарить вас; но мне кажется, что я никогда не буду в состоянии сделать это, и это-то наводит на меня грусть. Умоляю вас, отец Иоанн, не присылайте мне никогда, никогда! Я не в силах принимать от вас. Эти деньги не необходимы мне. Кто знает? Я конечно употреблю их на предметы мне полезные, но легко может статься, что часть их проскользнет сквозь пальцы, так что я и не замечу. Эти деньги, так для меня драгоценные (потому что они ваши), — эти деньги исчезнут, как мыльный пузырь, и купленную на них вещь я не отличу от других вещей! Нет, не присылайте мне!

Говорят, или, лучше, пишут, что я много курю табаку. Это — ошибка. Я курю, как все курят. Я вам расскажу премилый анекдот. В той самой комнате, где я теперь живу, жил прежде немец, которого я знал, потому что бывал часто у Левицкого, с которым он жил. Мать Левицкого, теперь моя хозяйка, встретила меня с радостью и восклицаниями, когда я приехал из Белгорода. Я вбежал в комнату Шмидта и увидел, что он лежит на диване и читает книгу. «А. вы приехали!» — сказал он, подавая мне руку. «Ну, как выживаете?» — спросил я. «Ничего!» — отвечал он. «Курите!» — прибавил он, показывая на табак и трубки, и снова стал читать книгу. Тем и кончился наш разговор.

Я, кажется, очень некстати привел здесь этот анекдот, но мне казалось, что анекдот идет к анекдоту. Оранский писал вам, что я издерживаю много денег на табак. Вы прислали мне денег и убеждаете меня не курить табаку, потому что он вреден, а не потому что дорог. Один доктор мне говорил, что «табак имеет на нас большое влияние, но человеческая природа привыкает к этому раздражению, так что более не чувствует его. Я не курю табаку, потому что он мне вреден, но вы можете курить».

Куришь табак и вылетаешь
Из трубки дым приятный
И облаками расстилаешь
Твой запах ароматный.
Не столько персу мил кальян,
Или щербет душистый,
Как мил душе моей туман
Твой легкий и волнистый.⁷⁵

Эти хорошенькие стихи не мои; я пишу гораздо лучше. Кроме того, табак есть удовольствие, которое имеет пред другими следующие преимущества: 1) он не мешает никакому другому удовольствию; 2) это удовольствие дешево; 3) не отвлекает от дела; 4) может часто повторяться; 5) всегда и везде; б) а главное — дома, в халате и на диване. До сих пор я не чувствую никакого действия на меня табаку и надеюсь никогда не чувствовать. В Петербурге все курят, и доктора находят, что это полезно против климата.

Я не браню и не буду бранить Нафанаила; я вам расскажу только, что недавно случилось. Мои часы, о которых вы знаете, пропали у Пети. На второй день Рождества Петя пришел к Нафанаилу и преосвященный стал читать мое письмо: ... «я осмеливаюсь просить у вас прощения; не подумайте, что я принужден к этому обстоятельствами, я, сколько возможно, успеваю обеспечить себя собственными трудами» ... «Зачем же ему часы?» — восклицает Нафанаил. «... и никогда не решился бы писать к вам по расчетам. Я пишу к вам только по сознанию своей виновности перед вами». Как же он сказал прежде, что виноват, а теперь, что я напрасно считаю его неблагодарным? ... Как вы думаете, отец Иоанн? ... Я уверен, что Нафанаил считает свои рассуждения очень основательными.

Здесь я сделаю маленькое замечание обо всех семинаристах. Они чрезвычайно любят диалектику и во всю жизнь остаются схоластиками. Нафанаил великий софист, верящий в свои софизмы. После всего этого он сказал, что простит меня через год, когда увидит, что я и проч.

Гораздо любопытнее другой разговор Нафанаила с Петей. «Я хочу, — начал он, — искоренить в вас наследственный порок — гордость. Отец ваш погиб от нее. Я потому и выбрал такое наказание Николе, что для человека гордого нет ничего хуже, как унизиться перед человеком низшим его. И попечитель, которому я это объяснил, сказал, что сделал прекрасно. Никола, — сказал в заключение Нафанаил, — будет писать ко мне еще не такие письма. Он будет со слезами просить меня. Нищета мужа смиряет, говорит Священное Писание». Не правда ли, какой мудрый и глубокий план составил Нафанаил для достижения цели? ...

Простите меня, что я перебрался на другую страницу: не выдержал! Писать к вам составляет такое удовольствие, от которого я не в силах отказаться. Теперь я имею отдельную комнату и надеюсь, что это много будет благоприятствовать моим занятиям. Я вам, кажется, еще не писал, что мои обстоятельства значительно поправились. Я даю уроки три или четыре раза в неделю за 12 целковых в месяц. Эти самые 12 руб.с. я плачу за мою новую квартиру на всем готовом. Нафанаил позволил Пете заплатить мне из январского жалованья за часы 6 руб.с. так что у меня в этом месяце будет 11 руб.с., которые я могу употребить на некоторые

мои надобности. При этом Нафанаил сказал... Впрочем, я не стану больше говорить о нем. Я хочу только спросить вас, какую границу вы положите между низостью и смирением? Нужно совершенно пренебречь мнением людей, чтобы решиться подвергнуться унижению, и я всегда считал мое тогдашнее положение очень затруднительным; я старался выйти из этого положения без укора, но если я не успел, в этом виноват дядюшка. Я писал к нему два письма, в которых просил у него прощения, а он ждет, чтобы я босой и оборванный пришел к нему и со слезами просил его помилования. Вы видите, что исполняю долг свой и вовсе не виноват, что преосвященный не исполняет своего. Я оправдывался перед вами, как адвокат оправдывает своего клиента; но я никогда не говорил, что я совершенно прав. Я вовсе не ненавижу Нафанаила. Я и теперь с удовольствием вспоминаю об его аристократизме, об его остроумии, об его даре слова ...

Я обещал поговорить с вами о новых открытиях и не знаю, как сдержу свое слово. В 1845 году была открыта между маленькими планетами — Церерою, Палладою, Юноною и Вестою еще пятая планета — Астрея. Вероятно, вы уже знаете об этом. В прошлом 1846 году астроном Лаверье⁷⁶ во Франции вычислил, по изменениям пути Урана, величину, путь и время обращения планеты, которая, по предположению, производит эти изменения. Он назначил точку неба, где она должна была находиться, но в Париже, по слабости инструментов, никакой планеты там не нашли. В Берлине и у нас на Пулковской обсерватории увидели новую планету. Но Лаверье ошибся полградусом. Имя новой планеты — Нептун, обращающейся около Солнца в 217 лет. Здесь, в Петербурге, много наделало шуму открытие нового пороха — из хлопчатой бумаги, смачиваемой азотной кислотой и потом высушиваемой. Он производит взрыв без дыму, без запаху и не с таким сильным звуком. У нас делали опыты очень успешные. Такой же порох делают из пеньки. После взрыва нет никакого остатка.

Но интереснее и любопытнее всех открытий для меня — лекции Ленца⁷⁷. Он прочел нам оптику и потом начал разбирать теории ее. В связи с этим разбором и с опытами он объяснил нам явление интерференции, дифракции и поляризации света. Он держится теории волнения и излагает ее превосходно. Его лекции в тысячу раз величили в моих глазах интерес физики, который я чувствовал при первоначальном ее изучении.

Недавно я сделал также важное открытие. Случайно я зашел на лекцию Плетнева⁷⁸, и ничто не может сравниться с тем впечатлением, которое на меня произвела его лекция. Он читает историю русской литературы и читает увлекательно. Вообще, у нас есть много прекрасных профессоров, которых стоит слушать. Оба Куторги⁷⁹, Ленц, Плетнев — светила нашего университета.

Домашние дела мои в самом лучшем порядке. Недавно получил письмо от маменьки с деньгами, которые я видел только тогда, когда получил. Петя теперь чаще ходит ко мне, но по-прежнему жалуется на свою участь. Оранский, несмотря на все мои старания, остался таким же, как и был. Я не знаю что с ним делать. Бедный молодой человек! Мне очень жаль, что вы чувствуете себя не совсем здоровым. Как я жалею, что не могу быть при вас! Мне хотелось бы хоть один день повидаться с вами и побывать в Костроме.

Прощайте, отец Иоанн! Желаю вам укрепления здоровья и веселости.

Ваш Н. Страхов.

3 января 1847 г.

⁷⁶ Урбен Жан Жозеф Лаверье (1811–1877) — математик и астроном, директор Парижской обсерватории (1854), член Парижской академии наук.

⁷⁷ См. прим. 53 к письму 24.

⁷⁸ Петр Александрович Плетнёв (1792–1866) — поэт и литературный критик пушкинского круга, в 1847 г. профессор кафедры русской словесности и ректор Санкт-Петербургского университета (1840–1861).

⁷⁹ Степан Семёнович Куторга (1805–1861) — непосредственный учитель Н.Н. Страхова, зоолог и минералог, ординарный профессор Императорского Санкт-Петербургского университета, один из лучших лекторов, популярных у студентов всех факультетов; его брат, Михаил Семенович Куторга (1809–1886) — профессор кафедры всеобщей истории Санкт-Петербургского, а затем московского университетов, выдающийся педагог, лектор и историк-методолог, основатель самостоятельной русской школы антиковедения.

Дорогой Николай!

Я не писал вам до сих пор, так как не мог найти письма, в котором вы сообщили свой адрес. Вот почему я решил послать это письмо чрез вашего брата Петра ... В июле один из учеников семинарии поедет в Петербург, в академию, и чрез него я напишу вам и пришлю ваши книги, которые находятся у меня.

С каждой почтой я жду указа о выезде из Костромы; это мне обещали сделать, и это — тоже одна из причин, почему я вам не отвечал ...

Я часто плохо себя чувствую, потому что мне исполнилось уже 70 лет. Итак, извини меня и не думай, что сержусь ...

... Я думаю, что писать краткую историю для детей еще не время твоему благородию. Для этого дела сочинитель нужен опытный. Очевидно, надобно опускать много исторических приключений в подобном сочинении и выбирать такие только, которые бы могли учить молодежь худыми и добрыми примерами, а это для молодого сочинителя всего труднее. Карамзин мог бы написать полезное в этом роде сочинение. Напечатай прежде что-нибудь легкое, а потом возьмись за трудное.

Ты обещаешь писать много; но я прошу, не пиши много. Главное, чтобы письмо было подобно пруду, а не реке, в которой не легко поймать что-либо. Дорожи временем, потому что время дорого для молодого человека. Пиши, что важнее. Мне хочется знать, как относится к тебе преосвященный ... У вас теперь экзамены; как они пройдут, извольте уведомить. Надобно стараться получить ученую степень или медаль. Наиболее же иметь в виду посылку за границу. Каких посылают, то надобно стараться быть им подобным.

Сегодня с великим трудом отыскал твой перевод и посылаю на почту. Из книг твоих у меня осталась одна только Библия ...

Я радуюсь, что уже немножко угасает жар твоей молодости. Если жив буду, отошлю тебе письма твои, в которых увидишь пылкость свою и заблуждения. Успевая в науках, нужно вместе совершенствоваться и в добродетели, без которой не может быть истиной мудрости и покойной жизни.

Прощай. Остаюсь любящий и искренний друг

Иоанн Скивский.

3 июня 1847 г.

Любезнейший отец Иоанн!

Покорно благодарю за присылку тетрадей; может быть, они скоро пойдут в дело.

Не знаю почему, но письма ваши производят на меня грустное впечатление. Быть может, я заслужил холодность, которую вы высказываете в них. Я не исполнил ваших надежд на меня, и если бы вы посмотрели теперь на меня, вы удивились бы перемене, которая произошла во мне. Я уже не тот живой, свежий мальчик, каким вы меня знали. Я сделался тяжелым, молчаливым, неповоротливым. Мне кажется, что мои способности тупеют и ум слабеет более и более. Вместо той ревности и быстроты в занятиях, какая была у меня в Костроме, наступило какое-то утомление и бессилие; я так долго учусь и так мало выучиваю. В эту вакацию я задумал повторить основания моего учения, занятия языками и математикой, а между тем я ничего не успеваю сделать, несмотря на то, что постоянно занимаюсь. Мне кажется, что я потерял в вас незаменимого наставника; мне кажется, что еще не способен заниматься сам, без чужой помощи. Грустные и тяжелые мысли находят на меня. Я как будто сбился с дороги, как будто потерял цель, к которой должен был идти.

Какой-то хаос в моих познаниях. Я жадно схватываюсь за каждое знание, но когда я занимаюсь всем вместе и ничем в особенности, то я мало успеваю; я, кажется, не подвигаюсь ни на шаг вперед. Недавно я достал роман Жоржа Занда⁸⁰, у которого, по сознанию всех, самый чистый, самый прекрасный слог. Три года я уже не вижу с вами, а между тем я с трудом и усилием перевожу его и в некоторых местах не понимаю. Много же я сделал в эти три года! Я беспечен и неподвижен, но эти мысли отравляют каждый мой труд, удовольствие, которое должно быть для меня самым высоким. Где мне найти поддержку, одобрение? Не знаю. Я один.

Я познакомился с Плещеевым⁸¹, нынешним поэтом, и Некрасовым⁸² — журналистом. Пока я не буду в состоянии сам писать, я просил их о переводах, и они оба мне обещали. Не знаю, исполнят ли они свое обещание и исполню ли я этот труд.

Чем больше я занимаюсь, тем больше падаю, тем больше чувствую свое бессилие и не знаю, куда поведет меня это.

На степень нельзя держать иначе, как через четыре года. Я не держал экзамена, потому что чувствовал, что выдержу его плохо, да и потому, что некогда было. На следующий год я буду писать рассуждение на медаль. За границу посылают не каждый год, и то одного человека.

Я бы очень желал прочесть мои письма. Я никогда не скрывал перед вами ничего. В этих письмах вся моя история, бедная и пустая, история всегдашних стремлений и бесплодной деятельности.

Я очень рад, что ваше здоровье поправилось. Вероятно, вам помогла весна. С конца мая и у нас были жары, а теперь — дожди и холодно.

Простите, отец Иоанн! Я много виноват перед вами, но еще больше виноваты те, кто испортил меня с самого детства, так что едва ли у меня достанет сил поправиться. Молодому все еще можно. Что бы я ни делал, я боюсь — не вредно ли это более, чем полезно; но я поступаю безотчетно и беспечно потому что у меня нет проницательности, чтобы осмотреть дело со всех сторон.

Преосвященный совсем отказался от меня, но верно он еще думает заставить меня просить у него милостей. Пусть думает!⁸³

Прощайте! Не забывайте меня вашими письмами.

Покорный и любящий вас Н.Страхов.

23 июня 1847 г.

39 О. Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову

Дорогой Николай!

От 16 мая истекшего года я не получил от вас никакого известия. Я писал Петру Николаевичу 9 или 10 сентября, но не получил ответа и не знаю, как вы теперь поживаете. В декабре я писал к преосвященному с просьбою, чтобы он приказал Пете мне ответить, но и то не подействовало, а твоего не знаю теперь адреса. Так я потерял было надежду иметь о вас известия; но теперь едет в столицу губернский архитектор Кудоровский, мой друг, которого я прошу лично видеть твое благородие. Вот опять надежда.

Благодарение Богу у нас много произошло перемен после несчастного пожара⁸⁴. Я высидел четыре недели под арестом с другими безвинно. Я перенес это несчастье. Пришло в голову губернатору, будто поляки сделали заговор и поджигают город. Но так как это по строжайшем дознании не оправдалось, то мы освобождены

⁸⁰ Жорж Занд (совр. Санд) — Амандина Аврора Люсиль Дюпен, в замужестве баронесса Дюдеван (1804–1876) — знаменитая французская писательница.

⁸¹ Алексей Николаевич Плещеев (1825–1893) — поэт, писатель, переводчик, литературный критик. В 1843 г. поступил в Императорский Санкт-Петербургский университет на разряд восточной словесности, но оставил его в 1845 г. в силу неудовлетворенности учебным процессом и своим материальным положением и полностью посвятил себя литературе. В 1846 г. выпустил первый сборник стихов, многие из которых уже были популярными.

⁸² Николай Алексеевич Некрасов (1821–1878) — поэт, писатель, публицист. С начала 1847 г. вместе с И.И. Панаевым арендовал у П.А. Плетнёва основанный еще А.С. Пушкиным журнал «Современник». В этот журнал Н.Н. Страхов в 1850 г. прислал свою автобиографическую повесть «По уграм», которую Н.А. Некрасов отклонил под предлогом цензурных препятствий, но, по-видимому, по соображениям идеологического несогласия (см. Назаревский А. Пометы Некрасова на рукописи Н.Н. Страхова // Литературное наследство. М., 1949. Т. 53–54. С. 85–87).

⁸³ Это мрачное письмо Н.Н.ча последнее из числа тех, которые отец Иоанн успел ему возвратить.

по Высочайшему повелению, а начальник губернии отдан под суд.

Но оставим то, что уже прошло. Скажи мне, мой милый, как поживаешь теперь? Мне всегда приятно иметь о тебе хорошие сведения. Напиши, сделай милость, чрез г. архитектора, очень доброго человека. Он обещал мне видеть тебя лично. Чрез него посылаю и твои письма. Следственная комиссия перемешала их порядком; все бумаги мои и даже вещи были взяты. Поэтому многое я потерял во время пожара, а потом многое пропало в комиссии.

При них посылаю геометрию или, лучше сказать, низшую математику de Caille⁸⁵, лучшего французского математика; может быть она тебе будет нужна. Но я всегда советую не оставлять поэзии — поэтов меньше, чем математиков, потому что *poetae nascuntur, oratores et mathematici fiunt*⁸⁶, а всегда больше тех, что *fiunt*, чем тех, что *nascuntur*; но более всего советую и прошу *retourner a votre innocence*⁸⁷, я уверяю, что ты будешь счастлив и в сей и в будущей жизни. Библия ваша еще остается у меня на короткое время, потому что я не хочу обременять архитектора, и она кроме того в пост мне будет нужна. А если бы мне велено было выехать из Костромы, то я оставлю ее для передачи г. Свенцицкому.

Я подал записку светлейшему князю Суворову⁸⁸ с просьбою исходатайствовать мне перевод в Киев. Если теперь не переведут, то видно — воля Господня, чтобы я умер в Костроме. Я живу в Ипатьевском монастыре покойно. Имею одного только ученика — философа, очень прилежного. Я им доволен, потому что он старается понимать с прилежанием. Впрочем, я всегда почти болен; в город ходить далеко, а в монастыре никакого моциона.

Трубки барометрические и термометрические во время пожара слились, ибо такой сильный был пожар, что ничего деревянного не осталось в монастыре, и все, что было пред окнами — малина, цветы и деревья, погорело и все церкви; в одной только Никольской служат, которая, хотя снаружи и обгорела, внутри уцелела. Вот какое несчастье постигло Кострому 6 сентября. Самая лучшая и красивая часть города выгорела, остался только дом покойного Жукова и Солодовникова. И этого несчастья виновником считали г. (фамилия вырвана)⁸⁹, почтеннейшего человека. Говорили даже, что видели, как я обходил монастырь вокруг и кропил чем-то. А я не мог перейти комнату и во время пожара едва выйти мне под руку отца Варфоломея чрез отверстие, пробитое в каменной стене, потому что ворота и калитка были в пламени. Вот какво суеверие простого народа! Недаром мало-российская поговорка говорит: «Громада великий человек, но глупый».

При сем прилагаю 6 руб.с. для вас. Пригодятся вам во время масляной. Будьте так добры, уведомьте меня об их получении, как равно и о вашем житье-бытье. Здесь поговаривают, что вы хотите перейти в педагогический институт; если это правда, вы, значит, избрали, наконец, лучшую дорогу, так как можете быть уверены, что (из института) вас пошлют в один из заграничных университетов; кроме того, вы не будете озабочены своим содержанием.

⁸⁴ В сентябре 1847 г. Кострому постиг страшный пожар, распространившийся по всему городу. Жители пытались укрыться в Богоявленском монастыре, но огонь перекинулся и сюда. Сотням людей, оказавшимся в ловушке, грозила опасность сгореть заживо — им пришлось спешно делать проломы в северной стене и выбираться через них наружу. От монастырских строений остались одни черные обгорелые стены — сгорели 4 храма и 6 каменных корпусов. В огне погибло фактически все имущество монастыря, погиб и богатейший монастырский архив. Монастырь был упразднен, остатки его строений предполагалось разобрать. На защиту памятника древней архитектуры выступили широкие круги костромичей. Судьба ансамбля решалась долго, пока, наконец, в 1863 г. сюда не были переселены монахини Анастасиина монастыря. Прежде мужской, он отныне стал именоваться Богоявленско-Анастасийным женским монастырем. (По книге В.Н. Бочкова. Старая Кострома. Кострома, 1997.)

⁸⁵ По-видимому, о. Иоанн имеет здесь в виду Лакайля (Nicolas-Louis De la Caille, 1713–1762) французского аббата и астронома, в котором победила любовь к науке. В 1739 г. Лакайль был назначен профессором математики в коллегии Мазарини и здесь, для своих слушателей, составил учеб-

ники по математике, механике и астрономии, выдержавшие много изданий. В 1741 г. был избран членом Парижской Академии наук, а также был иностранным и почетным членом Российской академии наук.

⁸⁶ Поэтами рождаются, ораторами и математиками делаются/становятся (лат).

⁸⁷ Вернуться к своей невинности (фр.).

⁸⁸ Светлейший князь Александр Аркадьевич Суворов (1804–1882) — государственный, общественный и военный деятель, внук генералиссимуса Александра Васильевича Суворова. 30 октября — 30 декабря 1847 служил костромским губернатором.

⁸⁹ М.И. Ходорович, врач Костромской городской больницы, обрусевший поляк: по слухам, распространившимся среди перепуганных жителей, пожары были устроены нарочно польскими уроженцами, из мести врагов России родине Ивана Сусанина. (См.: Лебедев Ю. С. В. Максимов — П.А. Катенин — А.Ф. Писемский [Эпизод из жизненных и творческих связей] [Электронный ресурс] На правах рукописи. — Режим доступа: http://elib-kostroma.ru/data/documents/Lebedev_3Pis.html

Как поживает ваш дядя, епископ, увеличилась ли его слава в столице России?
Прощай! Остаюсь любящий тебя Иоанн Сквивский.
Февраль 1848 г.

40

О. Иоанн (Сквивский) — Н.Н. Страхову

Дорогой Николай!

Я получил твое письмо чрез г. архитектора и возрадовался. По крайней мере я знаю, что ты находишься в живых.

Первый мой план, обдуманый, был, чтобы ты, приехав в Петербург, поступил прямо в педагогический институт. Так я писал и к преосвященному Нафанаилу. Если бы это было исполнено, каких бы ты избег неприятностей, и через полтора года был бы уже совершенный человек, а так времени пропало много и более всего много потеряно здоровья и способностей. Теперь благодари Бога, что избавил тебя от сует мира. Начни жизнь новую, чтобы обратить на себя внимание начальства и заслужить посылку в заграничные университеты...

Г-н Кудеровский привез мне известие, будто меня вышлют в Киев, но я не получаю указа, а если получу, то недолго промедлю в Костроме. Поэтому прошу тебя немедленно мне отвечать. Не пиши много. Твое письмо я сравнил с Невою, в которой много воды, но мало рыбы. Я читал его четверть часа ..., мне жалко трудов твоих.

Желаешь знать, чего я хочу? Возвратись к состоянию невинности. В Костроме вы были агнцем, а теперь, кажется, вы заблудшая овца. Нужно исправить свой проступок, обратиться к Богу, к вашим обязанностям, полюбить труд, как в Костроме. Бросьте курить табак, будьте прилежны и найдете большое удовольствие в учении.

Вот мой совет последний. Я желаю видеть тебя счастливым, и будешь, если потрудишься и оставишь развлекающую компанию, ибо писано: «Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых»⁹⁰.

Пишешь в P.S., что мое поручение преосвященным оставлено: я не помню, чтобы я делал какое поручение. Если я просил о трубках, то прошу не присылать.

Извини, что так небрежно пишу. Я окончил 71-й год жизни и много потерял бодрости. Однако же привязанность и любовь к тебе сохраняются в целости в моем сердце. И по гроб пребуду любящим тебя Иоанн Сквивский.

23 марта 1848 г.

41

О. Иоанн (Сквивский) — Н.Н. Страхову

Дорогой Николай!

С 22 мая я живу в Киеве с моим товарищем в доме католической церкви, в ведении гражданского начальства. Нам из Костромы дали прогоны и жандарма, и мы, благодарение Богу доехали благополучно. Здесь живем очень покойно, но к несчастью не получаем никакого спомоществования от казны. Святейший Синод прекратил жалованье и товарищу моему Соколовскому⁹¹. Провидение Божие нас не оставит.

Я долго думал, как бы написать к тебе, потому что, может быть, твое благородие выехал на родину. Но неожиданный случай написать чрез Залевского, студента Петербургского университета, очень для меня приятен.

⁹⁰ Начало первого псалма Псалтири царя Давида.

⁹¹ Умер немного позже отца Иоанна и погребен рядом с ним.

Я уверен, что он доставит тебе настоящее письмо ...

В дороге до Киева я был здоров и в Киеве тоже. Но когда начала у нас действовать холера, то я, хотя и не имел оной, всегда был нездоров. Напиши мне о своем здоровье и о преосвященном... Живы ли и здоровы и не произошло ли какой перемены?

Мне нездоровится, вот почему я пишу не по-французски.

Г-н Залевский не был у меня больше. Хотя и обещал... Поэтому посылаю это письмо через Гавронского, который едет в Петербург, чтобы поступить в педагогический институт ...

До свидания, мой милый, желаю вам всякого благополучия. Всегда искренний ваш друг

Иоанн Скивский

4 августа 1848 г.

42 О. Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову

Любезнейший мой Николай!

По болезни моей я не писал к тебе долгое время. Потом я жил два месяца в деревне, где не было почты. Теперь я возвратился в Киев и уже нескоро выеду, поэтому имею приятность писать тебе, желая доброго здоровья и успехов в науках.

Я, благодарение Богу, здоров ... Если еще любишь меня, то уведоми о своем здоровье и об успехах в науках. Я надеюсь, что ты заслужишь у своего начальства доброе расположение и тебя со временем пошлют для усовершенствования в другие университеты, по восстановлению порядка в Европе. Теперь к несчастью, как эпидемию какую, заражены или тронуты шалостию молодые головы. Я всегда молюсь Всевышнему, да сохранит тебя от этой болезни. Ради Бога и своего счастья не слушай пустых голов, о своих начальниках. Обязанности свои исполняй с ревностью, люби Бога и Государя и Отечество, ибо «всякая власть от Бога, а противляется власти, противится Богу», — говорит <Св. Павел>. Так поступая, будешь счастлив в сей жизни и в будущей, чего я тебе всегда усердно желаю, как любящий тебя от души твой друг

Иоанн Скивский.

4 июня 1849 г.

PS. Хотел послать тебе гостинца, но сомневаюсь — не выехал ли ты к маменьке на вакацию.

43 О. Иоанн (Скивский) — Н.Н. Страхову

Дорогой Николай!

Письмо твое от 3 июля я получил 13. Благодарю покорнейше, что ты меня порадовал немножко своими успехами. Дай Бог вперед большего. Жаль, что по моему совету не поступил прямо в институт; уже окончил бы курс наук, а так еще два года остается. Но, видно, так было угодно Богу и, верно, так лучше... Старайся, как можно вести себя наилучше, Бог милостив! Я надеюсь, что скоро будешь профессором в каком-нибудь университете.

На твои надобности прилагаю при сем 10 руб.с. Употреби их на что тебе угодно — доброе, а не на худое; но я надеюсь, что худого ничего не сделаешь.

Не уведомлешь меня, бываешь ли у преосвященного, что для меня было бы приятным известием. ...

Ну, прощай! ... Остаюсь любящий тебя

Иоанн Скивский. 15 июля 1849 г.

Избранная библиография

ТРУДЫ Н.Н. СТРАХОВА

Страхов Н. О костях запыстья млекопитающих: рассуждение, написанное для получения степени магистра зоологии. СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1857. 60 с.

Страхов Н. О методе естественных наук и значении их в общем образовании. 2-е изд., доп. Киев: И.П. Матченко, 1900. XVI, 186 с.

Страхов Н.Н. Мир как целое: черты из наук о природе / предисл., коммент. Н.П. Ильина (Мальчевского). М.: Айрис-пресс: Айрис-дидактика, 2007. 569 с.

Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе: исторические и критические очерки. Кн. 1. 3-е изд. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1897. XIV, 386 с.

Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе: исторические и критические очерки. Кн. 2. 3-е изд. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1897. XXVI, 465 с.

Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе: исторические и критические очерки. Кн. 3. 2-е изд. Киев: И.П. Матченко, 1897. VI, 296 с.

Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862–1885). 4-е изд. Киев: И.П. Матченко, 1901–1902. Т. 1: Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862–1885). 1901. [4], XVI, 387 с.; Т. 2: Критические статьи (1861–1894). 1902. [2], II, 434 с.

Страхов Н.Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. 3-е изд. Киев: И.П. Матченко, 1904. XVI, 238 с.

Страхов Н.Н. О вечных истинах: мой спор о спиритизме. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1887. XXXVIII, 130 с.

Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. 3-е изд. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1913. XII, 225 с.

Страхов Н.Н. Воспоминания и отрывки. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1892. II, 313 с.

Страхов Н.Н. Философские очерки. 2-е изд., доп. Киев: И.П. Матченко, 1906. XII, 488 с.

Страхов Н.Н. Литературная критика: сб. ст. / вступ. ст., составл. Н.Н. Скатова, примеч. Н.Н. Скатова, В.А. Котельникова. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 459 с.

ПЕРЕПИСКА

Григорьев Ап. Переписка Ап. Григорьева с Н.Н. Страховым (1860–1864) / вступ. ст., публ. и примеч. Б.Ф. Егорова // Труды по русской и славянской филологии. Сер. 8. Литературоведение. Тарту, 1965. С. 163–173.

И.С. Аксаков — Н.Н. Страхов : переписка / сост., предисл. и коммент. М.И. Щербаковой ; Группа славян. исслед. при Оттав. ун-те, Ин-т мировой лит. РАН. М.: ИМЛИ; Оттава: Оттав. ун-т, 2007. 192 с.

К.Р. Переписка К.Р. с Н.Н. Страховым // Русская литература. 1993. № 2. С. 148–187.

Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов: полное собрание переписки: в 2 т. / сост.: Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова; ред. А.А. Донсков. М.: Гос. музей Л.Н. Толстого; Ottawa, 2003. 1080 с.

Л.Н. Толстой и С.А. Толстая: переписка с Н.Н. Страховым / ред. А.А. Донсков; сост.: Л.Д. Громова, Т.Г. Никифорова. Ottawa: Slavic Research Group at the University of Ottawa; М.: Гос. музей Л.Н. Толстого, 2000. 308 с.

Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым // Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Изд-во «Республика», 2001. С. 5–316.

Страхов Н.Н. Письма к Ф.М. Достоевскому // Шестидесятые годы / АН СССР, Ин-т литературы (Пушкинский дом); под ред. Н.К. Пиксанова, О.В. Цехновицера. М.; Л., 1940. С. 255–280.

Фет А.А. Переписка с Н.Н. Страховым (1877–1892) // А. А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. / ИМЛИ РАН; отв. ред. Т.Г. Динесман. М., 2011. Кн. 2. С. 233–550.

Исследования жизни и творчества Н.Н. Страхова

Авдеева Л.Р. Русские мыслители: Ап. А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов: филос. культурология второй половины XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1992. 195 с.

Антонов Е.А. Антропоцентрическая философия Н.Н. Страхова как мыслителя переходной эпохи. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. 165 с.

Бабаев Э.Г. Критическая поэма // Бабаев Э.Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. 2-е изд., испр. и доп. М., 1993. С. 88–97.

Балуев Б.П. Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». 2-е изд., испр. и доп. Тверь: Булат, 2001. 414 с. Белов А.В. Культура глазами философов-органицистов. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. 178 с.

Белов С.В., Белодубровский Е.Б. Библиотека Н.Н. Страхова // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: ежегодник 1976 / АН СССР. М., 1977. С. 134–140.

- Бурмистров А.С. Петербург Н.Н. Страхова // Вече: альманах русской философии и культуры. 1995. Вып. 4. С. 165–174.
- Введенский А.И. Значение философской деятельности Н.Н. Страхова // Образование. 1896. № 3, отд. II. С. 1–8.
- Введенский А.И. Общий смысл философии Н.Н. Страхова. М.: Унив. тип., 1897. 25 с.
- Ведерникова Т.В. Н.Н. Страхов — литературный критик: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Харьков, 2010. 199 с.
- Gerstein L. Nikolai Strakhov. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: Distributed by Oxford University Press, 1971. xi, 237 p.
- Грот Н.Я. Памяти Н.Н. Страхова: к характеристике его философ. миросозерцания. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнарев и КО, 1896. 40 с.
- Гуральник УА. Н.Н. Страхов — литературный критик // Вопросы литературы. 1972. № 7. С. 137–164.
- Долинин А.С. Ф.М. Достоевский и Н.Н. Страхов // Достоевский и другие. Л., 1989. С. 234–270.
- Знаменитые земляки. Страхов / А.Г. Масалов; под общ. ред. В.В. Горошникова. Рыбинск: МедиаРост, 2018. 48 с.
- Ильин Н.П. Трагедия русской философии. М.: Айрис-пресс, 2008. 605 с.
- Климова С.М. Н.Н. Страхов в диалоге с современниками // Человек. 2009. № 5. С. 67–83.
- Колубовский Я.Н. Н.Н. Страхов: материалы для истории философии в России. 1855–1888 // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 4. С. 1–32; 1891. Кн. 5. С. 33–44; кн. 6. С. 45–96; кн. 7. С. 89–121.
- Лазари Анджей де. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество: Пер. с польск. / отв. ред. В.А. Хорев. М.: Наука, 2004. 207 с.
- Лыкова В.С. Философские воззрения Н.Н. Страхова: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. М., 2001. 206 с.
- Малецкая Ж.В. Н.Н. Страхов — критик И. С. Тургенева и Л.Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Махачкала, 2007. 180 с.
- Мотовникова Е.Н. Герменевтические стратегии в философской публицистике Н.Н. Страхова (историко-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. М., 2016. 288 с.
- Мотовникова Е.Н. Национальный вопрос: опыт социальной герменевтики Н.Н. Страхова // Вопросы философии. 2014. № 11. С. 69–78.
- Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А. Poleмика и понимание: философские очерки мышления и личности Н.Н. Страхова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 199 с.
- Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А. И. Кант в философских исследованиях Н.Н. Страхова: опыт эпистемологической ориентации // Кантовский сборник. 2015. № 3(53). С. 22–37.

- Н.Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания. СПб.: Алетейя, 2010. 207 с.
- Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время. 1861–1863. М.: Наука, 1972. 317 с.
- Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». 1964–1865. М.: Наука, 1975. 303 с.
- Николай Николаевич Страхов: философ, литературный критик, переводчик: библиографический указатель / сост. П.Н. Бондарева. 2-е изд., доп. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. 124 с.
- Никольский Б.Н. Николай Николаевич Страхов: критико-биографический очерк. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1896. 56 с.
- О жизни и мировоззрении Н.Н. Страхова [Электронный ресурс] // Русская мысль: ист.-методол. семинар в Рос. христиан. гуманист. акад., Санкт-Петербург, 27 нояб. 2009 г. / ведущий А.А. Ермичев. СПб., 2009. Режим доступа: <http://www.rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/strakhov.php> (дата обращения 23.10.2018).
- Ольхов П.А. Здравый смысл и история (заметки к полемической эпитафии Н.Н. Страхова «Вздых на гробе Карамзина») // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 125–132.
- Ольхов П.А. Свободный консерватор: на подступах к философии истории Н.Н. Страхова // Философия и культура. 2010. № 8. С. 103–109.
- Першкина А.Н. Журнал братьев Достоевских «Время»: история, поэтика, проблемы атрибуции: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2013. 315 с.
- Розанов В.В. Вечная память // Литературные изгнанники. СПб., 1913. Т. 1. С. 455–531.
- Розанов В.В. Памяти Страхова / публ. Г.В. Нефедьева; коммент. И.А. Едошиной // Энтелехия. Кострома, 2010. Т. 16. № 21. С. 59–77.
- Скатов Н.Н. Н.Н. Страхов: (1828–1896) // Страхов Н.Н. Литературная критика: сб. ст. / вступ. ст. и сост. Н.Н. Скатова; коммент. В.А. Котельникова. СПб., 2000. С. 3–41.
- Снетова Н.В. Философия Н.Н. Страхова (опыт интеллектуальной биографии). Пермь: Пермский ун-т, 2010. 351 с.
- Снетова Н.В. Николай Страхов: западная и русская философская мысль в интерпретации органициста. Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2013. 162 с.
- Туниманов В.А. Достоевский, Страхов, Толстой (лабиринт сцеплений) // Русская литература. 2006. № 3. С. 38–96.
- Фатеев В.А. «... в Страхове я вижу миниатюру современной России»: полемические заметки об отношениях Н.Н. Страхова и Вл.С. Соловьева // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, вып. 1. С. 111–127.
- Фатеев В.А. «Пустынножитель» (Непройденный путь философа Николая Страхова) // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 145–175.
- Хорошева А.В. Творчество Н.Я. Данилевского в общественной мысли пореформенной России: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02. М., 2007. 285 с.
- Шаулов С.С. Н.Н. Страхов как творец и персонаж литературных контекстов: между Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым. Уфа: БГПУ, 2011. 84 с.
- Шперк Ф.Э. Н.Н. Страхов. Критический этюд // Ф. Шперк «Как печально, что во мне так много ненависти...»: ст., очерки, письма. СПб., 2010.

С. 122–128.

Щербакова М.И. Лев и два Николая: становление души в трилогии Л.Н. Толстого и отроческих письмах Н.Н. Стрхова // Толстовский ежегодник, 2002 / Гос. музей Л.Н. Толстого. М., 2003. С. 284–293.

Щербакова М.И. Повесть Н.Н. Стрхова «По утрам» // Толстой и о Толстом: материалы и исследования. М. Вып. 4: Материалы к коммент. 2010. С. 359–367.

Эпистемологический стиль в русской интеллектуальной культуре XIX–XX вв.: от личности к традиции / РАН, Ин-т философии, ИНИОН; под ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2013. 447 с.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н.Н. СТРХОВА В 1828–1860 ГГ.

Гринева С.П. «Белгородский след» в истории русской литературы: учеб. пособие по лит. краеведению. Белгород: Изд-во БГУ, 1998. 208 с.

Крупенков А. Стрховы из Белгорода // Белгородские известия. 2005. 10 сент.

Крупенков А.Н. Стрховы и Савченко // Белгородская старина. Белгород. 2011. С. 203–209.

Сорокина Д.Д. «Поездка на Кавказ» (1859) Н.Н. Стрхова как отражение переходной эпохи от романтизма к реализму // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3(69), ч.1. С. 39–42.

Сорокина Д.Д. Творческое наследие Н.Н. Стрхова 1840–1850-х гг.: формирование литературного критика и философа: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2017. 269 с.

Щербакова М.И. «Вместо дневника — письма к вам»: из переписки Н.Н. Стрхова с Иоанном Сквивским // Москва. 2004. № 10. С. 186–206.

Щербакова М.И. Кострома в судьбе Н.Н. Стрхова // Вестник КГУ. 2016. № 6. С. 65–68.

Щербакова М.И. Повесть Н.Н. Стрхова «По утрам» // Толстой и о Толстом: Материалы и исследования / РАН, ИМЛИ. М., 2010. Вып. 4: Материалы и комментарии. С. 359–367.

Щербаченко В. Духовенство и миряне в духовной жизни Белгородчины // К духовным истокам Белгородчины: по материалам лит.-просвет. вечера «Духовные истоки Белгородчины», 14 сент. 1993 г. Курск, 1994. С. 35–57.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Полухин Олег Николаевич,

доктор политических наук, профессор, ректор Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»); с 2014 г. – руководитель комплексной проблемной группы НИУ «БелГУ» по возобновлению и сохранению исторической памяти о русском мыслителе-энциклопедисте, потомственном белгородце Н.Н. Страхове. По инициативе О.Н. Полухина в университете учреждена премия имени Н.Н. Страхова и создан историко-мемориальный и исследовательский гуманитарный комплекс, посвященный интеллектуальной культуре России, в составе которого – библиотека-музей Н.Н. Страхова с фрагментом последней квартиры мыслителя, фондом редких книг и электронной библиотекой (в т.ч. электронным рукописным архивом).

Щербакова Марина Ивановна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая Отделом русской классической литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, иностранный сотрудник Центра Славянских исследований Оттавского университета (Канада). Основная научная деятельность посвящена истории и текстологии русской литературы второй половины XIX века. Творчество Н.Н. Страхова оказалось в центре внимания М.И. Щербаковой в конце 1990-х гг. Архивные и исследовательские открытия М.И. Щербаковой – ранняя проза Н.Н. Страхова и его эпистолярное наследие (переписка с архимандритом Иоанном (Скивским), И.С. Аксаковым, П.Д. Голохвастовым), исследование костромского периода жизни Н.Н. Страхова и др.

Ольхов Павел Анатольевич,

доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, руководитель международного научно-исследовательского центра (МНИЦ) «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования», научный консультант библиотеки-музея Н.Н. Страхова НИУ «БелГУ». Основная научная деятельность связана с изучением актуальных проблем эпистемологии исторического знания и истории философии. П.А. Ольхов обращается к анализу интеллектуального наследия Н.Н. Страхова с 2008 г., характеризуя его как первого систематического мыслителя герменевтико-диалогического склада. Особое внимание уделяется философии истории Н.Н. Страхова – «свободного консерватора» – в связи с историей понимания Страховым и его собеседниками трудов Им. Канта, А. Шопенгауэра, Н.М. Карамзина, А.А. Григорьева, Л.Н. Толстого, П.Д. Голохвастова и др. Автор монографии «Диалог и история: экзистенциальные аспекты исторического мышления в XIX-XXI вв.» (2011), в которой исследовательский материал об историко-эпистемологических поисках Н.Н. Страхова относится к числу основных. Соавтор монографии «Пolemика и понимание: философские очерки мышления и личности Н.Н. Страхова» (совместно с Е.Н. Мотовниковой, 2012 г.).

Сорокина Дарья Дмитриевна,

кандидат филологических наук (школа М.И. Щербаковой). Основная научная деятельность связана с изучением актуальных проблем текстологии, исторического литературоведения и истории русской литературы XIX в. Специалист в области раннего периода жизни и литературного творчества Н.Н. Стрхова. К интеллектуальному наследию Н.Н. Стрхова обратилась в 2014 г. Автор кандидатской диссертации, впервые посвященной раннему Стрхову «Творческое наследие Н.Н. Стрхова 1840–1850-х гг.: формирование литературного критика и философа» (2017). Особое внимание уделяется проблемно-тематическому диапазону художественно-автобиографических произведений Н.Н. Стрхова 1840–1850-х гг., выявлению литературно-критических доминант в раннем творчестве мыслителя и др.

Масалов Алексей Геннадиевич,

кандидат философских наук, заведующий отделом редких книг – библиотекой-музеем Н.Н. Стрхова НИУ «БелГУ». Основная научная деятельность связана с изучением актуальных проблем философии науки (холизма в естественнонаучном знании) и философии сознания. К интеллектуальному наследию Н.Н. Стрхова обратился в 2015 г. в связи с реализацией проекта библиотеки-музея Н.Н. Стрхова. Большая часть исследовательской работы в области страхововедения имеет информационно-аналитический и системно-организационный характер (работа с архивными материалами, генеалогия, виртуальные реконструкции и др.). Автор первой научно-популярной биографии Н.Н. Стрхова, вышедшей в серии «Белгородские земляки» (2018).

Мотовникова Елена Николаевна,

доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии, руководитель исследовательской группы МНИЦ «Интеллектуальная история России и региональные биографические исследования». Основная научная деятельность связана с изучением актуальных проблем эпистемологии социального знания и истории русской философии. К интеллектуальному наследию Н.Н. Стрхова обратилась в 2011 г. Автор первой в истории страхововедения докторской диссертации, специально посвященной Н.Н. Стрхову «Герменевтические стратегии в философской публицистике Н.Н. Стрхова (историко-философский анализ)» (2016). Особое внимание уделяется сравнительно-типологическому анализу мышления Н.Н. Стрхова, его философской публицистике, в связи с исследованиями страховских трудов, посвященных Им. Канту, А. Шопенгауэру, А.А. Григорьеву, Н.Я. Данилевскому, Л.Н. Толстому, П.Д. Голохвастову и др. Специальное направление исследований – ученики и последователи Н.Н. Стрхова, среди которых наибольшее внимание Е.Н. Мотовникова уделяет Ю.Н. Говорухе-Отроку и Ф.Э. Шперку. Соавтор монографии «Полемика и понимание: философские очерки мышления и личности Н.Н. Стрхова» (совместно с П.А. Ольховым, 2012 г.).

Авторский коллектив: О.Н. Полухин, М.И. Щербакова, П.А. Ольхов,
Е.Н. Мотовникова, Д.Д. Сорокина, А.Г. Масалов.

Фото: Е.Г. Толмачева, Е.Н. Мотовниковой, Д.Д. Сорокиной, Отдела
архивных документов РНБ, Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинского
дома) РАН, Центрального основного фонда РГБ, а также из открытых
источников Internet

«Я родился в Белгороде, и для меня до сих пор Курская губерния есть то место, где всего лучше жить людям, где времена года имеют надлежащую продолжительность, где небо, земля, трава и деревья имеют свой настоящий вид, тот самый, который подразумевается под этими словами».